

III

ВОСТОЧНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А Н АЛЕКСАХИН

РОЛЬ СИНГАРМОНИЗМА В СОЗДАНИИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ СЛОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА¹

«Изолирующие языки дают богатый материал для изучения эволюции человеческого языка вообще»

В И Солнцев Введение в теорию изолирующих языков, с.7

Сингармонизм как фонетическое явление обеспечивает фонетическую целостность и отдельность словоформы. Полагают, что в этой функции сингармонизм соотносится с ударением индоевропейских языков [ЛЭС, 445]. Сингармонизм существует на основе ассимиляции и обычно как фонетическое явление иллюстрируется на примере тюркских и финно-угорских языков, в которых гласные не первых слогов слова уподобляются по ряду, а в некоторых из этих языков и по работе губ гласному первого, начального слога. Применительно к тюркским языкам рассматривается и лингвальная гармония гласных, т.е. их гармония по степени раствора. Считается, что сингармонизм присущ главным образом агглютинативным языкам.

Попытки определения слогов по ударности-безударности в многосложных словах китайского языка путунхуа (фонетическая система пекинского диалекта ПД) в имеющихся научно-методических описаниях осуществляются по двум направлениям. В одних работах ударение в двусложных словах по сравнению с русским выделяется и описывается, в других показывается его несущественность в звукорядах многосложных слов путунхуа: носители этого языка не могут разметить многосложные слова по признаку ударения [Румянцев 1974, 147–150].

Сравнение двусложных слов пекинского, мэйсяньского и шанхайского диалектов (далее ПД, МД и ШД) показывает, что отношения между гласными в сопологающихся слогосонемах (сонема – звуковая сторона морфемы, по В.М. Солнцеву [Солнцев 1977, 197; Солнцев 1995, 49]) регулируются определенными правилами их реализации и сочетаемости в позициях левого и пра-

¹ На материале пекинской, мэйсяньской и шанхайской фонетических систем.

вого слогочётов (0123+0123)². Эти позиционные правила фонетической реализации гласных, детерминируемые тоновой коррелятивностью гласных ПД, МД и ШД, являются достоянием каждой фонетической системы и неотъемлемой характеристикой облика слов соответствующих разговорных языков. Поэтому закономерно, что при сравнении родственных фонетических систем ПД, МД и ШД в соотношении гласных (слогов), входящих в звукоряды их слов, не обнаруживается отношений ударности-безударности [Алексахин 1987; 1990а, Сюй Баохуа и др. 1988].

Сингармонизм действует как в односложных, так и в многосложных словах. Сингармонизм в односложных словах обеспечивается действием фонетического закона звуковой системы путунхуа. По работе голосовых связок, или в тоновом отношении, четные гласные ассимилируют нечетные, а по работе надгортанных резонаторов, или в тембровом отношении, нечетные гласные ассимилируют четные. Четность и нечетность гласных определяется по позициям слоговой звукопозиционной матрицы 0123 (0 – позиция реализации всех двадцати пяти согласных фонем, 2 – позиция реализации всех сильных, или четных, связочно-дифференцированных гласных в количестве тридцати одной фонемы, 1 – позиция реализации трех узких слабых гласных, 3 – позиция реализации пяти узких слабых гласных) [Алексахин 1990а; 1990б; 1996]. Это означает, что нечетные гласные сингармонизируются с четными по характеру одного из пяти укладов голосовых связок, реализующих пять тоновых корреляций гласных, включая и корреляцию гласных легкого, или нейтрального, тона, например: [t'a⁵⁵] 'он' и [t'iaɪ⁵⁵] 'небо'. Экспериментально многократно показано, что частотные F₀ (тоновые) характеристики четной гласной [a⁵⁵] определяют частотные F₀ (тоновые) характеристики слабых гласных левого и правого нечётых [-i⁵⁵] и [-ɿ⁵⁵]. В тембровом же отношении четные гласные стремятся сингармонизироваться с нечетными, например: /t'ia⁵⁵/ → [t'iaɪ⁵⁵] → [t'ieɪ⁵⁵] → [t'ieɪ⁵⁵] 'небо' – лингвальная (по раствору) и рядная сингармония; /kəu²¹¹⁴/ → [kəu²¹¹⁴] 'собака', /kuə²¹¹⁴/ → [kuə²¹¹⁴] 'плод' – лабиальная сингармония.

² Под слогочётом понимается сильная гласная, реализующаяся в позиции чёта. Звукофонемные позиции обозначаются ц. ф.рами: 0 – фонологическая позиция реализации всех согласных фонем ПД, МД и ШД, 1 – позиция реализации слабых, нечетных гласных, 2 – позиция реализации сильных, четных гласных, 3 – позиция реализации слабых, нечетных гласных. Четырехпозиционные слоги не представлены в МД и слабо представлены в ШД. В МД существует подсистема узких инспираторных гласных переднего, центрального и заднего рядов, в ШД инспираторные гласные представлены только тоновой оппозитивной серией центрального ряда. Поэтому в МД, в отличие от ПД, представлены два типа слоговых матриц: 012 и 032, где в матрице 032 в позиции левого нечёта перед сильными инспираторными гласными в качестве слабых гласных реализуются не только узкие, как в ПД, но и среднерастворные и широкорастворная гласные. Подробно см. [Алексахин 1987; 1990а; 1990б; 1996].

На основе прогрессивной дистантной ассимиляции достигается тоновая сингармония четных гласных со слабой ретрофлексной гласной в пятитембровых слогах типа [huaɪə³⁵] ‘желток’ в отличие от [huaɪ³⁵] ‘желтый’. Расщепление, или мутация, позиции правого нечета /0123/, которая произошла в данных слогиномемах (номема – звуковая сторона слова, по В.М. Солнцеву [Солнцев 1977, 197; 1995, 49]) в фонетической системе ПД стала возможной благодаря большой инерционности тонопроизводящего уклада голосовых связок четных гласных и яркой контрастности слабой ретрофлексной гласной [-ə] по сравнению со слабой носовой гласной центрального ряда [-ɪ] и слабой огубленной гласной заднего ряда [-u], например: bāo ‘завертывать’ /rau⁵⁵/ и bāo ‘узел’ /rauə⁵⁵/, где слоговая матрица 023. С остальными двумя гласными, могущими реализоваться в позиции правого нечѐта узкой переднего ряда [-i] и носовой узкой переднего ряда [-ɪ], слабая ретрофлексная гласная вступает в оппозитивные отношения, например: gài ‘накрывать’ /kai⁵¹/ и gài ‘крышка’ /kaə⁵¹/, wán ‘кончатся’ /wai³⁵/ и wán ‘развлекаться’ /waə³⁵/, где слоговая матрица 023. Фонологическая система ПД использует инерционное распространение артикуляторной энергии через позицию правого нечѐта не только путем расщепления последней, но и в случае реализации звонких согласных в правом тонально-сингармонистическом слоге, т.е. в реализации слогосонемных (в отличие от слогиномемных) позиций и оппозиций согласных и гласных. Тонально-сингармонистический слог реализуется как примыкающий, и в нем согласные оказываются в интервокальном окружении, максимально неблагоприятном для реализации свойств глухих согласных по месту работы голосовых связок. Ассимилирующее воздействие градуально дифференцированных тонопроизводящих масс голосовых связок четных гласных левого слога возрастает настолько, что в случае уменьшения тонопроизводящей массы четной гласной правого слога до нейтральной происходит максимальное уподобление связочного уклада глухих непридыхательных согласных звонкому укладу соседних гласных, например: [hau²¹¹ də⁰] ‘хорошо’, [pa³⁵ gə⁰] ‘восемь’, [i²¹¹ dzi⁰] ‘стул’. В тонально-сингармонистическом слоге ПД достигается и лингвальная гармония в СГ слоговой коартикуляции, так как время реализации тонально-сингармонистического слога в два и более раза сокращается по сравнению со слогами гласных остальных четырех тоновых корреляций. Это говорит об усилении антирастворности (силе смычки, или ее интенсивности, так как интенсивность смычки обратно пропорциональна времени ее реализации [Алексахин 1990б, 38–45]) согласных в этой позиции и об уменьшении растворности коартикулирующих с ними гласных, т.е. о сингармонии согласных и гласных по раствору в интересах достижения фонетической цельнооформленности двусложных слов. О лингвальной гармонии интервокальных согласных в остальных слогах говорят экспериментальные данные, согласно которым время реализации согласных ПД в этой позиции сокращается в среднем на 24% по сравнению с

согласными левого слога [Фэн Лун 1985, 146]. Об этом же говорят и другие экспериментальные данные [Задоевко 1980, 123–124]: в ритмическом слогe hēn xǐuan ‘очень нравится’ начальное h [x] правильно воспроизводится за диктором, а интервокальное напоминает аудитору русское [к].

Тонально-сингармонистический слог ПД фонетически связан с левым слогом. Фонетическая связанность с левым слогом слова является основой сингармонизма слогов в составе фонетического слова. Формирование в ПД тонально-сингармонистического слога является ярчайшим свойством части, т.е. слогосонемы, по сравнению с целым, т.е. слогономемой. В двухсложных словах ПД как целостных слогономемных образованиях тонально-сингармонистические части выделены не только по своим артикуляционно-акустическим индивидуальным свойствам, но и позиционно: правые в словах ПД. Определение слога через сонему показывает, что целое, слогономема, определяет свойства частей (слогосонем) и у частей появляются свойства, характерные только для частей. Благодаря изменениям фонетических свойств частей (слогосонем) на основе сингармонизма достигается фонетическое оформление целого (слогомем).

Одним из ведущих факторов в ходе речевой реализации цепочки слогов и их одновременного построения в ритмически организованные структуры в потоке речи является длительность. Именно длительность китайских двухсложных (многосложных) слов, отражающая временные характеристики слогосонемных согласных и гласных и их сингармонистическую компрессию в интересах обеспечения фонетической цельнооформленности китайских многосложных слогономем, является наиболее интегральным и экспериментально получаемым доказательством артикуляторно-акустической (фонетической) целостности китайских многосложных слов. Фонетическая реализация односложных, двухсложных и трехсложных (многосложных) слов обнаруживает тенденцию к изохронности.

Возникновение позиционно сингармонистической модели двухсложных слов ПД структурно демонстрируется как полная исчерпанность позиций односложного слова и переход к использованию в системе вторичной СГ коартикуляции на основе инерционного распространения произносительной энергии из матрицы левого слова: [212302123] (например, [hual³⁵–hual³⁵] ‘тревожный’). В непервом (непервых) слогe происходит воспроизведение позиционной структуры первого по аналогии и на основе действия прогрессивной дистантной ассимиляции в отношении всех звуков, могущих реализоваться в непервой слоговой матрице. Прогрессивная дистантная ассимиляция (уподобление) может быть либо полной по всем позициям и по всем звукам в этих позициях, либо частичной. Полное уподобление правого слога левому означает повтор, или редупликацию. Получается, что редупликация означает предельный случай слогового матричного сингармонизма. В этом смысле закономерно, что в языках, где действуют правила сингармонизма, в морфо-

логии используются различные редупликации (полные и неполные) [Реформатский 1967, 288–289, 487]. Тезис о редупликации как предельном случае полноты матрично-слогового сингармонизма в китайских двусложных (многосложных) словах соответствует значительной роли использования повторов в грамматике китайского языка и других слоговых языках ЮВА [Солнцева 1985, 74–89].

Матрично-слоговой сингармонизм двусложных слов, являющихся статистической нормой китайского языка путунхуа (фонетическая система ПД), фактически описывается в терминах традиционного китайского языкознания в разделе словообразования, когда анализируются простые двусложные слова «ляньмяньцзы». Ляньмяньцзы – это древние слова китайского языка, в которых левый и правый слоги не имеют морфемного значения. Эта категория двусложных слов характеризуется тем, что в их составе правый слог в разной степени повторяет позиционно-звуковую структуру левого слога. Полное повторение описывается термином «деинь» – удвоение звуков, например: /ɕi⁵⁵–ɕi⁵⁵/ ‘орангутанг’, /hwaɪ³⁵–hwaɪ³⁵/ ‘тревожный’. Повторение в позиции левого чёта правого слога согласной аналогичной позиции левого слога описывается термином «шуаншэн», например: /li³⁵–li⁵¹/ ‘смышленный’. Повторение в позициях правого чёта с левым и правыми нечётами правого слога гласных аналогичных позиций левого слога описывается термином «деюнь», например: /t'ai³⁵–laɪ³⁵/ ‘богомол’. Как подчеркивается, все эти структурные повторы активно используются в современном словообразовании китайского языка и в целом обеспечивают гармонию согласных и гласных в звуковой структуре слов, по китайской терминологии – «шэньюнь хэсе» [Чжан Гяохуа и др. 1998, 343]. В свете выдвигаемого тезиса о матрично-слоговом сингармонизме двусложных слов древние слова ляньмяньцзы можно считать моделями такого рода сингармонизма, которые как модели являются реальностью фонетической структуры слов ПД, МД и ШД, но с поправкой на современные слогосонемные матрицы этих сильно контрастирующих фонетических систем. Достаточно, например, сказать, что в МД не представлены четырехпозиционные слогосонемы, в ШД представлены весьма ограниченно, а в ПД они являются нормой.

Итак, системное назначение внутренне немотивированных двусложных слов, вероятно, состоит в том, чтобы обозначить фонетическую цельно-оформленность двусложных внутренне мотивированных, т.е. производных, слов в фонетико-фонологических системах ПД, МД и ШД. Они показывают правила матрично-слогового сингармонизма, т.е. правила воспроизведения-повтора левого слога: «шуаншэн» – воспроизведение левого чёта, «де-юнь» – воспроизведение правого чёта с левым и правыми нечётами, «деинь» – воспроизведение левого слога в правом.

В формуле позиционно сингармонистической модели двусложного слова наличие межслогового нуля [212302123], символизирующего неисчезаемость

и реализацию инерционного распространения производительной энергии из левого слога (напомним переход от сонемы к слогу: 0123 → 21230, где производящий нуль оказывается за пределами полнотембровой четырехпозиционной слогосонемы) структурно говорит о материальном субстрате слогоматричного сингармонизма в матрице слогономемы. Межслоговой нуль имеет свою артикуляционно-акустическую выраженность как реальной внутрисловесной межслоговой паузы, возникающей из-за переключения от гласной артикуляции звука в позиции правого нечѐта левого слога к согласной артикуляции в позиции левого чѐта правого слога. Переключение от гласной к согласной артикуляции при реализации левого и правого слогов по аналогии с переключением от левой согласной смычки к правой гласной смычке в единичной СГ коартикуляции слогономемы происходит через производящий нуль, а именно: 212302123 и 3210123 (обозначение цифрами последовательности инерционных фаз СГ коартикуляции: экскурсия – выдержка – рекурсия выражается формулой 3210123, подробно см. [Алексахин 1990а; 1990б]). Длительность межслоговой паузы равна разности длительности смычки согласного левого слога и длительности этой же согласной в позиции левого чѐта правого слога. Это следует из того, что согласные ПД в интервокальной позиции укорачиваются, но не настолько, чтобы не различаться (это было показано на примере эксперимента по восприятию интервокальных придыхательных согласных). Следовательно, если в интервокальной позиции согласный самой малой интенсивности смычки [x] устойчиво воспринимается как глухая смычка [k], то остальные более интенсивные по смычке согласные тем более, увеличивая свою интенсивность, артикуляционно реализуются как смычки разной интенсивности, а акустически – как паузы разной длительности. Именно эти межслоговые паузы-смычки являются теми материальными сигналами, которые обеспечивают создание слухового эффекта послогового членения китайских слов.

В фундаментальном акустическом экспериментальном исследовании ритмических структур китайских слов ПД Т.П. Задоевко говорится: «Регистровый сдвиг, этот устойчиво проявляющийся признак ритмического членения, все же не является единственным и совершенно обязательным показателем членения. В структуре ритмического слова, очевидно, есть еще какие-то другие признаки (выделено мною. –А.А.), способствующие созданию слухового эффекта ритмического членения» [Задоевко 1980, 131]. Однако в данном экспериментальном исследовании, вероятно, установка на определение словесного ударения в словах ПД не позволила системно интерпретировать межслоговые паузы [Задоевко 1980, 197].

Между тем весь внутренний ритм китайских слов ПД строится на внутрисловесных паузах, разграничивающих либо два равновесных в смысле полнотональности чѐтных гласных левого и правого слогов, либо три полнотональных слога с паузой, отграничивающей левый слог от двух правых, либо

четыре полнотональных слога с паузой, отграничивающей левый слог от трех правых. И наконец, левый полнотональный слог отграничивается минимальной паузой от примыкающего тонально-сингармонистического слога ПД. Вся система внутрисловных межслоговых пауз определяется правилами матрично-слогового сингармонизма, требующего специальной артикуляторно-акустической выделенности левого базового слога, энергетически способного осуществить прогрессивную ассимиляцию позиционной структуры правых слогов. Именно с выделением левого слога осуществляется разметка внутри словных межслоговых пауз слов путунхуа в китайских пособиях, предназначенных для говорящих на южнокитайских разговорных языках, например: wén-míng 'цивилизация', shōu-yīnjī 'приемник', láo-bùkěró 'нерушимый', bēnzǐ 'тетрадь' [Сюй Шижун 1983, 41–49]. Анализ матрично-слогового сингармонизма слов путунхуа подтверждает, что для слова как «комплексной фонологической единицы» характерна «пауза-смычка» [Щербак 1970, 110].

Матрично-слоговой сингармонизм (в основе которого прогрессивная ассимиляция как инерционное распространение на правые слоги фонетических признаков левого слога) в правых слогах с гласными корреляции нейтрального тона почти не действует, но компенсируется формированием тонально-сингармонистических слогов и образованием цепочек слогов с гласными, гармонирующими по признаку нейтрального уклада голосовых связок. В путунхуа гласный суффикса существительных и гласные видо-временных показателей глагола гармонируют парадигматически по признаку нейтрального тона, а различные модификаторы направленного действия глаголов выделены гармонией гласных нейтрального тона синтагматически, например: t'ái³⁵-ca⁰-tə⁰'y⁰ 'продолжать разговаривать', şuə⁵⁵-pu⁰-tş⁰'u⁰-lai⁰ 'не в состоянии выговорить'. Гласные морфологических показателей существительного и глагола уравниваются в слоговой гармонии с гласной относительного служебного слова: tzuə⁵⁵-tsi⁰-şai⁰-tə⁰ şu⁵⁵ 'книга, которая на столе' и şuə⁵⁵-pu⁰-tş⁰'u⁰-lai⁰-tə⁰ hua⁵¹ 'слова, которые не могут высказать', где гласные суффикса существительных и послелога гармонируют по признаку нейтрального тона с гласной относительного служебного слова, а гласные нейтрального тона глагольных модификаторов тоже гармонируют по этому признаку с гласной относительного служебного слова. Такого рода гармония гласных отмечается как тематическая, т.е. такая, которая охватывает морфологические показатели [Щербак 1970, 70]. Благодаря артикуляционно-акустической силе левого слога (согласно экспериментальным данным, левый слог в сочетании с правым тонально-сингармонистическим по силе произнесения – акустической интенсивности – может преобладать в 3–4 и более раз [Задоевко 1980, 73]) в правых слогах в зависимости от грамматической потребности всякий раз образуется тонально-сингармонистическая живая цепочка слогов с гласными нейтрального тона. Эти агглютинирующие слабые

слоги относительно небольшого количества служебных морфем различаются благодаря согласным, а вводятся в речевые цепочки ритмических слов благодаря сингармонистическим гласным нейтрального тона.

Что касается тонального сингармонизма в отношениях гласных остальных четырех тоновых корреляций, то сингармонизация фонетической реализации связочных укладов четных гласных левого и правого слогов осуществляется на диссимилиативной основе со стороны четной гласной правого слога, где сформировалась более сильная позиция тоновой выраженности четных гласных и где реализуются тоновые оппозиции гласных всех пяти тоновых корреляций ПД: 55, 35, 2114, 51, 0³. Сингармонистические изменения связочных укладов четных гласных левого слога приводятся в пособиях по фонетике путунхуа в виде цифровых правил на основе нотно-цифровой шкалы: 55+55 → 44+55, 35+35 → 34+35, 2114+2114 → 35+11, 51+51 → 53+51. Но тональный сингармонизм сильных четных гласных (за исключением редупликации) в ПД не получает дальнейшего распространения в силу того, что это противоречит их функциональному предназначению – вступая в тоновые оппозиции, различать номемы.

Тональный сингармонизм сильных гласных двусложных (многосложных) слов ШД сильно отличается от МД и ПД. Это определяется редуцированностью одного тонопроизводящего связочного уклада гласных, формированием коррелятивного ряда звонких согласных, отсутствием корреляции гласных нейтрального тона, снижением фонологической роли позиций левого и правого нечёттов (ср., например, ПД – /t'iaĩ⁵⁵/ 'небо' /t'iaĩ³⁵/ 'поле' и в ШД – /t'ĩ⁵³/ 'небо', /di¹³/ 'поле'). Тональный сингармонизм в многосложных словах ШД является продуктивным средством для обеспечения фонетической целостности слов. Определяющей тональную гармонию (гармонию связочно-дифференцированных укладов сильных гласных) двусложных и многосложных слов является четная (сильная) гласная левого слога. Если в ПД сильная позиция тоновых корреляций гласных сложилась в правом слоге, в МД левый и правый слоги в этом отношении равнозначны и только подсистема нескольких полутональных гласных служебных слов сформировалась в правом слоге, то в ШД – в левом. Характернейшей особенностью тонов гласных в двусложных и многосложных словах является то, что они сильно видоизме-

³ Дифференцированные тонопроизводящие уклады голосовых связок описываются по нотно-цифровой шкале путем обозначения цифрами начальной и конечной точек относительной высоты движения голосового тона. Для сравнения приведем систему дифференцированных тонопроизводящих укладов четных (сильных) гласных МД: 55, 33, 11, 31; 45, 21; 55_{/2}, 51_{/2}, 13. Тонопроизводящие уклады 55, 33, 11, 31 реализуют подсистему экспираторных плавных гласных в количестве двадцати четырех ротовых фонем и семи носовых, тонопроизводящие уклады 45, 21 реализуют подсистему инспираторных отрывистых гласных из шести фонем, тонопроизводящие уклады 55_{/2}, 51_{/2}, 13 реализуют подсистему из трех полутональных гласных служебных слов [Алексахин 1987, 29–30]

няются по сравнению с односложными словами и реализуются по определенным словесным многосложным моделям (правилам), в которых ведущим является тон (связочный уклад) гласной левого слога. Эти правила обобщаются в следующей таблице [Сюй Баохуа и др. 1988, 24].

Таблица

*Тональный сингармонизм гласных в многосложных словах ШД**

Один слог	Два слога	Три слога	Четыре слога	Пять слогов
53	55 21	55 33 21	55 33 33 21	55 33 33 33 21
34	33 44	33 55 21	33 55 33 21	33 55 33 33 21
23	22 44	22 55 21	22 55 33 21	22 55 33 33 21
<u>55</u>	<u>33</u> 44	<u>33</u> 55 21	<u>33</u> 55 33 21	<u>33</u> 55 33 33 21
<u>12</u>	<u>11</u> 23	<u>11</u> 22 23	A. <u>11</u> 22 22 23 B. <u>22</u> 55 33 21	<u>22</u> 55 33 33 21

* В таблице подчеркнутые тоновые контуры относятся к кратким инспирированным гласным, оппозитивная пара которых в ШД существует только в центральном ряду, подробно см. [Алексахин 1990б].

Устойчивость и действенность данных моделей тонового сингармонизма подтверждается в материалах других китайских авторов, родным диалектом которых является ШД, а также путем экспериментального изучения [Алексахин 1990б, 231].

ВЫВОДЫ

Сингармонизм может осуществляться посредством различных фонетических явлений, но суть их в одном – в фонетической взаимообусловленности (правой части от левой в составе целого) частей в составе целого.

Тональный и слогоматричный виды сингармонизма – это типологическая характеристика фонетической цельнооформленности слов китайского языка путунхуа и китайских диалектов.

Тональный, лингвальный, рядный, лабиальный и слогоматричный виды сингармонизма невольно скрываются слогосонемным характером иероглифической письменности. В такой письменности и слогономема, и слогосоне-

ма одинаково обозначаются одним и тем же иероглифом, графическая форма которого никак не отражает изменения субстанциональных свойств звукофона, из которых состоят слогосонемы. Под влиянием иероглифической письменности мысль о том, что китайские двусложные (многосложные) слова состоят из слогосонем, которые фонетически отождествляются с исходными слогосонемами, невольно проникает в морфологические описания китайского языка, которые, например, при сравнении с русским языком осуществлены только на основе фонетической системы ПД как произносительной базы языка-посредника путунхуа.

Однако при таком сравнении для русскоязычного исследователя оказывается труднодостижимым или даже недоступным внутрисистемное значение фонетической редукции гласных нейтрального тона ПД. Оно раскрывается только при сравнении с типологически и генетически родственными фонетическими системами (в нашем случае — с МД и ШД) и познается как формирование тонально-сингармонистических слогов в матрице двусложного слова ПД на фоне диахронической редукции вокализма ПД по сравнению с МД и ШД.

При сравнении же с русским языком очевидная для русского фонетического слуха редукция гласных нейтрального тона в правых слогах двусложных слов ПД, естественно, оценивается на основе сравнения с гласными ударного и безударного слогов в аналогичных двусложных словах, например: *мама* [matʌ] и ПД māma [ma⁵⁵-ma]. Отсюда «логично» следует следующий шаг: описать отношения слогов в китайских словах по аналогии с русскими как ударных и безударных. Вероятно, что на этом пути как раз и происходит преломление слышимой китайской речи (ПД) в призме родного русскоязычного фонетического слуха, так как «Даже изощренное ухо слышит не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать применительно к ассоциациям собственного мышления» [Щерба 1974, 138]. Но если применительно к тонально-сингармонистическим слогам ПД в составе двусложных (многосложных) слов отношение ударности—безударности прослеживается относительно четко, благодаря аналогичному свойству редуцированности в русских безударных слогах и тонально-сингармонистических слогах ПД, то в двусложных (многосложных) словах ПД с сильными гласными в позициях левого и правого слогочѐтов установить отношение ударности—безударности оказывается практически невозможно. Поэтому в учебниках китайского языка и китайских словарях, изданных в КНР и предназначенных для иностранцев, в том числе и для русских, в двусложных (многосложных) словах нет помет ударных и безударных гласных, равно как и нет гласных в позициях левого и правого слогочѐтов без специальных помет (надстрочных диакритик) одной из пяти тоновых корреляций гласных ПД. Аналогично в пособиях по изучению фонетической системы путунхуа (базовым говором которого является ПД), изданных в КНР для жителей юго-восточных провинций, нет помет ударных

гласных в словах ПД, но непременно обозначаются тоновые корреляции гласных ПД. Причем особо детализируются правила тоновой реализации гласных в позициях левого и правого слогов двусложных слов.

Необходимость этого становится особенно очевидной в связи с определением тонально-сингармонистических слогов ПД, МД и ШД, которые, будучи типологически сходными в сравниваемых фонетических системах, синхронически выражаются и разными (качественно и количественно) звукотипами, и в разных позициях.

Словесное ударение русского языка, реализуемое посредством сильного, или ударенного, гласного, можно рассматривать как один из способов сингармонизма, т.е. синхронной гармонизации всех согласных и гласных слова относительно сильной ударенной гласной в интересах фонетической цельно-оформленности слова.

Сравнительный системный анализ звукорядов слов русского и китайского языков с точки зрения единой теории согласного-гласной коартикуляции, по которой согласные и гласные образуют различные степени раствора челюстного угла (все согласные образуют левую подсистему, или отрицательные значения раствора, а все гласные – правую подсистему, или положительные значения раствора: $1 < 0 < 1$), показывает, что в русском и китайском языках сформированы одни и те же позиционно-слоговые матрицы, но в русском они реализуются с консонантным наполнением, а в китайском – с вокальным. По формуле развертки инерционных фаз СГ коартикуляции 3210123 русские и китайские слоговые матрицы являются зеркальным отражением: левые – русские, правые – китайские, т.е. СССР 123 и СПГГ соответственно. Русские слоговые матрицы Г, СГ, ССГ, СССР (ср. с китайскими ПД – Г, СГ, СГГ, СПГГ) являются структурной базой 200 слогов, покрывающих собой около 80% любого текста [Бондарко 1981, 47–148]. Принципиальное различие консонантных и вокалических слоговых матриц в том, что в консонантных матрицах все согласные сильные, благодаря реализации приконсонантных производных нулей, материальным субстратом которых является инерционный выброс левой по происхождению произносительной энергии через минимальное значение правой подсистемы СГ коартикуляции.

Различные типы сингармонизма, или синхронной гармонии согласных и гласных, в звукорядах слов русского и китайского языков определяются различием фонологических систем этих языков. Фонологическая система китайского языка в сравнении с фонологической системой русского языка ориентирована больше на использование вокалических оппозиций, и типологически китайская фонологическая система определяется вокальной доминантой, или «детерминантой» (термин Г.П. Мельникова [Мельников 1989]). В обобщении вокальная детерминанта фонологической системы выражается универсальной формулой для исчисления количества фонем в виде натурального

ряда чисел, состоящего из двух подмножеств относительно нулевой фонемы [Алексахин 1990в]:

русский	35...1 < : 0 : <1 ... 6
китайский (ПД)	25...1 < : 0 : <1 ...31
ШД	41...1 < : 0 : <1 ...35
МД	33...1 < : 0 : <1 ...39

Фонемы учитываются в системе (языке), как следует из формулы производящей оппозиции $1 < : 0 : < 1$, по выдержке, а переходные оттенки звуков реализуются всем спектром артикуляторного движения от относительно индифферентного уклада до выдержки, что описывается формулой СГ коартикуляции $-1 < 0 < +1$. Левое подмножество исчисляет количество выдержек всех согласных фонем через левую единицу, а правое подмножество исчисляет количество всех сильных гласных фонем через правую единицу. В каждом языке фонемы левой и правой подсистем образуют одно множество, объединяемое нулевой фонемой. По равной противопоставленности нулевой фонеме, служащей основанием для сравнения всех членов левого подмножества и всех членов правого подмножества, реализуется оппозитивная связь между членами как левого, так и правого подмножества фонем в номемах конкретных языков. Знаки изменения раствора в формуле производящей оппозиции показывают, что в фонологических системах учитываются слабые позиции и слабые фонемы, реализующиеся по неполной (не достигающей выдержки) артикуляционной программе, а поэтому могущие нейтрализоваться. Таким образом раскрывается артикуляторный механизм и универсальность нейтрализации. Вокальная доминанция в китайском языке усиливается за счет подсистемы слабых гласных, реализующихся в позициях левого и правого нечётых.

Как в русском, так и в китайском (ПД) звуковое разнообразие звукоряда слова поддерживается максимум пятью производными фонологическими нулями, которые фонетически и в русском, и в китайском реализуются слабыми гласными: $v_1^b c_2^b p_3^b l e s_4^b k_5^b$, $ku_1 \tilde{a} i_2 - ku_3 a i_5$ 'дитя'. Слабые гласные в русском и в китайском могут различать звуковые стороны слов (*dáma* – *dómu*, ka_1^{55} 'обязан' – ka_2^{55} 'высокий'), а могут, не различая номем сами по себе, обеспечивать реализацию предшествующих согласных, которые будут различать номемы и поэтому учитываться фонологически, а слабые гласные в этом случае отождествляются с производными фонологическими нулями: *всплеск* [$v^b c^b p^b l e s^b k^b$], $pi^{35} - zi$ [$pi^{35} - dz^b$] 'нос'.

- Алексахин А.Н.* Диалект хакка (китайский язык). М., 1987.
- Алексахин А.Н.* Структура слога китайского языка как проявление системобразующих свойств согласных и гласных (Теория согласного-гласной коартикуляции) // Вопросы языкознания, №1, 1990а.
- Алексахин А.Н.* Фонологическая система китайского языка в сопоставительном аспекте (на материале пекинского, шанхайского и мэйсяньского диалектов). Док. дис. М., 1990б.
- Алексахин А.Н.* Фонологическая система китайского языка в сопоставительном аспекте. Автореф. док. дис. М., 1990в.
- Алексахин А.Н.* Теоретический курс китайского языка. Фонетика. М., 1996.
- Бондарко Л.В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.
- Задоевко Т.П.* Ритмическая организация потока китайской речи. М., 1980.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (ЛЭС).
- Мельников Г.П.* Принципы и методы системной типологии языков. Автореф. док. дис. М., 1989.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1967.
- Румянцев М.К.* К проблеме ударения в современном китайском языке путунхуа // Вопросы китайской филологии. М., 1974.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е. М., 1977.
- Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.
- Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
- Сюй Баохуа, Тан Чжэньчжу* и др. Шанхай шицзюй фаньяньчжи (Описание регионального языка Шанхая), Шанхай, 1988.
- Сюй Шицзун.* Путунхуа юйинь чжиши (Сведения о фонетике путунхуа). Пекин, 1983.
- Фэн Лун.* Бэйцзинхуа юйлючжун шэн, юнь, дяо дэ шичан (Длительность инициалей, финалей и тонов в потоке речи пекинского диалекта) // Бэйцзин юйинь шианьлу. Пекин, 1985.
- Чжан Гяохуа, Ху Юйшу* и др. Ханьюй юйфа сюцы цыдянь (Словарь по китайской грамматике и стилистике). Аньхуэй цзяоюй чубаньшэ, 1998.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

АВСТРОНЕЗИЙСКИЙ ЯЗЫК ЧАМ (ТЯМ) В ИНДОКИТАЕ: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Чамы, наряду с рядом близкородственных этносов (часто называемых горными индонезийцами): джарай, радэ (эдэ), роглай, чру (тьру), бих, хрой (харой) – составляют отдельную континентальную группу австронезийских этносов, обитающих на полуострове Индокитай – чамийскую группу. Чамийские языки по лексико-статистическим основаниям включают в малайскую подветвь, внутри которой к ним по структурным параметрам наиболее близок язык ачех (Северная Суматра).

Собственно народ чамов, выделившийся в процессе исторического развития среди многочисленных, родственных и неродственных ему племен, населявших центральный и южный Вьетнам, обитает компактными общинами в СРВ и Камбодже. В конце 70-х – начале 80-х годов XX в. около 65 тыс. чамов проживали в СРВ (в основном в провинциях Тхуанхай и Анзянг) и 170 тыс. – в Камбодже; сейчас их число в Камбодже значительно выросло. На наиболее удобных для земледелия и торговли землях восточного побережья Индокитая чамы жили с древнейших времен; здесь рано возникли государственные образования; самое раннее упоминание об одном из них относится к 192 г. н. э. Постепенно из объединения мелких княжеств возникло одно из самых мощных и богатых государств во всем регионе континентальной и островной Юго-Восточной Азии – Чампа. Китайские императоры признавали государей Чампы и принимали их послов; китайские суда регулярно заходили в порты Чампы.

Чампа была одним из форпостов индийской цивилизации, государственной религией был индуизм (брахманизм и шиваизм); часть чамов и ныне придерживаются этой веры. Дворцовые и храмовые постройки возводились по индийским образцам; Чампа славилась высоким уровнем музыкального, танцевального, архитектурно-декоративного и прикладного искусства. Большое внимание уделялось созданию письменных памятников, литературных произведений; использовалось письмо на основе деванагари.

В начале XI столетия среди чамской аристократии появились последователи ислама; ныне одна треть вьетнамских чамов и все чамы Камбоджи – мусульмане. Они изучают основы ислама и молитвы на малайском языке и используют для письма малайский вариант арабского шрифта.

Государи Чамы постоянно вели жестокие войны против соседей. В периоды расцвета Чампы ее армия была одной из сильнейших в регионе; она располагала тысячей боевых слонов и десятками огромных военных судов. Однако в 1471 г. она потерпела сильнейшее поражение от армии вьетских императоров, и чамские правители превратились в их вассалов.

Последующие столетия были периодом заката цивилизации Чампы. Императоры и феодальная верхушка вьетов всегда видели в чампах готовых к мятежу врагов. Их большие родовые дома разрушались, храмы закрывались, письменные памятники уничтожались, занятия традиционными искусствами и литературой, даже использование чамского языка в некоторые периоды жестоко преследовались. Огромными массами чамы переселялись в соседние страны; более всего их осело в Камбодже, где они смогли сохранить язык и этнокультурную обособленность, чему способствовала отличная от ихмеров вера – ислам. В период правления Пол Пота чамские общины подверглись особенно жестокому преследованию и физическому уничтожению.

Большое количество чамов переселились также на Малакку и Суматру, где они, как правило, быстро ассимилировались среди близких по расе, языку, религии малайцев.

Описанные здесь лишь в самых общих чертах неблагоприятные условия жизни чамского народа при вьетских императорах после потери независимости Чампы, т.е. в течение пяти веков, все же не привели к его полному исчезновению. В конце XX в. после воссоединения Северного и Южного Вьетнама и налаживания в нем мирной жизни, для чамов, как и для других народностей, созданы новые условия. Законодательно они защищены и не подвергаются преследованиям по национальному признаку, им дана возможность сохранять и развивать свою национальную культуру, говорить на своем языке, изучать традиционную литературу и письменность. Центр этой работы в настоящее время находится в Университете г. Хошимин, и уже есть первые впечатляющие результаты – большие словари: чамско-вьетнамский (1995) и вьетнамско-чамский (1996), под редакцией Буй Кхань Тхе, и некоторые другие издания.

История, культура и язык чамов и в некоторой степени других чамийских народов, живущих изолированно на горном плато и сохраняющих основы исконно матриархального уклада, издавна привлекали внимание европейских, более всего французских, исследователей: миссионеров, чиновников колониальных органов власти, позже специалистов-ученых. Всплески такого внимания были в конце XIX – начале XX в. и в 60-70-х годах XX в. Перечень публикаций, по мнению П. Лафона, насчитывает примерно 800 названий. В связи со специальными филологическими исследованиями в первую очередь следует назвать имена: Э. Эймонье, А. Кабатон, А. Ланде, Ж. Муссе, П. Лафон, По Дхарма (чам по национальности). Заметный вклад внесли некоторые европейские и американские компаративисты: Г. Ниманн, Й. Керн, Х. Кован, В. Шмидт, К. Химли, Э. Кюн, Э. Ли, И. Дайен. В 60-70-е годы много материалов было собрано американскими дескриптивистами. В последние десятилетия заметно возросла роль вьетнамских ученых, среди которых есть и чамы.

Для рассмотрения вопросов, являющихся темой данной статьи: относительно эволюции языка, изменений его структуры – необходимо проводить сравнение состояний языка в разные периоды его истории. В работах французских исследователей [Aumonier 1889; Aumonier & Cobaton 1906, Landes 1891] отражена литературная форма ЧЯ, использовавшаяся в XIX в и раньше. На ее фоне могут быть выявлены отличия, наблюдаемые в разговорном ЧЯ конца XX в., а именно такими материалами мы располагаем в результате полевой работы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции (сезон 1979 года, г. Фаиранг), одним из инициаторов и руководителей которой является В.М. Солнцев. Собранные экспедицией полевые материалы составили основу для систематического описания чамского языка [Алиева и Буй Кхань Тхе, в печати] и для лингвистического анализа его структуры в сравнительно-типологическом ракурсе. К сожалению, до сих пор, насколько мне известно, не было опубликовано какого-либо систематического описания или материалов к такому описанию языка кампучийских чамов, чтобы можно было сравнивать восточный и западный диалекты в их современном состоянии.

Отмеченные в [Aumonier, Sabaton 1906] перипетии исторической судьбы чамского народа, который столь долго и небезрезультатно боролся за самосохранение, весьма заметно и разносторонне влияли и на состояние и эволюцию языка чамов. Воздействие на язык шло по ряду направлений.

Во-первых, результатом миграции чамов с востока на запад было разделение языка на два диалекта: восточный и западный. Можно ставить вопрос и о формировании третьего диалекта в пров. Тяудок (СРВ, на границе с Камбоджей), на основе субдиалекта западного диалекта.

Некоторые различия между западным и восточным диалектами Э. Эймонье и А. Кабатон отразили в своем словаре. В течение XX в. различия между диалектами нарастали, поскольку обе чамские общины, разделенные государственной границей, различием религий, алфавитов, экономических условий, военными событиями, жили в значительной изоляции друг от друга.

Второе следствие – это постоянно усиливающееся расхождение между традиционной литературной формой чамского языка и его просторечными говорами – расхождение вообще характерное для языка в феодальных государствах. Письменная традиция ЧЯ существует почти в течение двух тысячелетий. Основа этого письма – одна из разновидностей алфавита деванагари, которая по-разному трансформировалась на протяжении истории чамов, так и не приведя к созданию общепринятого алфавита. Вкупе с тем обстоятельством, что письмо санскритского типа в принципе не согласуется с фонетической системой ЧЯ (как и других малайских языков), это наличие разных способов письма создает значительные трудности при чтении литературных текстов, требуя специального филологического образования. Очевидно, что в условиях постоянного преследования и запретов на изучение национальной культуры у чамской молодежи не было возможностей для овладения этими

языками. Поэтому все больше углублялось различие между разговорным языком и языком письменных памятников; последний содержал слова с малайскими аффиксами, большое число заимствований из санскрита и становился мало понятным простым чамам мертвым сокровищем. Внимание сосредоточивалось на том, чтобы сберечь рукописи, которым придавалось сакральное значение.

Эту ситуацию, по-видимому, можно сравнивать с положением малайского языка в малайско-язычных районах Индонезии в XIX – начале XX в. Классическую малайскую литературу и ее язык знал лишь узкий круг родовой и торговой знати, а народ, в массе своей неграмотный, пользовался обедненным просторечьем. Но после провозглашения малайского языка языком индонезийской нации в 1928 г. и единственным государственным языком Республики Индонезия в 1945 г. интенсивно пошел процесс обогащения и совершенствования, путем отбора и объединения средств и письменного, и разговорного языка, качественно нового индонезийского языка-макропосредника, основного средства общения во всех сферах жизни многонационального, но единого государства; основой этого процесса было создание новых литературных произведений и новой прессы. В настоящее время две литературно-нормативные формы этого языка, удовлетворяющие всем современным требованиям, используются в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и Брунее.

Совсем другой вид эволюции языка наблюдается в чамских общинах. В течение нескольких столетий родной язык использовался у них лишь в повседневной жизни, в семье, на улице и на базаре, т.е. в просторечной форме. Нет данных о каком-нибудь литературном творчестве: прозе, поэзии, журналистике – на чамском языке, например, в XX в., что потребовало бы усложнения и обогащения языка, возможно, при активизации старых грамматических правил. Практически всем чамам, грамотным и неграмотным, хоть в какой-то степени приходилось изучать господствующий язык страны – вьетнамский или кхмерский, иногда оба. Большое количество лексических заимствований из этих языков вошло в ЧЯ, и одновременно грамматический строй его перестраивался по образцу аналитического типа, с утерей даже тех немногочисленных австронезийских аффиксов, которые в нем использовались прежде.

Таким образом, мы подошли к третьему фактору, влиявшему на характер эволюции ЧЯ, – фактору влияния извне, имевшему форму многосторонних ареальных конвергентных процессов. В этой конвергенции языкам вьетов и кхмеров принадлежала существенная роль, но в целом на такие процессы следует смотреть гораздо шире, поскольку в конвергентное развитие в Индокитае были вовлечены многочисленные языки представленных здесь языковых семей: аустроазиатской, сино-тибетской, тайской, австронезийской, при существенном влиянии санскрита/пали и китайского языков. Язы-

ковая конвергенция на полуострове Индокитай по многим чертам напоминает ситуацию на Балканском полуострове, обычно характеризуемую как «языковой союз».

В то же время и в лексике, и в структуре языков индокитайской общности есть много существенных черт, сближающих их с языком ареала Восточной Азии; можно полагать, что индокитайский языковой союз как результат конвергентных процессов в Индокитае представляет собой составную часть более обширного восточно-азиатского языкового союза [Благоднарова 1989; Еловков 1977; Сердюченко 1965; Солнцев 1963; Солнцева 1985].

Представляя собой наглядный пример развития и изменения языкового строя в условиях языкового союза, ЧЯ может быть весьма интересен для лингвистов с этой точки зрения.

Подчеркнем, что эволюцию ЧЯ мы рассматриваем здесь, сравнивая две синхронные формы этого языка: устные говоры восточного диалекта (Фанранг и его окрестности) во второй половине XX в. и литературный язык, представленный в работах Эймонье и Кабатона, а также в текстах сказок, собранных Ланде (переизданных Кованом [Cowan 1949]), и условно относимый нами ко второй половине XIX в.

Целый ряд структурных особенностей ЧЯ, обнаруживаемых в наших полевых материалах по восточному диалекту, могут считаться присущими индокитайскому структурному типу. Весьма существенно, что черты разных уровней являются взаимосвязанными и взаимообусловленными, что свидетельствует о системных отношениях, а это, в свою очередь, о сформированности системы языкового типа. Назовем некоторые из этих типологически значимых черт, обнаруживаемых в современном разговорном восточном диалекте.

На уровне морфемы и слова – эти единицы в данной форме ЧЯ практически всегда совпадают – происходит интенсивный процесс моносиллабизации; двусложные морфемы исконного АН запаса через этап ослабления, обеднения, потери ударности первого слова либо полностью перешли в односложную форму, либо – и это явление количественно преобладает – существуют в сознании современных носителей в двух формах-вариантах: двусложно-односложный, трехсложно-двусложный.

Морфемный запас состоит в основном из свободных, лексически значимых морфем, выступающих как знаменательные слова; некоторое число таких морфем регулярно употребляются, при делексикализации значения, в качестве грамматических показателей для передачи синтаксических связей и референциальных значений. Среди других индокитайских языков ЧЯ выделяется наличием исконных незнаменательных служебных морфем австронезийской этимологии; в разговорном языке встречаются предлоги *pa?* ‘в, на’, *ka* – направление, адресивность, *ti* ‘на, от’, *tuŋ* ‘с’, инструмент, *thong* ‘с, и’, а также отрицания *?ô/ôh*, *tì*. Используя в литературном ЧЯ пре-

фиксы и инфиксы современными чамами не осознаются как продуктивное средство и обычно в их речи отсутствуют.

Ввиду утери аффиксов новые лексические единицы образуются путем словосложения, в основном по моделям свободных синтаксических словосочетаний, переходя со временем в разряд воспроизводимых единиц; специфически индокитайская модель, присутствующая в ЧЯ, – трехчленная непредикативная группа состава «субъект – предикат – объект». Примеры: *thg:ng pàu* ‘школа’ (дом+учиться), *thg:ng myi?* ‘мочевой пузырь’ (дом+моча/мочиться), *kah hro’u mi* ‘запад’ (сторона+день/солнце+входить), *mtu:yh nga? htu* ‘крестьянин’ (человек+работать+поле).

Удвоение слов/морфем представляет собой второе по значимости средство образования новых словесных единиц; преобладают модели неполного и дивергентного удвоения, например: *ca? saw* ‘ярко-зеленый’ (*saw* ‘зеленый’), *calang caloy* ‘ясный’ (*calang* ‘ясность’).

В связи с отсутствием словоизменения все синтаксические отношения между словами передаются средствами, характерными для изолирующих языков: (а) порядком слов, (б) служебными и вспомогательными словами, (в) моделями конструкций предложения (утвердительных, отрицательных, вопросительных, каузативных и др.), объединяющих в себе правила употребления первых двух средств и использования лексем определенных подклассов. В сегментах предложений действуют два основных правила словопорядка: (1) **постпозиции** подчиненной лексической единицы по отношению к ядерной и (2) **препозиции** грамматического показателя – слова или частицы – по отношению к ядерному слову. Специфическая черта – употребление парных модальных частиц или отрицаний, обрамляющих синтаксический сегмент, например: *Min ?òh hu tha ura:ng anú?:? lay ?òh* ‘Но не имели ни одного ребенка’ (букв. но нет иметь один человек ребенок *ч-ца* нет).

Существенное отличие ЧЯ от австронезийских языков, также связанное с отсутствием аффиксации, – это неразвитость конструкций залогов/фокусов; как и в других изолирующих языках ареала, последовательность «неодушевленное существительное + переходный корневой глагол» равноценна пассивной конструкции: *Nu h ?wa? plòh* ‘Земля вспахана’ (букв. земля пахать уже).

Мы ограничимся здесь этим кратким перечнем структурных черт современного ЧЯ; они, как представляется, в достаточной степени характеризуют его как язык полностью аналитический, причем обладающий аналитической системой индокитайского типа. Эта система отличается не только от характерных для австронезийской семьи систем с синтетическими – аффиксальными – средствами в грамматике и деривации, но и от развившихся в пределах этой семьи систем аналитических, свойственных, например, языкам Полинезии. Последние почти полностью утратили аффиксацию, но сохранили большое число незначительных элементов АН этимологии – частиц, ис-

пользуемых в разнообразных функциях (подробнее об этом: [Alieva 1991; Алиева 1998, 54-59]).

Индокитайские черты отмечаются, естественно, не только в структуре ЧЯ; в его лексике присутствует значительный пласт – более 60% – неавстронезийских корней, в котором, в свою очередь, обнаруживается много единиц неясной этимологии, используемых в принадлежащих к разным семьям языках, составляющих конгломерат индокитайского языкового союза.

Структурные изменения, в первую очередь в морфемах, несомненно, начали происходить в ЧЯ в отдаленные времена; их признаки зафиксированы в работах Эймонье и Кабатона, хотя в целом отраженное в них состояние языка являет основные признаки АН структуры – с набором продуктивных префиксов и инфиксов, с характерной двусложной морфемой, имеющей полноценный, не ослабленный первый слог, без заметной системы регистровых оппозиций и сохранившимся (по крайней мере в транскрипции традиционного письма) противопоставлением глухих и звонких согласных. Сравнение двух, разделенных столетием, состояний ЧЯ позволяет выявить на фоне характерной для индокитайского ареала языковой конвергенции некоторые особенности развития ЧЯ в сторону аналитического строя. Общая тенденция к моносиллабизации приобрела в этом языке специфические черты; в первую очередь – это необычайно широкая вариативность морфемной структуры, как количественная, так и качественная, связанная не только с сегментным и супraseгментным составом морфемы, но и с синтаксическими конструкциями [Alieva 1991; 1997]. Можно допустить, что процесс моносиллабизации идет в ЧЯ по особому пути: он еще не достиг полноты, и не исключено, что оживление, активизация литературной формы языка остановят эту тенденцию и зафиксируют особый вариант в пределах индокитайского подтипа аналитизма.

Явления и процессы, подобные указанным, отмечаются и в других языках чамийской группы, хотя и не в столь сильной степени. Например, применительно к языку тьру (чру) они были исследованы А.Федоровым [Федоров 1987]. Имеющий широкое распространение в Западном Индокитае, прежде всего на Малакке, малайский язык также не избежал влияния аналитических языков, в первую очередь китайского и тайских. В Таиланде есть районы, давно компактно населенные малайцами, диалект которых утратил большинство аффиксов и перестроился по аналитическому типу. Аналогичные явления обнаруживаются в малайских диалектах в провинциях Малайзии на границе с Таиландом. Здесь открыты широкие возможности для научных исследований с позиций исторической типологии и ареальной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиева Н.Ф.* Чамский язык и проблема индокитайского языкового союза // Региональная и историческая адаптация культур Юго-Восточной Азии. Московский филиал Географического общества СССР. М., 1982.
- Алиева Н.Ф.* О тенденциях моносиллабизации в австронезийском языке чам // III Международная конференция «Языки народов Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки», МГУ, 1995.
- Алиева Н.Ф.* Типологические аспекты индонезийской грамматики. Анализ и синтетизм. Посессивность // Фонд «Новое тысячелетие», М., 1998.
- Благодарова Ю.Л.* Основные компоненты ядра восточноазиатского языкового союза и его локализация в древности // Актуальные проблемы китайского языкознания. М.: ГРВЛ, 1989.
- Еловков Д.И.* Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., 1977.
- Сердюченко Г.П.* Проблема типологии в советском языкознании и задачи совещания // Лингвистическая типология: М.: ГРВЛ, 1965.
- Солнцев В.М.* Типологические свойства изолирующих языков (на примере китайского и вьетнамского языков) // XXIУ Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1963.
- Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков. М.: «Восточная литература», 1995.
- Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. М.: ГРВЛ, 1985.
- Федоров А.В.* Типологический сдвиг между островными и континентальными западно-австронезийскими языками (на основе сопоставления систем малагасийского языка и языка тьру). Канд. дис. М., 1987.
- Alieva N.F.* Morphemes in Contemporary Spoken Cham: qualitative and quantitative alternations // CLAO. XX, 2, Paris, 1991.
- Alieva N.F.* The Progress of monosyllabization in Cham as testified by field materials // Proceedings of Seventh International Conference on Austronesian Linguistics. Amsterdam-Atlanta, 1997.
- Aumonier E.F.* Grammaire de la langue Cham. Saigon, 1889.
- Aumonier E.F., Cabaton A.* Dictionnaire Cham-Française. Paris, 1906.
- Bui Khanh The.* De la structure de la langue Cham // Etudes Vietnamiennes, Dossiers Cambodge, Nouvelle serie, № 22, Hanoi, 1989.
- Bui Khanh The.* Chamic Studies. Thamas D., Lee E.W. Nguyen Dang Liem (eds) Papers in Southeast Asian Linguistics, № 4, Canberra, 1977.
- Cowan H.K.L.* Vier tiamse dierenverhalen // Tijdschrift voor de taal-, land- en volkenkunde, 83. Batavia, 1949.
- Dyen I.* The Chamic Languages // Current Trends in Linguistics. Vol.8, The Hague-Paris, 1971.

- Headly P.K.* Some Sources of Chamic Vocabulary//*Austroasiatic Studies*, Part 2. Hanolulu, 1976.
- Hoang Thi Chau.* Le systeme de tons de la langue Cham au Vietnam//*Etudes Vietnamiennes, Dossiers Cambodge. Nouvelle serie*, N 22. Hanoi, 1989.
- Kerajaan Campa* (Государство Чампа, сборник статей на индонезийском языке). Составитель – *Ecole Française D'Extreme Orient. Balai Pustaka. Jakarta*, 1981.
- Landes A.* Contes Tjames. Saigon, 1885.
- Lee E.W.* Proto-Chamic Phonologic Word and Vocabulary. Ph.D. Diss. Indiana Univ., 1966.
- Moussay G.* Dictionnaire Cam-Vietnamienne-Français. Phanrang, 1971.

В А ЕФИМОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКУ ПАРАЧИ (АФГАНИСТАН)

Предлагаемые ниже вниманию специалистов оригинальные тексты на языке парачи – одном из реликтовых бесписьменных языков современного Афганистана – впервые публикуются в нашей отечественной востоковедческой литературе¹. Парачи входит в иранскую группу индоевропейской языковой семьи. В прошлом ареал языка парачи был значительно обширней, чем сейчас: его употребление отмечалось даже в долине реки Инд. В мемуарах основателя государства Великих Моголов Захиреддина Бабура (первая четверть XVI в.), содержащих первое упоминание о языке парачи, их автор сообщает, в частности, о проживании в Кабуле и его окрестностях племен «параджи» (т.е. парачи), говорящих на одноименном языке. В настоящее время парачи распространен лишь отдельными островками на территории Афганистана, занятой иранскими языками дари и пашто, являющимися государственными языками страны, дардским языком пашаи и, частично, нуристанскими языками. Поселения носителей парачи имеются в долинах рек Шотол (или Шутул) – правого притока реки Панджшер – к северу от Кабула; Пачаган и Гочулан – в ущельях Наджраба (или Ниджрау), к северо-востоку от Кабула. Окружающее население в долинах Панджшер и Шотол почти сплошь говорит на языке дари, включая и бывших носителей парачи, ныне

¹ В связи с этим хотелось бы отметить, что данная публикация созвучна в какой-то мере с одним из важнейших направлений многогранной научной деятельности Вадима Михайловича Солнцева – исследованием восточных языков, включающим и организацию лингвистических экспедиций по полевому обследованию малоизученных бесписьменных языков народов Вьетнама.

утративших родной язык и называющих сейчас себя (афганскими) таджиками.

В долине Пачаган парачийцы живут вперемешку с носителями пашто и пашан. В своем большинстве парачийцы двуязычны: помимо родного языка они свободно говорят на местном диалекте дари, а те из них, кто получил школьное образование, владеют и литературным дари, а также – в большей или меньшей степени – пашто (т.е. являются по существу трехязычными).

Численность населения, говорящего на диалектах языка парачи (шотольском, гочуланском и пачаганском), точно не установлена, но, как можно полагать, исходя из косвенных данных, она не превышает в настоящее время 7-8 тыс. человек, ср. [Kieffer 1977, fasc.1, 103-108], где указывается приблизительное число парачийских семей (или крестьянских дворов – Foyers, по терминологии автора): в Шотоле – около 500, в Гочулане – около 230, в Пачагане – более 700.

История изучения языка парачи не имеет длительной традиции. Хотя этот язык, как уже говорилось выше, упоминается еще в мемуарах Бабура, однако подлинное открытие его и вовлечение в научный обиход произошло лишь в 20-х годах нынешнего столетия благодаря фундаментальной работе норвежского лингвиста Г. Моргенстьерне, в которой содержатся тексты, словарь и грамматика парачи (в историческом освещении) [Morgenstierne 1929]. В 1977-1980 гг. в журнале «Studia Iranica» опубликованы отдельными выпусками «Этюды о языке парачи» Ш. Киффера, включающие, в частности, небольшое количество текстов, фрагментарные сведения по фонетике и морфологии, а также словарь (с отдельными этимологическими пометами). Собираемым диалектных данных по языку парачи занимались в разное время также Д.Н. Маккензи, Ж. Редар и Раван Фархади, но их материалы, насколько нам известно, до сих пор не изданы.

В 1997 г. в рамках подготовленного Институтом языкознания РАН под руководством В.С. Расторгуевой многотомного коллективного труда «Основы иранского языкознания» опубликована наша работа по языку парачи, в которой приводятся о нем основные сведения, как экстралингвистические, так и собственно лингвистические – фонетика и морфология в синхронном и историческом аспекте [ОИЯ 1997, 419-549]. В отличие от работ упомянутых авторов, фиксировавших языковые данные в фонетической записи, здесь весь используемый материал дается в фонологической транскрипции.

При изложении материала в качестве базовых используются данные пачаганского диалекта, собранные нами в полевых условиях в Афганистане: его носители живут в наиболее труднодоступных и потому более изолированных (по сравнению с местами расселения шотольцев и гочуланцев) горных ущельях, чем обуславливается меньшая подверженность данного диалекта воздействию со стороны государственных языков Афганистана (дари и пашто) и его более архаичный характер.

Для настоящей публикации нами отобраны три связных текста на пачаганском диалекте²: два из них посвящены местным преданиям о происхождении «народа парачи» и его истории, а один – климату Афганистана. По времени записи они относятся к 1971 г. Информантами являются два коренных жителя из селения Хосайнханхель в Пачагане: 1) С.М., 23-х лет, грамотный, безработный (кала³ Несаре) – текст I; 2) М.М., 17-ти лет, ученик 11-го класса лицея (кала Шейхсат) – тексты II, III. Публикуемые тексты представляют собой плод творчества самих рассказчиков, нами были предложены им лишь темы. Необходимо отметить, что при записи текстов (и не только приводимых здесь) мы преследовали главным образом лингвистические цели – составить более полное, отчетливое представление о фонетической, грамматической и лексической системах языка парачи, поскольку в опубликованной к началу 70-х годов специальной литературе по данному предмету было много противоречивого, неясного, нуждающегося в дополнительных разъяснениях⁴.

Сведения о составе вокализма и консонантизма языка парачи, применяемой нами транскрипции, а также о соотношении знаков, используемых для передачи гласных и согласных парачи в нашей работе, с одной стороны, и в работах Г.Моргенстьерне и Ш.Киффера – с другой, см. в [Ефимов 1997, 429-

² Наиболее полный свод собранных нами материалов по всем трем диалектам парачи содержится в подготовленной несколько лет тому назад к печати монографии «Язык парачи. Грамматический очерк. Тексты. Словарь». По своему содержанию это тексты бытового, этнографического и фольклорного характера в виде связных сюжетов или отдельных фраз.

³ Кала – дом, обычно с усадьбой, обнесенный высокой глинобитной оградой с башнями по углам

⁴ Чтобы показать, какие тернии могут встретиться на пути исследователя языка парачи, в частности при подготовке текстов, приведем такой пассаж из «Этюд о парачи» Ш.Киффера. Завершая описательную часть своей работы [1978, t.7, fasc.2, 270], он пришел к неожиданному выводу о необходимости пересмотра опубликованного им ранее текстового материала [1977, t.6, fasc.2, 249-277], как, впрочем, и всех текстов, опубликованных Г.Моргенстьерне. Такая же неутешительная оценка дана автором и синхронному описанию и анализу грамматического материала языка парачи в работах Г.Моргенстьерне и его собственных. По словам Ш.Киффера, в них недостаточно освещены: глагольная система парачи, функции многих частиц и морфологических элементов, а из экстралингвистических проблем – контакты парачи с языками пашаи и персидским («Partout subsistent des obscurités et des lacunes» – заключает с горечью автор и предлагает, пока не поздно, предусмотреть проведение нового анкетирования и записи текстов на парачи [1978, t.7, fasc.2, 209-270]). (Отметим в скобках, что среди нерешенных проблем грамматики парачи не был упомянут вопрос об объектном согласовании сказуемого в эргативной конструкции предложения в пачаганском диалекте [Ефимов 1981, 121-134, 1997, 424, 426, 522-531, 536-539]. Этот тип эргативной конструкции предложения оказался вне поля зрения обоих исследователей парачи)

435, 443-447]. Необходимо лишь особо сказать о передаче придыхательных согласных парачи: в данной публикации они передаются диграфами – bh, dh, gh, ċh и т.п. в отличие от нашей работы, где для их обозначения применяется знак ‘ справа от буквы, передающей соответствующий согласный звук, т.е. b’, d’, g’, ċ’ и т.д.

Для облегчения понимания и анализа текста оригинала мы придерживаемся принципа более близкого к тексту перевода, в тех же случаях, когда по соображениям стиля приходится отходить от него, то, как правило, рядом в круглых скобках дается буквальный перевод. Названия реалий, бытовые, хозяйственные и другие термины, представляющие этнографический и лингвистический интерес, обычно передаются без перевода (в русской графике). Их подача осуществляется следующим образом:

а) при наличии эквивалента на русском языке мы приводим его, а рядом в круглых скобках, при первом упоминании в тексте, даем оригинальное название;

б) при отсутствии русского эквивалента подобные слова приводятся на парачи, а следом за ними в круглых скобках дается их приблизительный перевод или соответствующие пояснения.

В квадратных скобках представлены слова и выражения, отсутствующие в оригинале, но подразумеваемые по смыслу.

I

1. ē jānēb xāyēs-om kánta rāǰé ba ásl-e nežád-e mardóm-e parāčí maalumát dahēm, xosúsan mardóm-e pačayán. 2. mardóm-e parāčí áslan nežád-e áryái bēn wa maskán-e aslí ē mardománá áryáná bin. ċun z á tan ē mardóm kō^hgárd wa saršúx xalq ċhē bēn, hamēšá žujásak-astan sokunát ná-kanta. táwri ċe maalumát déreman, mardóm-e parāčí yolutár sarhadát-e kō^h-e hendukóš wa bázi qesmát-e sabz wa xōšhawán-tar zendegi kántá. 3. sabáb-e harakát-e ē mardomeká ba noqát-e moxtaléf-e áryáná bázi mardóm-e bigáná bēn. ċe ē mardom šur dáō, ċe az jomlá-e ō mardóm bázi az táyfá-ye mardóm-e ċin bēn, (ċe) dar bázi qesmát-e áryáná-tar dáxél bēn. mardóm-e parāčí, ċe dar áslan ážád wa báyayrát bēn, bená-ye jang mardóm-e bigáná-pen koř. ō mardóm zán khāyn andázá awuštán. howí jombés-ē aslí sabáb-e tit ċhó-ye mardóm-e parāčí ċhi. 4. mardóm-e parāčí bá zi guša-e áryáná-tar uzáyēn. ē mardóm, ċe har jāy yolú hástan, xokán láfz-e parāčí-an, zán áxér yád sē bōn, tán (zán) áxér awládán-kon-ē uzáo. ō hessá-tar ċe yēsá hástan, mēn žá mardóm-tar, mésl-e mardóm-e fārsiwán yá awyán wa γayrá mardóm, láwz-an yád narýó. ċe az án jomlá mardóm-e hosaynxél yá qabilá-yi, ċe ma paná n-e paymánéká si. ō mardomeká parāčí yád narýó, žahí xosór-ēn az táyfá-ye mardóm-e parāčí hesáb kánta. 5. az žá qesmát mardóm-e parāčí, ċe ba taráf-e šemál-e mamlakateká áyēn, ē mardóm dar ší qesmát-e kō^hbánd wa darán-tar uzá yēn. ċe az jomlá-ye ō mar-dóm šotól, γočulán, pačayán-á. 6. mardóm-e šotól, ċe teedád-e

asli-(y)an yé sâ bēn, aksár-ēn mardóm-e fârsiwân-tar zendegi kántá. láfz-e aslí ē mardomeká žu andázá fârsí-â ba xō goríta, yá ni paráči xálés ná. hewí raqám mardóm-e yočulán, če ma žu dará-ye nejraw-tar si; yolú táyfá-ye hampáiwán-ē pársiwán hēn. mēn lówz-e pa-ráči-tar-an žu andázá fârsí gač čhō. nesbát ba šotól mardóm-e yočulán yolú-â. 7. žu táyfá-ye mardóm-e paráči, če nesbát ba mardóm-e šotól wa yočulán xekek ziyád bin, ma pačayán uz áyēn. mardóm-e pačayán, če žu dará-ye jedágáná taškíl dahéta, mēn xó-tar xélék ziyád tit chō. har kháyen odhán mēn xó-tar jambá[-ye] jedágáná taškíl dahéta. az taráf-e wakhé, če ba nám-e x^wájayár, zán hessá-ye šeyár paráči wa odé-tar wabhē žu táyfá-ye žá če ba nám-e ghoruka yád čhomekála, zendegi-a kanta. ō mardom nesbatan hōqadar ziyád ná. odé-tar wabhē bete mardóm-e paráči hēn, če zán andáza-ye yayn wa dakarí sámel hēn. teedad-e ē mardomeka xélék ziyád bin. zán áxér xokán láfz-an dharēyí. 8. mēn mardóm-e pa-čayán n (//pačayé n) ásl-e žu nafár-e mašhúr-o xánadán-e ghaṇḍ bin, če ba nám-e čayán. čayán dar áslan pēšá-ye odhán sawdāgarí wa tojārát bin. če žu andázá záyán-ē xokán bábá-pen ma tojārát narýēn, žu andázá-yi xokán darátar ker koř. čayán žu andázá xokán dawlát wa rupá-yē ma hessá-ye mašriqí masráf koř, če ō saráy ba nám-e čayansaráy yád čhomekála bin, če ni zamán ba nám-e čayansaráy yád wáštó, jōr-ē koř. žu andázá awlād-e mašhur odhán če ba nám-e dawlatxán wa hosaynxán wa yayrá bēn, ma pačayé n uz áyēn wa pēšá-ye aslí dehqáni wa máldári-tar mašyúl čhēn, če zán ni zamán dawám dēra. maskán-e aslí awlādá-ye čayán: az hosaynxán ma hosaynxánxé l wa az dawlatxán ma dawlatxánxé l bin. 9. žu teedád mardóm-e žá, az žá taráf áyé n, ma pačayé n-ēn zendegi kánta. odé ham lówz-e paráči yád koř, če ni zamán ō ham-ēn ba lówz-e paráči gap jánta. mágam mēn ásl-e paráči-tar gač čhēn wa dar xokán hessá-tar ba nám-e jedágáná-yēn yád čhómta: mesl-e bálisát, kučísát, majesát wa yayrá bikála.

1. Я хочу сообщить сведения о происхождении народа парачи, особенно о жителях Пачагана. 2. Народ парачи – арийского происхождения, основным местом проживания этого народа была Ариана. Поскольку от природы эти люди были (букв. ‘стали’) народом, приверженным к горам и озорным, они не могли жить постоянно на каком-нибудь одном месте. По сведениям, которыми мы располагали, народ парачи проживает в большинстве своем в районе гор Гиндукуша и в некоторых зеленых уголках (букв. ‘частях’) [страны] с благоприятным климатом. 3. Причиной передвижения этого народа в различные районы Арианы были чужеземцы (букв. ‘чужой народ’). Этот народ (парачи) возмутился, что среди тех людей были [и] некоторые из племен (зд. ‘племени’) народа Китая, которые проникли в некоторые части Арианы. Народ парачи, который был на самом деле свободным, с чувством собственного достоинства, начал борьбу с чужеземцами, [в результате чего] те люди (зд. ‘тот народ’) отчасти бежали. Вот именно то перемещение [по стране, вызванное войной с чужеземцами] и стало основной причиной того, что народ парачи [в настоящее время] рассеян [по разным местам]. 4. [Но] народ парачи

[все-таки] остался в некоторых уголках Арианы. Эти люди повсюду, где их было [достаточно] много, оставили [в наследство своим] детям язык парачи, который сохранялся у них в памяти до последних [дней]. В тех же местах (букв. 'частях'), где их было мало по сравнению с другими народами, – такими, как фарси- или афганоязычные, и [некоторыми] другими народами, [там] их речь забыта. В их числе жители Хосайнхеля, а также племя, которое находится на пути к Пагману (букв. 'на дороге Пагмана'). Эти люди забыли [язык] парачи (букв. 'у того народа парачи забылся'), хотя они только себя причисляют к [исконным] племенам народа парачи. 5. [Племена] из другой части народа, которые пришли на север страны, – эти люди осели (букв. 'остались') в трех горных частях и долинах [Гиндукуша]. В их числе население Шотола, Гочулана и Пачагана. 6. Население Шотола, где количество коренных жителей было незначительным, в большинстве [своём] живет среди фарсиязычного населения. Местный (букв. 'основной') диалект этих жителей вообрал в себя до некоторой степени [элементы языка] фарси, т.е. не является чистым парачи. Такого же рода [и] жители Гочулана, который находится в долине Неджраба; [там] многие соседние с ними племена являются фарсиязычными. До некоторой степени язык парачи у них смешался с [языком] фарси. По сравнению с Шотолом население Гочулана более многочисленно. 7. Одно племя народа парачи, которое [по численности] было значительно больше, чем население Шотола и Гочулана, поселилось (зд. 'осталось') в Пачагане. Жители Пачагана, которые занимают (букв. 'образуют') отдельную [горную] долину, очень разбросаны по отношению друг к другу. Каждая [часть] из них составляет отдельную [этническую] группу. От верхней стороны Пачагана, под названием Хаджагар, до [той] части [долины, которая называется] Шегар, живут парачи, а ниже них живет еще племя [пашаи], которое называется гхорука. Оно относительно немногочисленно. Ниже него – опять народ парачи, включая [местность] вплоть до [селений] Гайн и Дакари. Численность населения этих мест весьма значительна. Оно полностью (букв. 'до конца') сохранило свою речь (язык). 8. С Пачаганом (букв. 'с жителями Пачагана') было [связано] происхождение знаменитого человека, родоначальника большого клана по имени Чаган. Основным занятием Чагана были коммерция и торговля. Его дети занимались торговлей вместе со своим отцом. И по мере своих сил (букв. 'в какой-то степени') работали в своей долине. Чаган вложил определенную (какую-то) часть своего состояния в развитие торгового дела в восточных районах [страны] (букв. 'потратил свое состояние и деньги') и основал караван-сарай, который назывался [раньше] и называется в настоящее время «Чаган-сарай». Часть его знаменитых детей (по имени Давлатхан, Хосайнхан и другие) осталась в Пачагане и занялась сельским хозяйством и животноводством, это продолжается и по нынешнее время. Основным местожительством потомков Чагана были: у Хосайнхана – Хосайнханхель, у Давлатхана – Давлатханхель.

9. Некоторое количество людей из других племен (букв. 'другого народа'), которые пришли сюда с другой стороны, живут [до сих пор] в Пачагане. Они овладели языком парачи, так что в настоящее время они тоже говорят на языке парачи. Но [по существу] они смешались с [племенами] парачи и у себя (в своих местах) [они] называются особыми именами, такими, как бали-сат, кучисат, маджесат и так далее.

II

1. mardóm-e paráči áslan áryáyinežád hên. az zamán-i če mardóm-e áryáyí hendukošeká dháran-tar tēr čhên, žu teedád-an ma kából wa ýazní, wa žu teedád-an ba sabáb-i, če teedád-an ma kából ziyád čhi, čáríkár-tar bágrám-kon áyén. čun ma bágrám ba nesbát-e moškelá-e jýráfíyáyí zendegí moškél bin, wapéšt žu teedád-an šuxí wa yaraw-tar godarén, ma nejráb áyén. 2. če howí wáxt-tar agar če žunežád bin, mágar lesán-o láwz-an moxtaléf bin, če az u jomla lawzán paštó wa darí wa pašayí wa paráči bin. če paráčilawzán fêlan ma nejráb ma di hessáyên zendegí kanta: če žu pačayé n-á wa žu ýočulá n-á. nájaró ná-uzéya, če wáxti če mardóm-e áryáyinežádán kábóli harakát kor, žu teedád paráčilawzán šotól-kon čhên, če bay ham-én ma šotól zendegí kanta. béte ham nájaró ná-uzéya, če wáxti če áryáyinežádán hendukoší harakát kor, ma kából áyé n. žu teedád mardóm-e paráči, če ma kából uzáyên, če fêlan-én ma paym á n zendegí kanta. 3. wa mardóm-e paráči mardóm-e hên ýayratí, šojáá, deláwór, elmdúst, madaniyatparwár. wa fêlan hadd-e aksáran-én molkdári kanta. wa žu teedád-e kám-an-én, ma báazi šoabát ma hokumat ker kanta. ba hewí qesm čun mohit sô lawz wa kaltúr mordomeká-tar taasír kanta, wapéšt hewí mohit sô lawz-e paráči-tar ham taasír koró. 4. ýáni ma atráf-e i mardomeká mardóm-e darilesán-o paštóžabán-én zendegí kanta wa modám žu ba žahí žujáy hên. wapéšt ekhewí ellát-á, če ást á – ást á láwz-e paráči az bayn waštó wa j á y-á láwz-e paštó wa darí gorita. wa ham čun láwz-e paráči naweštá ná-čomek ála wa ketáb ná-déra wa ham ná nazm déra wa na šeer déra, wa mardóm-e paráči-yên ba láwz-e paštó wa darí sorudxáni kanta. wapéšt ekhewí ellát hên, če gomán čomekála, če láwz-e paráči šáyád báad az šos yá čehél sar báad bexí az báyn pariya. 5. wa fêlan taqriban čehél – penjá hazár nafár ma láwz-e paráči gap jánta. wa ē mardóm-én ma šotól, ýočulán wa pačayén zendegí kanta. če paráčizabán-én ma pačayén ma qariyá hosaynxánxél, dawlatxánxél, bačixél, dōqawmí, lōkaxél, x^wájayár wa zakriyáxél zendegí kanta, če teedád-an taqriban dar hodúd-e ýošt hazár nafár zahekáa. eláwá az ē ján žuteedád nafár-én, če ma qariyá ebráhimxél zendegí kanta. ō am paráčizabán-én.

1. Народ парачи арийского происхождения. С тех пор как арийцы (букв. 'арийский народ') переправились через хребты Гиндукуша, часть их прибыла в Кабул и Газни, а другая часть, поскольку в Кабуле их стало много, — из Чарикара в Баграм. Так как в Баграме из-за географических условий (букв. 'трудностей') жизнь была тяжелой, то часть их перешла через Шухи и Гав(?) [и] прибыла в Неджраб. 2. Хотя уже тогда они были одного происхождения, однако у них существовали (букв. 'были') различные языки и диалекты, в их числе языки пашто, дари, пашаи и парачи. Носители языка парачи живут сейчас в Неджрабе, в двух его частях: одни [в] Пачагане, другие [в] Гочулане. Нельзя не сказать (букв. 'пусть не останется несказанным'), что когда арийцы отправились из Кабула, то одна часть носителей языка парачи пошла в Шотол, где они живут и сейчас. Следует сказать также, что когда арийцы отправились из района Гиндукуша, то они пришли в Кабул. Та часть народа парачи, которая осталась в Кабуле, и сейчас живет в Пагмане. 3. Народ парачи — народ смелый, мужественный, храбрый, стремящийся к знаниям и культуре. А сейчас в большинстве (своем) они владеют землей (букв. 'занимаются землевладением'). Небольшое число их работает в государственных учреждениях. И поскольку среда (окружение) оказывает влияние на язык и культуру народа, среда оказала влияние и на язык парачи. 4. Иными словами, вокруг этого народа живут дари- и паштоязычные народы, и они всегда друг с другом вместе. По этой именно причине язык парачи постепенно выходит из употребления (букв. 'исчезает'), а [его] место занимают языки пашто и дари. И поскольку на языке парачи не пишут, [на нем] нет книг, нет ни прозы, ни поэзии, носители парачи поют песни на языках пашто и дари. Поэтому-то и думается, что лет через тридцать или сорок язык парачи, возможно, совсем исчезнет. 5. Сейчас на языке парачи говорят приблизительно 40-50 тысяч человек⁵. Этот народ живет в настоящее время в Шотоле, Гочулане и Пачагане. В Пачагане носители [языка] парачи живут в селениях Хосайнханхель, Давлатханхель, Бачихель, Закрияхель, Дукавми, Локахель, Ходжагар. Их число достигает приблизительно 20 тысяч человек. Кроме них (букв. 'кроме этих душ'), есть некоторое количество людей, которые живут в селении Эбрахимхель. Они тоже парачиязычные.

⁵ В достоверность указанной численности населения, говорящего на парачи, трудно поверить. Ср. сказанное по этому поводу выше.

III
Āwōhawāye Afyānestānekā

1. Ān Afyānestān žu mamlakāt-e kōhestānī-ā, ĉe aksār-e jāyān-ē dhārām taškil kořó wa ham ĉun bahrān-pen nazdikiyāt nā-dēra, wa hamēšā hawā-ye hōšk-ā, ĉe ba ekhewī nesbāt Afyānestān ĉōr fāsl dēra, mesl-e rhayām, sāmoř, zēma, xāra. 2. har fāsl-e šemēhiyā (<šēmehiyā-ā). ĉe awwāl-e sarekā fāsl-e rhayām-ā. ĉe ē mēhiyān-tar yolū yār kanek āla. bhin ānān šorū-ēn ba pōn nāřō kānta. wa mardóm ba nesbāt-e edē ĉe fāsl-e zēma-tar-ēn yolū ba taklif bīta, ē fāsl-tar-ēn yolū xōshāl ĉhómta. wa xēk fāsl-e xōshālī wa šādmānī-ā. ma Afyānestān wa ham ō maktabān, ĉe ba manāteq-e sardsā wāqēhēn, ekhewī faslekā awwāl-tar šorū ĉhomekāla hēn. 3. wa fāsl-e xāra ma Afyānestān fāsl-i-ā, ĉe žu andāzā garmī bikāla. wa aksār-e miwājāt-i, ĉe ma Afyānestān pidāy ĉhomekāla, bedún-e mālta wa nārēnj wa limú, žā hōss-ē hewī fāsl-tar pēčekāla hēn. wa jāšn-e ghānd-e esteqlāl ham hewī faslekā žu mēhi-tar, ĉe sombolā nām dēra, bargozār ĉhomekāla. 4. wa bād az ān fāsl fāsl-e sāmořekā, ĉe tam ā m-e gól-o žā nabātāt-i, ĉe di fāsl-e tarinā-tar šokufā bikāla hēn, ē fāsl-tar āstā -āstā šorū ba (pōn) ĉarō hēn kānta. wa zān āxēr-e faslekā tamām-e bhin ā nān bi pōn ĉhomekāla hēn wa gol ham hōss-ē huwek ā la hēn, bedun-e ō gol ān-i, ĉe ma yosānān bikāla hēn. 5. wa bād az odē fāsl-e zēma-ā. ĉe zēma ba bāzi šahrān wa welāyatān xēk saxt tēr ĉhomekāla. hamēšā yarp yāre-kāla wa šarāyēt-e zendegī kořōykā xēk sāxt-ā.

Климат Афганистана

1. Поскольку Афганистан – горная страна, постольку большую часть его составили (зд. ‘образовали’) горы, а поскольку он не соприкасается с морями, то и погода [здесь] всегда сухая. Это имеет отношение ко [всем] четырем временам года в Афганистане – к весне, осени, зиме, лету. 2. В каждом сезоне – три месяца. В начале года – время весны. В эти месяцы выпадает много дождей. Деревья начинают зеленеть (букв. ‘распускать листья’). И люди, у которых зимой бывает много забот (и трудностей), в это время года очень веселы. Это сезон большой радости и веселья. В Афганистане [занятия] в школах, которые находятся в холодных районах, также начинаются именно в начале этого сезона. 3. Лето в Афганистане – это такое время года, когда бывает довольно жарко. Большинство фруктов, которые произрастают (букв. ‘появляются’) в Афганистане – за исключением апельсинов, помаранцев и лимонов – все они созревают именно в это время года. Наш великий праздник Независимости Афганистана отмечается тоже именно в это время года, в месяце, который называется сомбола. 4. После этого времени года наступает осенний период, когда цветы и другие растения, которые были в зелени (букв. ‘цвели’) два прежних сезона, в это время года начинают потихоньку

увядать (букв. 'опадать'). И до конца этого времени года все деревья остаются без листьев, а все цветы засыхают, за исключением тех цветов, которые находятся в домах. 5. После этого [наступает] период зимы. Зима в некоторых городах и провинциях [страны] протекает очень сурово. Все время идет снег, условия для жизни (букв. 'для проживания') очень суровы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ефимов В.А. О типах эргативной конструкции в языке парачи // Иранское языкознание. Ежегодник 1980. М., 1981.
- Ефимов В.А. Парачи // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Основы иранского языкознания. М., 1997.
- Kieffer Ch.M. Études parāči // Studia Iranica, 1977. T.6, fasc. 1, 2; 1978. T.7, fasc. 1, 2; 1979. T.8, fasc. 1, 2; 1980. T.9, fasc. 1, 2; 1981. T.10, fasc. 2.
- Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages. Vol.1: Parachi and Ormuri. Oslo, 1929 (2-nd ed. 1973).

И Н КОМАРОВА

О ЛХАССКОМ ДИАЛЕКТЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Современный тибетский язык принадлежит к тибето-бирманской группе китайско-тибетской семьи языков. Особенность грамматической системы тибетского языка заключается в ее политипологическом статусе. Тибетскому языку, по нашим наблюдениям, в равной мере присущи типологические характеристики, свойственные и агглютинативным, и флективным языкам. В этой связи можно сослаться на известную идею В. Скалички о том, что ни один язык не может быть идеальным воплощением «чистых» типов [Skalička 1966]. Однако некоторые тибетологи полагают, что тибетский язык относится к агглютинативным языкам, по всей видимости, не принимая во внимание флективные явления, составляющие значительный удельный вес в его грамматической системе (Тарел Вайли и др.). Для фонетической и морфологической систем тибетского языка характерны: закрытая система силлаботонических единиц-силлабем; фиксированная структура слога с иерархическим делением слога на инициаль и финаль, представленных определенными парадигмами гласных и согласных фонем; морфологическая значимость слога-деления; прозрачность большинства границ агглютинативно сочлененных морфем в словах и словоформах и, наоборот, размытость многих границ фюзивно склеенных морфем при флективном способе соединения последних в словоформах, т.е. возможность ресиллабации; ограниченная возможность

гласных фонем репрезентировать мельчайшие значимые единицы языка – морфемы или одноморфемные слова – и полный запрет для согласных фонем экспонировать морфемы и слова, т.е. невозможность неслоговых морфем; тоновое противопоставление минимальных пар как реализация фонологической функции тона.

По своим основным грамматическим тенденциям тибетский язык – аналитико-синтетический. Доминирующей чертой строя тибетского языка является оппозиция номинативной и эргативной конструкций. В нем имеется ряд крупных диалектов – лхасский, Кам, Амдо, Дэргэ, различия между которыми весьма существенны, что определяется многочисленными факторами: исключительным своеобразием этнического состава Тибета, длительным сохранением феодальной раздробленности, изолированностью отдельных районов в труднодоступных горных массивах. Например, слово «обезьяна»: лхасск. диал. *piu'*, диал. Цзедан *zhiu'*, диал. Накцю *pi:'*, диал. Цзянцзы *zhe:'*, диал. Сяхэ *hwi*, диал. Хуалун *shi*; слово «Тибет»: лхасск. диал. *pø²*, диал. Дэргэ *pø²*, диал. Ганьцзы *pe²*, диал. Накцю *pi²*, диал. Сяхэ *wol*, диал. Хуалун *o* [Qu Aitang 1991, 128, 141].

Кроме того, социофункциональная стратификация языка определяет такие варианты ТЯ, как вежливые формы, пронизывающие все уровни языковой системы, разговорный и литературный язык.

Ведущий диалект тибетского языка, *lingua franca* Тибета – лхасский диалект [Roerich 1931; Рерих 1960, 285–312], представляющий основу современного Литературного тибетского языка и отмеченный наибольшими фонетическими преобразованиями. Он претерпел переход оппозиции звонкость/глухость согласных в оппозицию придыхательность/непридыхательность, испытал упрощение сложных консонантных стечений в ан- и ауслауте слога (от одного до нуля согласного). В его фонологической системе произошло также увеличение состава гласных и согласных фонем, умлаутизация гласных фонем, утверждение оппозиции долготы/краткости гласных фонем. Таким образом, самым «вокальным» диалектом является лхасский диалект тибетского языка. В лхасском диалекте падение начальнослоговых и конечнослоговых стечений согласных усилили информационную нагрузку гласных. Дальнейшие фонетические процессы способствовали увеличению объема гласных и появлению тоновых оппозиций, которые выступили как дополнительное средство смысловоразличения на суперсегментном уровне. [Jin Peng 1958; Roerich 1931; Róna Taš 1984; Minogu Go 1954; Hu Tan 1988]. В этом плане лхасский диалект значительно отличается от архаичного диалекта Амдо, распространенного в провинциях Ганьсу и Цинхай, сохранившего в определенной мере древнее состояние тибетского языка и имеющего близкое соответствие между письменной и устно-разговорной формами речи. В диалекте Амдо довольно много инициальных консонантных групп (80–90), но в древнем тибетском их было значительно больше. В настоящее время четырехэле-

ментные инициальные кластеры исчезли, а трехэлементные сохранились лишь в отдельных говорах. Поскольку самым «консонантным» является архаичный диалект Амдо, факт отсутствия системы тонов вполне закономерен.

Эволюция фонологического слога амдосского и лхасского диалектов выглядит следующим образом¹: древнетибетский язык раннего периода CCCCVCSS (с большим стечением согласных фонем в начале и в конце слога) → современный архаичный диалект Амдо CCCVCC, CCVC (лишившийся некоторых согласных фонем в ан- и ауслауте слога) → современный диалект Лхассы CVCT (скромно представленный максимальной моделью всего из трех фонем и одной тоны). Вполне естественно, что одни и те же графические структуры тибетского письма корреспондируют с разными фонологическими моделями различных диалектов тибетского языка.

К типологически значимым чертам лхасского диалекта тибетского языка (ТЯ) помимо фонологически значимого тона относятся такие суперсегментные явления, как ударение и сингармонизм гласных.

Обычно «...гармонизируются морфемные объединения, которые характеризуются агглютинативным сцеплением» [Виноградов, Реформатский 1969, 123]. Эта особенность ТЯ прежде фрагментарно освещалась в некоторых научных исследованиях зарубежных тибетологов, см., например, [Goldstein 1977; Hu Tan 1984]. В данном сообщении мы стремились дать более систематическое описание столь важного, на наш взгляд, явления, коим является сингармонизм гласных в тибетском языке.

Прежде чем обратиться к описанию гармонических последовательностей гласных в тибетском языке, целесообразно рассмотреть основные способы словообразования, поскольку именно при их реализации наблюдаются явления сингармонизма.

Основными морфологическими способами словообразования в тибетском языке являются аффиксация, словосложение и редупликация. Производные слова, а также сложные слова и повторы характеризуются сложными и многообразными отношениями с такими языковыми уровнями, как фонологический, морфологический и лексический.

Словообразованию тибетского языка посвящен ряд исследований отечественных и зарубежных ученых (Ю.Н. Рерих, Ю.М. Парфионович, Б.В. Семичов, Р.Э. Миллер, А. Рона Таш, Ху Тань, Тань Кэжань и др.). Способ соединения корневых и аффиксальных морфем, как правило, имеет агглютинативный характер (нарушаемый лишь в отдельных случаях): *thak¹pa¹* 'веревка' (*thak¹* – корн. морф., *pa¹* – суф.), *tho¹po¹* 'высокий' (*tho¹* – корн. морф., *po¹* – суф.), *nga¹mo¹* 'прежде, раньше' (*nga¹* – корн. морф., *mo¹* – суф.).

Среди способов словообразования в тибетском языке преобладает суффиксация. Суффиксы *pa¹*, *po¹*, *ma²*, *mo²*, *wa²*, *wo²*, *ya²³*, *ngen¹* и др. способны

¹ Символы CVCT обозначают: C – согласный, V – гласный, T – тон.

обозначать предметность, процессуальность, признаковость, встречаясь в составе разных лексико-грамматических классов: *qang¹pa¹* 'любитель вина цян' (ячменный алкогольный напиток, сущ.), *je¹po¹* 'любимый' (прил.), *te²wa¹* 'счастье' (сущ.), *qu¹wo¹* 'река' (сущ.), *pa²ya²⁴* 'болезнь' (сущ.), *lep¹ngen¹* 'ученик' (сущ.).

При словосложении образуются слова, состоящие из двух или нескольких лексически значимых компонентов и характеризующиеся двусторонней структурно-семантической связью с исходными лексическими единицами. При словосложении соединение лексических единиц также имеет агглютинативный характер. Можно выделить, сложные слова

1) атрибутивной модели, состоящие из именных морфем: *ce¹xing¹* 'огород' < *ce¹* 'овощи' + *xing²* 'поле'; *qap¹khung¹* 'канал' < *qap⁴* 'вода' + *khung¹* 'отверстие'; *qap¹ser¹* 'гниль' < *qap⁴* 'вода, жидкость' + *ser¹* 'желтый'; *pu²ma¹* 'червяк' < *pu²* 'насекомое' + *ma¹* 'красный';

2) сложные слова объектно-предикативной модели, состоящие из именной и глагольной морфем: *sung¹xe²⁴* 'доклад' < *sung¹* 'речь' + *xe²⁴* 'говорить'; *chak²tong¹* 'эхо' < *cha²³* 'голос, звук' + *tong¹* 'оставлять'; *xa¹zi¹* 'вилка' < *xa¹* 'мясо' + *zi²* 'держат'.

3) сложные слова субъектно-предикативной модели, образующиеся при сложении именных или именной и глагольной морфем: *ngo²ca¹* 'краснеть (от стыда)' < *ngo²* 'лицо' + *ca¹* 'жаркий'; *qap¹khø¹* 'кипяток' < *qap⁴* 'вода' + *khø¹* 'кипеть'; *nam²lang¹* 'рассвет' < *nam²* 'ночь' + *lang³* 'подниматься, поднимать'.

Тибетские повторы, являясь продуктивным способом словообразования, представляют различные лексико-грамматические классы слов: *qam¹qam¹* 'прогулка' (сущ.), *tem²tem¹* 'гибкий' (прил.), *qe¹qe¹* 'беспорядочно' (наречие), *kyhor¹kyhor¹* 'махать, качаться' (глагол).

Редуцированные образования представлены двумя типами: тождественные повторы с одинаковым фонемным и тонемным составом (*ten¹ten¹* 'обязательно', *sung¹sung¹* 'защищать') и дивергентные повторы, состоящие из компонентов, которые подверглись различным морфонологическим преобразованиям и не совпадают материально.

Варьирование морфем наблюдается на сегментном и суперсегментном уровнях. Альтернирующую часть дивергентных повторов могут составлять инициалы и финалы (централы и терминалы), а также тонемы. Например, чередование инициалей *h* > *l*: *hlang¹lang¹* 'блестящий', чередование центральных *a* > *e*: *cha²che¹* 'лохмотья', чередование терминалей *p* > ? : *lep³le²⁴* 'плоский', чередование тонем: III низкий восходяще-нисходящий тон – II низкий восходящий тон (III тон → II тон): *kop³* > *kop²kop⁴* 'неспособный'.

В следующих примерах производных слов зафиксированы явления сингармонизма гласных [а-э]: *chu²* + *pa¹* > *chu²pa¹* 'лодочник', *nu²* + *ma¹* > *nu²ma¹* 'солнце', *pang²* + *ku²* > *pang²ku¹* 'муха'.

В структурах сложных слов также наблюдается оформление слова с помощью сингармонизма гласных [а-ə], [о-у]: *hla*¹ 'бог, дух' + *y:*² 'страна, район' > *hla'y:*¹ 'рай, земля обетованная'; *thong*¹ 'смотреть' + *qung*¹ 'мало' > *ihung'qung*¹ 'презирать, пренебрегать'; *na*²³ 'черный' + *qu*¹ 'вода' > *nək'qu*¹ 'река Накцо'.

Суперсегментная организация повторов, как видим, не обходится без сингармонизма гласных [а-ə]: *ram*² + *rum*¹ > *rəm²rum¹* 'мелочь'; *xam*² + *xim*² > *xəm²xim¹* 'затяжной'; *kyang*² + *kying*² > *kyəng²kying¹* 'высокомерный'.

В производных словах, сложных словах и дивергентных повторах наблюдается тесная взаимосвязь между составляющими компонентами с точки зрения сингармонизма гласных.

Гармония гласных заключается в артикуляционном сближении гласных звуков обоих слогов по некоторым признакам, в частности, сингармонический характер связи морфем в тибетском слове организует вокалическую структуру слов по признаку подъема гласных. Обратимся к составу вокализма в тибетском языке.

В тибетском вокализме 17 монофтонгов: [i, i:, y, y:, u, u:, e, e:, ε, ε:, o, o:, ø, ø:, a, a:, ə].

Тибетский вокализм характеризуется признаками а) трех рядов (переднего, среднего, заднего), б) трех степеней подъема (высокого, среднего, низкого), в) лабиализацией передних гласных и г) двумя модальными признаками (долготы и назализации). Поскольку нас интересует гармония гласных по признаку подъема, приведем соответствующую классификацию гласных.

Классификация тибетских гласных по признаку подъема

Гласные высокого подъема:	i, y, u i:, y:, u:
Гласные среднего подъема:	e, ε, ø, o, ø e: ε:, ø:, o:
Гласные низкого подъема:	a, a:

В двусложных словах имеет место как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция, при которой устойчивыми являются только гласные высокого подъема [i, i:, y, y:, u, u:], которые влияют на гласные среднего или низкого подъема [a, a:, e, e:, o, o:, ø, ø:] первого слога или, наоборот, второго слога слова.

Как удалось установить, в тибетских двусложных словах существует девять моделей сочетаемости гласных высокого, среднего и низкого подъема.

Есть пять исходно сингармонических устойчивых моделей сочетаемости гласных:

[u+i]	гл. выс. подъема + гл. выс. подъема	<i>ku'si:¹</i>	‘мерзнуть’
[e+ɛ]	гл. ср. подъема + гл. ср. подъема	<i>khe'phen'¹</i>	‘польза’
[o+a]	гл. ср. подъема + гл. низ. подъема	<i>kho'rang'¹</i>	‘он’
[a+o]	гл. низ. подъема + гл. ср. подъема	<i>kyam²co'¹</i>	‘море’
[a+a]	гл. низ. подъема + гл. низ. подъема	<i>ka:'ma'¹</i>	‘звезда’

В четырех вокальных моделях, претерпевших преобразования сингармонического характера, наблюдаются следующие чередования гласных:

гл. выс. подъема + гл. ср. подъема → гл. выс. подъема + гл. выс. подъема
 гл. выс. подъема + гл. низ. подъема → гл. выс. подъема + гл. ср. подъема
 гл. ср. подъема + гл. выс. подъема → гл. выс. подъема + гл. выс. подъема
 гл. низ. подъема + гл. выс. подъема → гл. ср. подъема + гл. выс. подъема

Приведем примеры:

[o→u]: (*khung² + mo²*) > *khung²mu'¹* ‘средний палец’;

[a→ə]: (*zhum¹ + ta²*) > *zhum¹tə'¹* ‘револьвер’;

[o→u]: (*lo¹ + yu¹*) > *lu'yū'¹* ‘трахея’;

[a→ə]: (*ka¹ + tu²³*) > *kə'tu²⁴* ‘страдать’.

Гласные [o, a] независимо от места реализации в слове подвергаются действию качественной и количественной модификации, а в последнем примере чередование гласных [a→ə] представляет собой чередование гласных, принадлежащих к одному и тому же ряду, но различным уровням подъема: низкий подъем → средний подъем.

Двусложные слова, фиксируемые в словарях в своей графической форме, сохраняющей исходные негармонические последовательности гласных, демонстрируют тем не менее в транскрипционном виде сингармонические преобразования слов нескольких видов: гласные среднего подъема устремляются к высокому подъему, а гласные низкого подъема подтягиваются к среднему подъему.

Схематически это выглядит таким образом:

гласные высокого подъема	<u>i, y, u</u>	↑	<u>i, y, u</u>
гласные среднего подъема	<u>e, ø, o</u>	↑	<u>ə</u>
гласные низкого подъема	_____		<u>a</u>

Как мы видим, переход гласных при суперсегментной сингармонической организации возможен на одну (следующую) ступень подъема.

В первом слоге двусложного слова:

1) гласные среднего подъема не сочетаются с гласными высокого подъема второго слога, поэтому однорядные гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема:

гласные ср. подъема + гласные выс. подъема → гласные выс. подъема + гласные выс. подъема: [o+i] → [u+i], [o:i:] → [u:i:], [o+u] → [u+u], [ø+y] → [y+y];

2) гласные низкого подъема не сочетаются с гласными высокого подъема второго слога, поэтому однорядные гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

гласные низ. подъема + гласные выс. подъема → гласные ср. подъема + гласные выс. подъема: [a+i] → [ə+i], [a:i:] → [ə:i:], [a+u] → [ə+u].

Во втором слоге двусложного слова:

1) гласные среднего подъема не сочетаются с гласными высокого подъема, поэтому однорядные гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема:

гласные выс. подъема + гласные ср. подъема → гласные выс. подъема + гласные выс. подъема: [i+o] → [i+u], [u+o] → [u+u], [i+ø] → [i+y];

2) гласные низкого подъема не сочетаются с гласными высокого подъема, поэтому однорядные гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

гласные выс. подъема + гласные низ. подъема → гласные выс. подъема + гласные ср. подъема: [i+a] → [i+e], [i:+a] → [i:+e], [u+a] → [u+ə].

Исходя из вышеизложенного, негармоническими сочетаниями гласных, имеющими шансы чередоваться с гласными более высокого уровня подъема и переходящими соответственно на более высокую степень подъема, являются: в первом слоге [o+i], [o+i:], [o+u], [ø:y], [a+i], [a+i:], [a+u], во втором слоге [i+o], [u+o], [i+ø], [i+a], [i:+a], [u+a].

Таким образом, мы наблюдаем следующую картину: в первом и во втором слогах двусложных слов гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема, а гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

[a-ə] *kha*¹ 'рот, порт' → *chu*²*ka*¹ 'порт, переправа';

[o-u] *ko*² 'голова' → *ku*²*ry*²⁴ 'череп';

[ø-y] *cho*²³ 'беседа' → *chy*²*tu*¹ 'обсуждение';

[e-i] *ke*² 'добро, молитва' → *ki*²*chu*²⁴ 'ученик, послушник'.

Всякий раз вне зависимости от места реализации в слове гласным высокого подъема [i, i:, u, u:, y, y:] принадлежит «пальма первенства», и они задают тон в двусложном слове, способствуя передвижению гласных на более высокий близлежащий уровень по подъему, что и определяет тип тибетского сингармонизма: компактный сингармонизм гласных, или сингармонизм гласных по подъему.

Проф. Ху Тань зафиксировал редкие случаи обратного воздействия гласных среднего подъема на гласные высокого подъема [Hu Tan 1984, 10]:

[u - o] *phu*² 'ребенок' → *pho*²*mo*¹ 'девочка';

*lu*²³ 'норма, порядок' → *lok*²*sø*¹ 'нормы поведения, порядок';

[i - e] *nyi*¹ 'два' → *nye*²*tong*¹ 'две тысячи';

*mi*² 'человек' → *me*²*ze*¹ 'жизнь'.

Следует отметить, что в двусложных словах также встречаются негармонические последовательности гласных, которые, следуя законам тибетского сингармонизма гласных, должны были бы участвовать в процессе чередований, но избегают этого, сохраняя константную негармоническую структуру. При этом гласные высокого и среднего подъема, а также высокого и низкого подъема мирно сосуществуют: *ngu'xo:*¹ 'плакать', *ngu:'khang'* 'банк', *qu'khang'* 'бассейн, ванна'.

Подобные негармонические структуры в индонезийском языке отметила Л.Г. Зубкова: «...слова, имеющие негармоническую вокалическую структуру... свидетельствуют о неустойчивости гармонии гласных в индонезийском языке, о том, что гармония гласных в индонезийском языке не является фактором, целиком определяющим вокалическую структуру индонезийского слова» [Зубкова 1970, 228].

Все, что говорилось выше, относится к лхасскому диалекту ТЯ. Что касается архаичного, атонального диалекта Амдо, не особенно затронутого фонетическими инновациями и сохранившего стечения согласных в начале и конце слога, то явление сингармонизма гласных в нем почти отсутствует. Например: *xayı* 'ребенок', *amnyı* 'отец', *laju* 'перец', *thurma* 'палочки для еды'².

Отличия тибетского сингармонизма гласных от сингармонизма гласных классического типа, представленного, например, в алтайских языках, можно свести к двум параметрам: общему характеру сингармонизма и месту его реализации в двусложном слове. В тюркских языках, а также в монгольском, калмыцком, бурятском и др. есть два вида гармонии гласных: палатальная (нёбная) по признаку ряда и лабиальная по признаку огубленности. Например, после корневой морфемы с передними (или задними) гласными выступают аффиксальные морфемы, содержащие гласные переднего (или заднего) ряда. Иными словами, в сингармонических моделях классического типа ведущая роль принадлежит корневой морфеме, вокалический состав аффиксальной морфемы определяется гласными корня: ётофаларский язык – *ирик* 'гнилушка', *ириктерни* 'гнилушек'. Суммируем сказанное в таблице:

Вид сингармонизма	По признаку подъема	По признаку ряда	По огубленности	По месту реализации в слове	
				корневая морфема	аффиксальная морфема
Тибетский сингармонизм гласных	+	-	-	+	+
Сингармонизм гласных классического типа	-	+	+	-	+

² Примеры взяты из работы [Ну Тап 1988, 83].

Сингармонизм гласных является одним из средств цельноформленности слова, выступая «маркером единства слова в синтагматическом плане» [Виноградов, Реформатский 1969, 123]. Сингармонические модели, реализуемые в двусложных словах лхасского диалекта тибетского языка, подтверждают, что на суперсегментном уровне существует тесная взаимосвязь между морфемами различного типа – между знаменательными морфемами, а также между знаменательными и незнаменательными морфемами.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. А., Реформатский А. А. Сингармонизм, ударение и просодия слова // Вопросы языкознания, 1969, № 1.
- Зубкова Л. Г. О гармонии гласных в индонезийском языке // Языки Юго-Восточной Азии. М., 1970.
- Комарова И. Н. Тибетское письмо. М., 1995.
- Парфионович Ю. М. Тибетский письменный язык. М., 1970.
- Перих Ю. Н. Тибетский язык. 1961.
- Goldstein M. C. Modern Literary Tibetan. New Delhi, 1977.
- Hu Tan You shendiao Zang yu he wushendiao Zang yu zhi bijiao // Languages and History in East Asia. Festschrift for Tatsuo Nisida on the Occasion of his 60th Birthday. Kyoto, 1988 (Ху Тань. Сопоставление тональных и атональных диалектов тибетского языка // Языки и история Восточной Азии. Юбилейный сборник, посвященный 60-летию со дня рождения Тацуо Нисида. Киото, 1988).
- Hu Tan. Zang yude yusu bianyi he yuyin bianqian // Minzu yuwen, 1984, № 3 (Морфологические и фонетические преобразования в тибетском языке // журн. «Миньцзу юйвэнь», 1984, № 3).
- Jin Peng Zang yu Lasa, Rigaze, Chandu huade bijiao yanju. Beijing, 1958 (Сравнительное исследование диалектов Лхассы, Кам и Чамдо. Пекин, 1958).
- Minoru Go. A Study of the Eastern Tibetan Language. Tokyo, 1954.
- Qu Aitang. Zang yu yunmu yanju. Sinin, 1991 (Исследование рифмы тибетского языка).
- Roerich Yu. N. Modern Tibetan Phonetics with Special Reference to the Dialect of Central Tibet // Journal of Asiatic Society of Bengal. N. S., 1931, vol. 27, № 2.
- Róna Taš A. Some Remarks on Vowel System of the Tibetan and Buddhist Studies. Commemorating the 200th Anniversary of the Birth of Alexander Csoma de Körös. Budapest, 1984.
- Skalička V Ein typologisches Konstrukt // Travaux Linguistiques de Prague, 1966, t. 4.

К ВОПРОСУ О СЛОВНИКЕ И СЛОВАРНЫХ ЕДИНИЦАХ «БОЛЬШОГО ВЬЕТНАМСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ»

1. За последние годы (с 1975 г. до настоящего времени) во Вьетнаме вышло в свет свыше двухсот словарей, в том числе 25 словарей вьетнамского языка, 64 терминологических словаря и большое количество двуязычных словарей (иностранно-вьетнамских или вьетнамско-иностранных), среди них такие, как «Англо-вьетнамский словарь» под редакцией Ле Кха Ке, Данг Тянь Лиену, Буй И (1975), «Вьетнамско-французский словарь» Ле Кха Ке и Нгуен Лана (1992), «Вьетнамско-русский словарь» под редакцией И. И. Глебовой и Ву Лока (1992); «Вьетнамско-английский словарь» Буй Фунга (1993) и др. Но среди них не было ни одного большого словаря. Впервые во вьетнамской лексикографии делается попытка создать «Большой вьетнамско-русский словарь» (далее – БВРС), над которым уже много лет работает совместный вьетнамско-русский авторский коллектив при Институте языкознания РАН в сотрудничестве с Институтом языкознания при Национальном Центре общественных и гуманитарных наук (НЦОГН) Вьетнама.

БВРС представляет собой новый тип сопоставительного двуязычного словаря, который, с одной стороны, является академическим, характеризующимся полнотой и глубиной контрастивного лексико-семантического, словообразовательного, грамматического и стилистического описания вьетнамского (исходного) и русского (выходного) языков, с другой – активным, с обучающей прагматикой, поскольку двуязычный словарь, каким бы он ни был, всегда выполняет функцию справочника и учебного пособия¹. Будучи большим словарем активного типа, БВРС объединяет в себе некоторые специфические черты таких словарей, как толковый, энциклопедический, лингвострановедческий, этимологический, терминологический и учебный, которые находят отражение в разработке словарных статей, где информация о слове во многих случаях дополняется энциклопедическими, этнолингвистическими и этимологическими данными². Все изложенное выше определяет универсальность и многофункциональность БВРС.

¹ Ю. Д. Апресян. Большой англо-русский словарь. Предисловие: Словарь как справочник и как учебное пособие. М., 1993.

² Большой вьетнамско-русский словарь. Лингвистические и методические основы. Инструкция. Макет. М., 1992. Составители: Нгуен Туэт Минь, Нгуен Ван Тхак, А. Н. Ситникова.

БВРС создается на основе современного вьетнамского языка, которым принято считать язык периода от начала XX в. (т.е. когда латинизированная письменность *куок-нгы* «национальное письмо» была признана официальной) до настоящего времени. Лексическое ядро современного вьетнамского языка составляет так называемый язык «массовой коммуникации», на котором происходит в настоящее время культурное общение во Вьетнаме, поддерживаемое прессой, радио, телевидением, театром, широким изданием художественной и научно-популярной литературы. Язык «массовой коммуникации» представлен лексикой словарного фонда вьетнамского литературного языка и поэтому, естественно, составляет основу БВРС. В БВРС входят также другие лексические единицы, которые обычно менее употребительны, такие, как устаревшие слова, архаизмы, диалектизмы, научные и специальные термины, окказиональные употребления, неологизмы, жаргонизмы, потенциальные слова, лексикализованные синтаксические образования и т. д. Эти единицы большей частью представляют собой пассивную лексику, составляющую периферию БВРС. Таким образом, как большой словарь, БВРС охватывает весь словарный фонд современного вьетнамского языка, в отличие, например, от однотомного «Вьетнамско-русского словаря» (под ред. И. И. Глебовой и Ву Лока), где включены в словник только слова активной лексики, что нередко создает сложности для пользователей при чтении литературы. В БВРС словарные единицы, представляющие активную и пассивную лексику, значительно отличаются друг от друга методикой разработки, однако в данной статье мы не будем подробно останавливаться на этом.

2. Самым важным и трудным делом в подготовке к работе над любым словарем является составление словника, т. е. списка словарных единиц, и расположение их в определенном порядке. Для разработки методики определения и выделения словарных единиц необходимо решить ряд теоретических и практических вопросов. Словарные единицы вьетнамского языка как исходного нельзя рассматривать вне связи с такими понятиями, как «слово», «морфема» и «словосочетание», строгое разграничение которых представляет собой большую проблему как во вьетнамском языке, так и в других формоизолирующих языках. Тем не менее в настоящей статье мы попытаемся осветить вопрос о словарных единицах на основе достижений в области вьетнамской и зарубежной лексикографии последних лет, не беря на себя в то же время решение глобальных проблем описания единиц вьетнамского языка.

Словарь (в соответствии с этимологией данного слова) должен быть прежде всего словарем слов как основных единиц языка. Однако это нужно понимать относительно, поскольку в связи со спецификой лексико-грамматической системы формоизолирующих языков в словарь помимо слов с неизбежностью будут входить как более мелкие единицы (морфемы), так и более крупные (словосочетания), что связано с проблемой формальной неразличимости морфемы и простого слова, сложного слова и словосочетаний

в формоизолирующих языках³. Отметим, что такое решение несколько непривычно (и в то же время не обязательно) для флективных языков, где в большинстве случаев разграничение морфемы, слова и словосочетания происходит по формальным признакам.

Во вьетнамском языке помимо проблемы формального разграничения в течение многих лет актуальным и спорным был вопрос о том, что является основной единицей вьетнамского языка: морфема или слово? Решение данного вопроса тесно связано с решением статуса словарной единицы. По вопросу об основной единице вьетнамского языка долгое время существовали две точки зрения: в соответствии с первой точкой зрения, отраженной в «Грамматике вьетнамского языка»⁴, основной единицей вьетнамского языка является слогоморфема (объединяющая в себе два понятия: «слог» и «морфема», т.е., по мнению авторов «Грамматики...», практически любой вьетнамский слог представляет собой морфему); на базе которой строятся все остальные структурные единицы. Особый характер слогоморфемы как основной структурной единицы отчетливо осознается носителями языка, и во Вьетнаме для нее существует традиционное название *tiếng một* или *chữ* (последний термин относится к письменной речи), «...своеобразие вьетнамской слогоморфемы объясняет, в частности, раздельное написание слогов и тот факт, что многие словари являются, как это иногда отражено и в их заглавиях, словарями морфем (*tự điển*), а не слов (*từ điển*)»⁵, например: *Đại Nam quốc âm tự vị* (1895), *Việt Nam tự điển (Hội Khai trí tiến đức, 1931)*, *Việt-Nam Tự-điển* (Sài-gòn – Hà-Nội 1954), *Tự điển Việt Nam* (Lê Văn Đức, 1970). Другая же точка зрения, которая в последнее время получила поддержку большинства вьетнамских и зарубежных ученых (До Хыу Тяу, В.М. Солнцев, В.С. Панфилов и др.⁶), считает основной единицей современного вьетнамского языка слово. Как основная единица любого языка, слово обладает рядом определенных лексико-семантических и грамматических признаков, среди которых особенно важным является его «синтаксическая самостоятельность», т.е. слово может употребляться в разных комбинациях без опоры на какие-то определенные элементы языка, а также способность выступать потенциальным минимумом предложения. Морфема такими признаками не обладает. Она всегда употребляется в комбинации с каким-либо другим языковым эле-

³ В.М. Солнцев. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.

⁴ И.С. Быстров, Нгуен Тай Кан, Н.В. Станкевич. Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975.

⁵ И.С. Быстров, Нгуен Тай Кан, Н.В. Станкевич. Там же, с. 3, 13; *Nguyễn Ngọc Trâm Một số nhận xét về cấu trúc vĩ mô của Từ điển giải thích tiếng Việt // Một số vấn đề từ điển học. Hà Nội: NXB Khoa học xã hội. 1997, p. 30 – 31.*

⁶ *Đỗ Hữu Châu. Các bình diện của từ và từ tiếng Việt. Hà Nội: NXB Khoa học xã hội. 1986; В.М. Солнцев, Ю.К. Леконцев, Т.Т. Мхитарян, И.И. Глебова. Вьетнамский язык. М., 1960; В.М. Солнцев. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995; В.С. Панфилов. Грамматический строй вьетнамского языка, СПб., 1993.*

ментом того же уровня. Эта ее синтаксическая несамостоятельность не дает ей права быть основной единицей языка. И если слово является основной единицей языка, следовательно, словарь должен быть словарем слов и тех сложных образований, которые обладают свойствами слова, главным образом синтаксической самостоятельностью. Такими образованиями являются идиоматичные или устойчивые словосочетания или лексикализованные словосочетания. Разумеется, свободные сочетания как словарные единицы в словарь не включаются, однако, чтобы различать свободные и несвободные словосочетания, нужно иметь определенные критерии. Таким критерием обычно считается идиоматичность данного сложного образования.

В то же время в словаре должны быть представлены и морфемы, являющиеся грамматическими показателями или словообразовательными элементами, поскольку не всегда легко определить их природу и статус в современном вьетнамском языке. Так, многие из них, употребляясь в служебной функции, в той или иной степени сохраняют свое лексическое значение, т. е. встает проблема их отграничения от простого слова (подробнее о типах морфем, вводимых в словарь в качестве словарных единиц, см. ниже). В то же время употребление этих морфем характеризуется регулярностью, или продуктивностью, что является уже фактом грамматики, поэтому описание данных элементов в качестве отдельных словарных единиц позволит избежать неоправданного введения в словарь большого количества словарных единиц, образованных по стандартным грамматическим правилам или словообразовательным моделям.

Как указывалось выше, словник БВРС охватывает как активную лексику (лексическое ядро вьетнамского языка), так и пассивную (периферийную), кроме того, учитывая потребности иноязычных пользователей, в словарь была включена разноуровневая лексика. При этом авторы БВРС обращали внимание на то, чтобы указанные типы словарных единиц были представлены в нужной пропорции в соответствии с целями и задачами создаваемого словаря.

3. О словнике БВРС.

Словник БВРС содержит в себе свыше 70 тысяч заглавных единиц. В его основу положен словник однотоминого толкового «Словаря вьетнамского языка» под редакцией проф. Хоанг Фе, содержащий 38 410 заглавных единиц⁷. Будучи Большим словарем, БВРС по объему превышает толковый «Словарь вьетнамского языка» почти в два раза, что было достигнуто за счет включения в словарь большего количества пассивной лексики. В первую очередь это страноведческая лексика: бытовые, общественные и исторические реалии, лексика, описывающая национальную культуру и традиции, национальные формы хозяйства и т. д., терминологическая лексика (среди которой немало заимствованных слов), что связано с научно-техническим

⁷ Từ điển tiếng Việt // Chủ biên Hoàng Phê. Hà Nội: TTTDNN, 1992. . . .

прогрессом и бурным общественно-политическим, экономическим и культурным развитием Вьетнама в последние годы. Учитывая потребности иноязычных пользователей словаря, в словник включены устаревшие, малоупотребительные, диалектные, жаргонные слова, неологизмы. Большое внимание уделено стилистически окрашенной лексике. Как представляется, авторам словаря удалось достичь разумного баланса активной и пассивной лексики. Увеличение объема словаря произошло также за счет включения в состав словника разноуровневых единиц (морфем, устойчивых словосочетаний, лексикализованных синтаксических конструкций, фразеологизмов и т. д.). Наибольшую трудность при составлении словника представляет определение статуса конкретной единицы, большей, чем слово, т. е. решение вопроса о том, является ли данная единица словарной или она должна быть включена в словарь в качестве иллюстративного материала. Таким образом, удалось, с одной стороны, соблюсти требование удобства пользования словарем, а с другой стороны, избежать превращения двуязычного словаря в понятийный или словарь свободных словосочетаний и синтаксических конструкций.

В отличие от европейской традиции алфавитного расположения единиц в словаре, во вьетнамской лексикографии до недавнего времени существовала также традиция гнездового расположения материала, что соответствовало восприятию морфемы как основной единицы языка и что поддерживалось также использованием до начала XX в. иероглифической письменности. При подобном способе подачи материала лексика языка представлена более системно и структурно. Однако пользование словарем затруднено, особенно для иноязычных читателей, поскольку при наличии нескольких омонимичных корневых морфем поиск требуемой единицы должен осуществляться ими по нескольким гнездам, что увеличивает время поиска. Авторы БВРС основной единицей языка считают слово, поэтому ими был выбран лексикографический порядок следования словарных единиц.

4. О заглавных словах как словарных единицах БВРС.

Итак, в БВРС определяются три типа заглавных единиц: 1) слова, 2) единицы больше слова и 3) единицы меньше слова.

4.1. Основными словарными единицами являются слова, и все они должны быть включены в словник как макросистему словаря⁸. А слово, как известно, в любом языке представляет собой многоаспектную единицу: фонетическую, лексическую, грамматическую (морфологическую и синтаксическую) и стилистическую. Слово в качестве словарной (лексикографической) единицы должно отражать все аспекты, в первую очередь семантический (имеется в виду лексический и грамматический) и стилистический аспекты, и в плане содержания оно должно быть передано адекватным эквивалентом средствами другого языка.

⁸ Словник словаря принято считать макросистемой (или макроструктурой) в противопоставлении с микросистемой (микроструктурой) – словарной статьей.

В плане выражения возможны несовпадения частеречной характеристики слова исходного и выходного языков, но их грамматические функции должны отражаться в разработке словарной статьи. Так, нередко вьетнамское существительное или глагол в определительной функции передается на русский язык прилагательным, например: *sách* 'книга', *hiệu sách* 'книжный магазин', *giá sách* 'книжная полка' и т. д., однако слово *sách* 'книга' в значении предметности во вьетнамском языке никогда не могло быть прилагательным, поэтому как существительное оно имеет все его грамматические свойства:

а) сочетание с классификатором: *quyển (cuốn) sách* (букв. асем. + 'книга');

б) употребление с прилагательным, с количественными словами и т. д.: *sách hay* 'интересная книга', *sách mới* 'новая книга', *nhều (ít) sách* 'много (мало) книг'.

4.2.1. Первая группа слов, которая полностью войдет в словарь, – это простые односложные слова типа *bàn* 'стол', *nhà* 'дом', *đi* 'ходить, идти', *viết* 'писать', *đỏ* 'красный', *đen* 'черный', *ba* 'три', *bảy* 'семь', *tôi* 'я', *vui* 'веселый, весело'. Этот случай наиболее бесспорный.

4.2.2. Вторую группу слов представляют многосложные образования.

4.2.2.1. Первый тип многосложных слов – заимствованные слова. Они бывают нескольких типов.

(а) В первую подгруппу входят двусложные или многосложные образования, состоящие из несвободных ханьвьетских элементов, которые, по оценке А. Масперо, составляют 60% во вьетнамском языке. По известному критерию А.И. Смирницкого, любое двусложное или многосложное сочетание считается словом, если оно включает в себя семантически несамостоятельную единицу. Большинство ханьвьетских элементов (по данным И.С. Быстрова, Нгуен Тай Кана, Н.В. Станкевич, только 25% ханьвьетских элементов могут употребляться самостоятельно) встречаются только в многосложных образованиях, где каждый элемент синтаксически несамостоятелен, следовательно, последние следует считать словами.

Это слова типа: *hội ẩm* ('собираться + выпивать') 'собираться выпить', *hội đàm* ('собираться + поговорить') 'совещаться', *hội ngộ* ('собираться + встречаться') 'встречаться, видаться';

(б) Во вторую группу включается также смешанный тип сложных слов, состоящих из китайского и вьетнамского элементов: *lớp trưởng* ('класс + начальник') 'староста класса', *xanh hóa* ('зеленый + превращать') 'озеленять'.

(в) К этому типу относятся также более поздние заимствования – двусложные китайские слова, особенно часто встречающиеся в политической и научно-публицистической сфере, например: *xâm lược* 'агрессия', *kinh tế* 'экономика', *khoa học* 'наука', *thảo luận* 'обсуждать', *mỹ lệ* 'красивый', *vĩ đại* 'великий', *hữu nghị* 'дружба, дружеский' и т. д.

(г) Заимствованные слова из европейских (флективных) языков, встречающиеся главным образом в научно-технической и общественно-политической терминологии: из французского языка: *ra-đi-ô* 'радио', *pê-đan* 'педаль', *si-can-đan* 'скандал'; из английского языка: *sô* 'шоу', *okê* 'ОК', *com-ri-to* 'компьютер'; из русского языка: *xô-viêt* 'советский', *bôn-sê-vích* 'большевик' – как правило, слоги в этих многосложных единицах не этимологизируются. В последнее время наблюдается тенденция к заимствованиям из английского языка, и сфера употребления заимствованной лексики расширяется и в бытовой, и в общественно-культурной жизни, что связано с обновлением и ростом экономики Вьетнама и, следовательно, с ростом жизненного и культурного уровня вьетнамского народа.

Все эти подтипы (а, б, в, г) заимствованных слов или с участием иностранных заимствований признаются в современной вьетнамистике словами и, естественно, должны быть включены в БВРС как словарные единицы.

4.2.2.2. Многочисленным слоем словарных единиц является слой исконных многосложных единиц, образованных односложными единицами вьетнамского языка.

В современном вьетнамском языке имеется большое количество многосложных комплексов, образованных из синонимов, антонимов или простых слов, обозначающих однородные или одноплановые предметы, явления, признаки, процессы и т. д. По своей структуре они похожи на словосочетания с сочинительной или подчинительной связью. Однако большинство вьетнамских и зарубежных лингвистов относят эти образования к сложным словам, поскольку они характеризуются идиоматическим значением, т.е. общее значение не выводится из суммы значений составляющих их компонентов. Например: *nhà cửa* ('дом + дверь') 'жилище' не адекватно значению *nhà và cửa* ('дом и дверь'), невозможность вставки сочинительного союза *và* 'и' между компонентами *nhà* и *cửa* говорит об отсутствии синтаксической связи между ними. Кроме того, это многосложное образование приобретает грамматическую оформленность слова класса существительного с собирательным или обобщенным значением.

4.2.2.2.1. Сложные слова, аналогичные словосочетаниям с сочинительной связью, имеют следующие модели:

(а) Модель «N + N»: *hoa quả* ('цветок + плод') = *собр. суц.* 'фрукты'; *giày dép* ('ботинки + сандалии') = *собр. суц.* 'обувь'; *quần áo* ('брюки + рубашка, кофта') = *собр. суц.* 'одежда' и т. д.

(б) Модель «V + V»: *giúp đỡ* ('помогать + поддерживать') = *обоб. гл.* 'помогать'; *làm ăn* ('работать + есть') = *обоб. гл.* 'зарабатывать'; *vui chơi* ('веселиться + гулять') = *обоб. гл.* 'отдыхать' и т. д.

(в) модель «A + A»: *to lớn* ('большой + крупный') = *обоб. прил.* (с усилением признака) 'огромный, громадный'; *xấu tốt* ('плохой + хороший') = *обоб. прил.* 'всякий, любой; хороший ли, плохой ли' и т. д.

Выделение слов данной группы не вызывает сомнения у исследователей-вьетнамистов, а также у авторов БВРС, они включаются в словарь как заглавные единицы и выделяются в отдельные словарные статьи.

4.2.2.2.2. Группа сложных образований, аналогичных словосочетаниям с подчинительной связью, более разнородная и по структуре, и по степени близости к словосочетаниям. По типу подчинительной связи слова этой группы делятся на две основные подгруппы – атрибутивную группу и комплетивную:

(а) Атрибутивные модели: *nhà máy* ('дом + машина') 'завод'; *chân vịt* ('нога + утка') 'винт'; *máy bay* ('машина + летать') 'самолет' и т.д. Среди этих моделей более продуктивной является модель «N + N», где определяемый компонент представляет собой так называемое «родовое» слово: *cá* 'рыба', *hoa* 'цветок', *xe* 'машина' и т. д., а N, определяющий компонент, – «видовое» слово: *chép* 'каarp' в *cá chép* ('рыба + карп') 'каarp', *sen* 'лотос' в *hoa sen* ('цветок + лотос') 'лотос', *bò* ('бык, корова') в *xe bò* ('машина + бык') 'телега' и т.д. Слова, образованные по этой модели, ведут себя по-разному в конкретных ситуациях. Если для *cá chép* возможны два варианта сочетания с классификатором *con*: *con cá chép* и *con chép* (пропуск родового слова *cá*), то в случае *cá voi* ('рыба + слон') 'кит' возможен только один вариант сочетания с классификатором *con*: *con cá voi*. Если пропустим родовое слово *cá*, то получается *con voi*, что значит не 'кит', а 'слон'. В этом случае статус сложного слова *cá voi* очевиден. В случаях типа *cá chép* БВРС даются две заглавные единицы: *cá chép* и *chép*, последняя с пометой *см. cá chép*, единицы типа *cá voi* 'кит' даются в БВРС как заглавная единица только один раз.

Совсем по-другому обстоит дело с прочими родовыми словами, которые употребляются с числительными без классификатора, а сами выполняют функцию классификатора, выражающего значение «штучности»: *cây* 'дерево', *bụi* 'куст', *quả* 'фрукт', которые в отличие от родовых слов типа *cá* 'рыба' и *hoa* 'цветок' могут сочетаться свободно с числительными, как всякое исчисляемое существительное. Судя по этому признаку, нельзя считать комплексы *cây thông* 'елка', *quả chuối* 'банан' сложными словами, поскольку каждый из этих элементов самостоятельно употребляется в речи и между компонентами существует синтаксическая связь, а именно определительная – такие комплексы являются словосочетаниями и, следовательно, не выделяются как словарные единицы.

В качестве заглавных единиц БВРС выделяются также прилагательные со структурой «уточняемое + уточняющее», где первый элемент указывает на основной признак, а второй – уточняет этот признак, придавая всему комплексу положительный или отрицательный оттенок, например, с положительным оттенком: *trắng tuyết* (*о зубах*) 'очень белый', *trắng ngần* ('белый' + *асем.*) 'белоснежный', *trắng phau* ('белый' + *асем.*) 'совершенно белый', *trắng nõn* (*о коже*) ('белый + росток') 'нежно-белый', *trắng nõn* ('белый + слононая

кость'), *trắng tinh* ('белый + чистый') 'ослепительной белизны'; с отрицательным оттенком: *trắng dã (o mắt)* ('белый + асем.) 'наглый' *trắng bệch (o da)* ('белый + белый') 'бледный, бескровный'; *trắng nhờn (o răng)* ('белый + грязноватый') 'грязновато-белый' и т. д.

Имеется небольшая группа слов, образованных по атрибутивной модели, с «обратным» синтаксическим порядком расположения определяемого и определяющего элементов. По синтаксическим правилам вьетнамского языка существительное, как определяемый элемент, должно стоять в препозиции, а прилагательное, как определяющий элемент, – в постпозиции, т. е. по модели «существительное + прилагательное» (*răng trắng* 'зубы белые', *bụng tốt* 'душа хорошая', *gan to* 'печень большая' и т. д.), параллельно с ними существуют и другие сложные единицы типа: *trắng răng* 'потерявший состояние', *tốt bụng* 'хороший', *to gan* 'отчаянный'. Здесь необычный синтаксический порядок как бы служит формальным знаком устойчивости этих образований, и, следовательно, данные образования являются сложными словами.

(б) Комплетивная модель «V + N»: *kể chuyện* ('говорить + история') 'беседовать'; *làm khách* ('делать + гость') 'церемониться'. К этой модели относится большая группа сложных образований с глаголом *có* 'иметь'. Исходя из разных критериев выделения словарных единиц, их количество в разных словарях не совпадает⁹.

4.2.2.3. Во вьетнамском языке производным словом считается сочетание слова и словообразовательного (деривационного) элемента по действующим в языке словообразовательным моделям. Словообразовательных элементов немного, но они довольно продуктивны. Они могут происходить из китайского языка (*-viên, -sĩ, -hóa*) или быть исконными вьетнамскими единицами: *nhà* (показатель деятеля) – *nhà văn* 'писатель', *đánh* (этимол. 'бить') – *đánh rơi* (асем. + 'падать') 'ронять', *làm* ('делать') – *làm khổ* ('делать + страдать'), 'мучить' и т. д. Как производные слова, они должны быть выделены в отдельные словарные единицы.

4.2.2.4. Одной из характерных черт вьетнамского языка является наличие слов-повторов, образованных из корневой морфемы и некоторой ее фонетической модификации, лишенной значения, типа *đẹp đẽ* ('красивый' + асем.) 'краснота, красота', *máy móc* ('машина' + асем.) 'техника', *làm lụng* ('работать, делать' + асем.) 'работать'. Они бывают разных типов и группируются по структурно-словообразовательным моделям¹⁰. В БВРС повторы выделяются как отдельные заглавные единицы. Кроме того, следуя принципу

⁹ В словаре вьетнамского языка под ред. Ван Тана: 25 ед., в словаре вьетнамского языка под ред. Хоанг Фе: 34 ед., во вьетнамско-русском словаре под ред. Глебовой и Ву Лока: 36 ед.; во вьетнамско-английском словаре Буй Фунга: 84 ед.; в словнике БВРС: 186 ед.

¹⁰ Подробно см.: В.С. Панфилов Грамматический строй вьетнамского языка, СПб., 1993, с. 49 – 52.

удобства для пользователей, повторы выносятся в отдельные словарные статьи и одновременно даются как словообразовательные модели после знака // в конце статьи, например: *đỏ* 'красный'... // *đỏ đỏ* с ослаблением признака – 'красноватый'.

4.3. Ко второму типу словарных единиц относятся устойчивые словосочетания, фразеологические единицы (поговорки и пословицы), а также устойчиво воспроизводимые образования терминологического характера. Основанием для их выделения служит их воспроизводимость, четко выраженная нормативная функция и наличие в русском языке однословного эквивалента: *vòng đua xe đạp* 'велотрек', *máy (gặt đập) liên hợp* 'зерновой комбайн', *tiền nhuận bút* 'гонорар' и т.д., хотя во вьетнамском языке процесс их лексикализации не завершен.

Что касается фразеологизмов, то они обладают идиоматичностью и воспроизводимостью, что дает нам право считать их словарными единицами и выделять в отдельные статьи. Как словарные единицы БВРС они помещаются в алфавитном порядке по первому компоненту и имеют подробную разработку с буквальным переводом составляющих элементов, что позволяет более точно передать специфику и образность конкретного фразеологизма.

4.4. К третьему типу словарных единиц относятся грамматикализованные морфемы, которые можно считать аффиксами или полуаффиксами. Это разные слово- и формообразовательные элементы, грамматические показатели и классификаторы.

4.4.1. Слоги-морфемы китайского происхождения, представляющие собой продуктивные словообразовательные элементы, типа *-viên* и *-sĩ* (обозначение лиц, принадлежащих к каким-либо организациям или занимающихся определенными видами деятельности): *viên* – *đảng viên* 'член партии (партийный)', *xã viên* 'член кооператива', *nông trang viên* 'колхозник', *học viên* 'учащийся', *phát thanh viên* 'диктор', *bình luận viên* 'комментатор', *giáo viên* 'преподаватель', *phóng viên* 'корреспондент', *chiến sĩ* 'воин, боец', *họa sĩ* 'художник', *bác sĩ* 'врач', *ca sĩ* 'певец', *nhạc sĩ* 'композитор', *thi sĩ* 'поэт'; *vô-, phi-, bất-* 'не-', 'анти-', 'без-': *vô sản* 'неимущий', *vô lương tâm* 'бессовестный', *bất hợp pháp* 'незаконный'; *siêu* 'сверх-', 'супер-', 'транс-': *siêu nhân* 'супермен', *siêu sao* 'суперзвезда', *siêu người mẫu* 'супермодель', *siêu lợi nhuận* 'сверхприбыль', *siêu nhiên* 'сверхъестественный', *siêu quốc gia* 'транснациональный' и т. д.

4.4.2. Слоги-морфемы вьетнамского происхождения, которые, сочетаясь с существительным, обозначают лиц, занимающихся какими-либо видами деятельности: *nhà-* – *nhà báo* 'корреспондент', *nhà giáo* 'учитель', *nhà văn* 'писатель', *nhà thơ* 'поэт', *nhà nghiên cứu* 'исследователь', *nhà bác học* 'ученый'; *người-* (обозначает лиц, принадлежащих к какому-либо сословию или занимающихся каким-либо видом деятельности и т. п.) – *người ở* 'прислуга', *người yêu (người tình)* 'возлюбленный (любовник)', *người lớn*

'взрослый', người bệnh 'больной, пациент', người đối thoại 'собеседник', người phản biện 'оппонент' и т.д.

4.4.3. Слоги-морфемы, представляющие собой грамматические аффиксы или полуаффиксы, которые, в свою очередь, тоже являются словообразовательными или формообразовательными элементами.

4.4.3.1. Показатель множественного числа существительных и личных местоимений:

а) những – показатель мн. числа исчисляемых существительных: những vì sao 'звезды', những ngôi nhà 'дома (здания)', những quyển sách 'книги', những chiếc bút 'ручки', những tờ giấy 'листы бумаги'; những linh cảm 'предчувствие', những niềm vui 'радости' (здесь những всегда стоит перед классификаторами, которые, в свою очередь, должны выражать значение шутности или единичности исчисляемых существительных);

б) những – показатель мн. числа отлагольных существительных, здесь он играет двоякую роль – как субстантиватор и как показатель мн. числа: những cố gắng 'старания', những ước mơ 'мечты', những đề nghị 'предложения', những mong muốn 'пожелания'; những lo lắng 'тревоги', những quyết định 'решения' и т.д.;

в) các, chúng – показатели мн. числа личных местоимений (các anh 'вы') существительных, обозначающих лиц при обращении, и определенные множества людей и вещей, о которых идет речь; các đồng chí 'товарищи', các bạn 'друзья', các nước Đông Dương 'страны Индокитая', các thầy giáo trong trường 'учителя в школе; chúng tôi 'мы', chúng nó 'они', chúng mày 'вы'.

4.4.3.2. Видо-временные показатели (по происхождению являются либо наречными, либо глагольными словами): đã – показатель прошедшего времени (этим. наречие «уже»); vẫn – показатель продолженности действия (этим. наречие «все еще»); đang – показатель актуальности действия; sẽ – показатель будущего времени; rồi (этим. «уже») – показатель совершенности действия; xong – показатель завершенности (этим. «заканчивать»); hết – показатель исчерпанности (этим. «кончатся», «исчерпаться»); lên – показатель результативности (nói lên 'высказаться', vang lên 'прозвучать') и т.д.

4.4.3.3. Так называемые классификаторы. Многие вьетнамские лингвисты¹¹ считают классификаторы служебными словами. В.М. Солнцев и др. считают их морфемами¹². Для нас неважно, слова они или морфемы, – в словаре они выделяются как заглавные единицы, поскольку представляют собой регулярные и продуктивные слово- и формообразовательные элементы.

В традиционной вьетнамской грамматике принято определять классификатор con (этим. «ребенок») как показатель живых существ (con trâu 'буйвол', con chó 'собака', con người 'человек'), а cái (этим. «вещь») как по-

¹¹ Авторы «Словаря вьетнамского языка», До Хыу Тяу и др.

¹² В.М. Солнцев. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.

казатель неживых существ, при этом оба выражают значение «штучности» исчисляемых существительных.

Существует еще другая группа классификаторов, которые одновременно выполняют две функции: функцию субстантиватора (показатель перехода глагола в существительное) и функцию классификатора (показатель видов занятия, деятельности и т.д.). Самыми продуктивными элементами являются: *cuộc* (этим. «дело»): *gặp gỡ* «встречаться» – *cuộc gặp gỡ* «встреча», *tranh luận* (*tranh cãi*) «спорить» – *cuộc tranh luận* «спор»; *sự* (этим. «дело»): *quan tâm* «заботиться» – *sự quan tâm* «забота», *thay đổi* «изменяться» – *sự thay đổi* «изменение»; *việc* (этим. «работа, дело»): *tổ chức* «организовать» – *việc tổ chức* «организация», *học tập* «учиться» – *việc học tập* «учеба (учение)» и т. д.

4.4.3.4. Другие типы морфем: вещественные морфемы, которые самостоятельно не употребляются (обычно китайского происхождения): *ảo* «нереальный, иллюзорный» – *ảo mộng* «грезы», *ảo tưởng* «иллюзия», *khỏa* «нагой» – *khỏa thân* «голый»; асемантические морфемы, которые сочетаются с вещественными морфемами в сложных словах, придавая им значение собирательности, как *quê* в *gà quê* «куры», *pheo* в *tre pheo* «бамбуки», *sá* в *đường sá* «пути-дороги», асемантические элементы в повторах: *mềm* в *mềm mềm* «пухлый», *mấp* в *mấp mấp* «полный» и т. д., в словаре не выделяются как заглавные единицы.

4.4.3.5. Морфемы – повторы, образованные от повторной инициали первого компонента и суффикса *-iếc/-iệc* со значением пейоративной множественности, также не включаются в БВРС в качестве заглавных единиц, поскольку они – чистые суффиксы с разными инициалами.

5. Некоторые выводы.

5.1. Слово, как самостоятельное, многоаспектное образование, считается нами основной единицей современного вьетнамского языка. Таким образом, БВРС является прежде всего словарем слов, и главные словарные единицы представляют собой слова: простые, производные, сложные.

5.2. В качестве заглавных единиц помимо собственно слов включаются также единицы других уровней в том случае, если они в каком-либо плане выступают как слово и выполняют функцию слова.

5.3. В качестве заглавных единиц в БВРС включаются также единицы более низкого уровня, чем слово: грамматические показатели, поскольку они характеризуются регулярностью, и словообразовательные элементы, характеризующиеся продуктивностью.

5.4. Таковы вкратце критерии отбора и подачи материала для словарных статей «Большого вьетнамско-русского словаря». Мы надеемся, что содержащаяся в данном тексте информация дает представление о тех трудностях и проблемах, с которыми сталкиваются составители словаря.

ФОРМЫ КАУЗАТИВА И ПРОБЛЕМА ПОБУДИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье предпринята попытка проследить образование, значения и употребление каузативных глагольных форм и их взаимосвязь с категорией побудительного залога¹.

Теория залога в общем языкознании имеет длительную историю, и залогам посвящено немало специальных исследований. Знакомство с литературой, где рассматривается категория залога в различных языках, приводит к выводу, что по данному вопросу у лингвистов отсутствует единая точка зрения. Это связано как с особенностями структуры того или иного языка, так и с различным подходом к определению данной языковой категории. Одни исследователи считают залог только морфологической категорией, другие наделяют его признаками трех языковых уровней – лексического, морфологического, синтаксического, третьи относят залог к категории лексико-морфологической.

В исследованиях, посвященных описанию грамматического строя монгольских языков, в том числе глаголу и его грамматических категорий, также отсутствует единство взглядов в характеристике и сущности залогов (Г.Д.Санжеев, К.С. Ивченков, Ц.Б. Цыдендамбаев, Е.А. Кузьменков, Р.П.Харчевникова).

Так, Г.Д. Санжеев, много внимания уделявший исследованию глагола и, в частности, залогов, писал: «Несмотря на то, что монгольские языки давно уже стали объектом пристальных и кропотливых лингвистических изысканий в трудах главным образом наших отечественных языковедов, нельзя сказать, чтобы в вопросе о залогах в этих языках была достигнута достаточная четкость и необходимая ясность» [Санжеев 1963, 12]. Под категорией залога ученый понимал «такое оформление глагольной основы, которое показывает отношение действия к субъекту, выраженному в подлежащем», а различие между залогом и видом монгольского глагола он видел в том, что «образование залоговых основ представляет собой образование новых глагольных основ, новых глаголов, новых лексических единиц, – иными словами, залог не является формой глагола». Категории залога и переходности-непереходности названы им категориями «лексико-грамматическими», тогда как категории времени, вида, наклонения и лица – «грамматическими» [Санжеев 1963, 9-18]

Другие монголоеды, напротив, считают, что залог есть «формообразовательная категория глагола, частично выражающая в нем синтаксиче-

¹ К исследованию привлечены тексты старописьменного монгольского языка и текст «Сокровенного сказания монголов»

ские субъектно-объектные отношения в предложении и словосочетании» [Наделяев 1954, 58]

П. Бямбасан, исследовавший категорию залога в родном языке, пришел к выводу, что залог в монгольском языке – формообразующая словоизменительная категория [Бямбасан 1970, 230-231]

Залог в бурятском языке Ц.Б. Цыдендамбаев определяет как сложную категорию, носящую смешанный ярко выраженный лексико-грамматический характер, а «главное в залоге – это направленность действия на объект или субъект. Иными словами, залог выражает отношение действия, обозначенного глаголом, к объекту или субъекту, обозначенному именем» [Цыдендамбаев 1979, 84-85].

В 70-х годах распространенной теорией залога в отечественном языкознании стала теория, созданная на основе изучения соотношения семантики и синтаксиса в их взаимодействии [Апресян 1974; Бондарко 1976; Холодович 1979].

Хотя привычные представления о залогах, основанные на принципах общего языкознания, не во всем приемлемы по отношению к монгольским языкам, тем не менее в последние годы и в монголоведении к определению монгольского залога стала применяться теория функционально-семантических полей, развиваемая на материале славянских языков, в которой понятийную основу поля залоговости составляет отношение понятия действия к семантическому субъекту и к семантическому объекту [Харчевникова 1996, 13]

В определении залога мы исходим из того, что залог как лексико-грамматическая категория представляет собой единство лексического значения и формальных грамматических средств. Но лексические и формальные грамматические признаки не достаточно релевантны для этой категории, ибо залоговая сущность глагола в полной мере проявляется только в определенных синтаксических конструкциях. Глагольная форма сама по себе, при любом способе ее морфологического оформления, не может быть определена с залоговой точки зрения и не выражает залогового значения вне ее связи с другими структурными элементами предложения. Значение залога как лексико-грамматической категории проявляется в наличии субъектно-объектных отношений, что и получает свое выражение в соответствующей (залоговой) глагольной форме и в структурном оформлении предложения в целом. Если конкретным субъектно-объектным отношениям соответствует определенная глагольная форма, такие отношения будут называться залоговыми. При изменении субъектно-объектных отношений изменяется и залог. Залоговые формы не изменяют основного лексического содержания его основы, а придают ей лишь новые аспекты грамматических явлений. Залоговые конструкции – это те, у которых позицию сказуемого занимает снабженная специальными суффиксами глагольная форма, выражающая отношение действия к субъекту-подлежащему или субъектно-объектные отношения в предложении

и которые будут структурно отличаться от «простого» построения. Ср.: халх. *Би ном уншна* 'Я буду читать книгу' и *Ах намайг ном уншуулна* 'Брат заставит меня читать книгу'. Здесь субъект-подлежащее исходной конструкции превращается в каузируемый объект действия, т.е. нарушается порядок, при котором субъект-подлежащее сам выполняет действие, что свойственно «простому» построению.

В монгольских языках категория залога тесно связана с лексико-грамматическими разрядами переходных–непереходных и активных–пассивных основ, подробно исследованных в трудах Г.Д. Санжеева и Ц.Б. Цыдендамбаева. Но сами по себе эти разряды не образуют и не определяют залогов, а имеют с последними лишь опосредствованную связь по линии выражения отношения действия к его субъекту (непереходность) или объекту (переходность).

Категория переходности–непереходности представлена в первичной лексической глагольной основе без какого-либо специального морфологического оформления. Лишь небольшое количество монгольских глаголов могут содержать к себе как переходное, так и непереходное значения, например, глагол *törökü* 'рожать', но и 'рождаться'.

Любой непереходный глагол при присоединении к нему суффикса каузативности превращается в переходный.

Семантика «каузативности» значительно шире понятия «категория побудительного залога». Формы каузатива заслуживают особого внимания, так как они отличаются своими значениями и своеобразным синтактико-стилистическим использованием. Монгольские каузативные глагольные формы представляют собой второобразные глагольные основы с особыми суффиксами. Регулярность морфологического выражения каузативного значения не исключает полисемантизма производных с данными суффиксами. Наряду с образованием залоговых конструкций эти суффиксы создают как переходные глаголы от непереходных, так и участвуют в лексико-семантических модификациях производных основ по сравнению с основами производящими. При этом существуют лексические ограничения при образовании производных глаголов – новых лексических единиц, и в меньшей степени такие ограничения касаются производства переходных глаголов от непереходных. Как писал Г.Д. Санжеев: «...глагол в побудительном залоге всегда является переходным и что, независимо от того, идет ли речь о лице или предмете, непереходный глагол в этом залоге становится переходным. Но сказанное отнюдь не следует понимать в том смысле, что побудительный залог, вообще, есть способ превращения непереходного глагола в переходный...» [Санжеев 1947, 96].

Суффиксы, сообщающие глагольным основам каузативное значение и участвующие в построении побудительных залоговых конструкций, не име-

ют такой степени универсальности, как другие суффиксы: страдательного (-*da*, -*ɣda*), совместного (-*lča*) и взаимного (-*lda*/*ldu*) залогов.

К каузативным суффиксам принадлежат: -*ɣul*/*-gül* (В «Сокровенном сказании» – -*'ul*/*'ül*), -*lɣa*/*lge*; -*ɣa*/*ge*; -*qa*/*ke*; -*ya*/*'ā*. При этом наиболее распространенным из них как в древнем, так и современном языке является -*ɣul*/*-gül* (В «Сокровенном сказании» – -*'ul*/*'ül*). Суффикс -*lɣa* в тексте «Сокровенного сказания» вообще отсутствуют. Глаголы с суффиксами -*ɣul* и -*lɣa*, как правило, и участвуют в построении побудительных залоговых конструкций.

Монгольский побудительный залог назван «одним из любопытнейших явлений в системе грамматического строя монгольского языка» [Ивченков 1958, 126]. Г. Д. Санжеев справедливо указывал на то, что «побудительный залог имеет бóльшую неопределенность, чем страдательный залог. Конкретное значение глагола в побудительном залоге выявляется лишь в зависимости от данного лексико-синтаксического окружения». А «то, что в наших (монгольских. – *М.О.*) грамматиках называется побудительным залогом, на деле оказывается конгломератом самых разнообразных форм» [Санжеев 1941, 62, 65].

Залоговое значение определяется не одним морфологическим показателем каузативной глагольной формы, а структурой предложения в целом, совокупностью всех его грамматических признаков – падежным оформлением имен, обозначающих действующих лиц, которыми управляет каузативная глагольная форма. Этой форме должны соответствовать конкретные субъектно-объектные отношения. Значение побудительности, заключенное в предложении, предполагает наличие определенных отношений между членами предложения: субъектом и объектом – реальным исполнителем обозначенного каузативной глагольной формой действия. Изменение функции имени субъекта-подлежащего сопровождается изменением и его падежной формы. Основной доминирующей стороной оппозиции актив–неактив является сторона синтаксическая, морфологические признаки обслуживают синтаксические конструкции – активную и побудительную. Бинарное противопоставление этих двух конструкций обусловлено противоположением синтаксических конструкций.

Суть побудительного залога составляет трехчленная морфологическая система и бинарная оппозиция активной и каузативной синтаксических конструкций. Активной будет конструкция, где носителю глагольного действия – сказуемому соответствует логический субъект-подлежащее и (не всегда обязательные синтаксические признаки актива) прямое и косвенное дополнения. Ср. халх.: *Бат худаг хурзаар малтав* 'Бат копал лопатой колодец' и *Бат оров* 'Бат вошел'.

Иные признаки присутствуют при побудительном залоге: в структуре предложения появляется еще одно действующее лицо – каузатор обозначен-

ного в глагольной основе действия. Подлежащее-субъект актива превращается в агенса – реального исполнителя этого действия, который оформляется в монгольских языках винительным или некоторыми косвенными падежами. При активе действие исходит от самого участника ситуации, являющегося носителем глагольного действия, при побудительном залоге оно направлено на него. И все это находит свое морфологическое оформление как в глаголе – суффиксы каузативности, так и в именах – главных действующих лицах данной ситуации.

В побудительном залоге цель каузативного преобразования состоит в представлении исходной ситуации так, чтобы инициатива в осуществлении обозначенного в глагольной основе действия принадлежала особому участнику ситуации – каузатору. Каузация содержит в себе широкий спектр – от приказа и повеления до дозволения и попустительства. Это определяется соотношением лексических компонентов данной ситуации: глагольного действия, исполнителя действия и его каузатора, роль которого в качестве агенса – реального исполнителя действия выявляется на формальном уровне, путем присвоения ему статуса субъекта, оформленного, как правило, именительным падежом.

В старописьменных монгольских текстах можно обнаружить несколько типов побудительных залоговых конструкций в зависимости от того, насколько эксплицированы в них члены – участники данной ситуации, ибо при необходимом наличии трех компонентов иногда может присутствовать только каузативная глагольная форма, тогда как подлежащее-субъект (инициатор действия) или агенс – реальный исполнитель действия могут оказаться не эксплицированными, хотя и легко выявляются из предыдущего предложения или ближайшего контекста.

Наиболее полно семантические особенности побудительного залога с суффиксами *-yul/-'ul* или *-lyu* реализуются в двуагенсных конструкциях, в которых присутствуют каузирующий и каузируемый субъекты.

I – Присутствуют все компоненты побудительной конструкции, при этом субъект-подлежащее оформлен именительным падежом.

А) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен винительным падежом: *Čnggis qahan niken üdür Büri bökö Belgütei qoyar-i abaldu 'ulhaya ke 'eba* (Сок. ск., §140) ‘Чингис-хан однажды заставил Бури-бохо и Балгүтэй’я побороться’; *Teb Inгри namayi namančilayulun bölüge* (АТФ, 3051) ‘Теб Тэнгри принудил меня поклониться’.

Б) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен дательным-местным или местным падежами: *Dörbei... ere-tür harban müsüt ürge 'üljü süke uqali kirü'e si 'üči ere-yin jer jebseg jasa 'ulju hula 'an buqa-yin yabuqsan mör-iyer mörtür bayuqsan modut hoqtočin čabči 'ulju kirügede 'üljü...* (Сок. ск., §240) ‘Дорбэй... приказал каждому мужчине нести по десять прутьев, вооружиться (сделать оружием) топором, теслом, пилой, долотом, продвигаясь тропой

Красных быков, велел срубить и спливать встречавшиеся на пути деревья...'; ...*mön Jelm öbesüben kü usun erij ü abčiraŋu (abču) taray jiyuraŋu qayan-a uuyulɣaba* (АТФ, 1355) '... этот самый Дзэлмэ нашел и принес воду, разбавил тарак (вид простокваши. – М.О.) и предложил выпить хану'.

В) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен орудным падежом: *Doɣolang günjī egeçi inu Barsu Bolad jonong-yi... ede doluɣan kümün-iyer kürgegölbei* (АТФ, 5012-5013) 'Его старшая сестра Доголанг-гунджи приказала этим семерым людям доставить джононга Барсу-Болода'; *Qatun-u tere ügen-tür qayan jöbsiyej ü Toɣon tayisi-yi Salamučün Sayimučün neretü qoyar elčiber ɣaŋar-tu inu kürgegölbe* (АТФ, 4398) 'Хан согласился с теми словами ханши и приказал двум своим гонцам по имени Саламучин и Саймучин доставить Тогон тайши в его земли'.

II – Подлежащее–субъект в данном конкретном предложении отсутствует, но его можно вычислить из окружающего контекста или представить как некое абстрактное лицо.

А) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен винительным падежом: ...*Soqor elči-yi inu askiŋu jöbayan emegel inu ürgügöljü qariyuljuqui* (АТФ, 3008) '[Тэб Тенгри] посланца Сохора мучил и избивал, а потом заставил вернуться и нести за спиной седло'; *Sayid kö'üd-i anu sibawu-ban bari'ulju daqa 'ulju yabuqtun* (Сок. ск., §266) '[Чингис-хан приказал:] «Пусть их лучшие сыновья следуют за вами и пусть держат в (руках) своих птиц»'.

Б) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен дательном-местным падежом: *Mori-yan Kököčü aqtačün-da'an bari'ju'ui* (Сок. ск., §188) '(Сэнгум) приказал своему конюху Хохочу поддержать своего коня'; *Basa Degei qoničida bükde 'ül-i čü'ulqaju minqa mede'ülba* (Сок. ск., §222) '[Чингис-хан] поручил также чабану Дзэгэйю собрать отовсюду мянганов и управлять ими'.

В) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен орудным падежом: *Jerü yeke ulus-i Jüke Buq-a qoyar-iyar medegölbe* (АТФ, 4186) '[Хан] приказал Джуге и Буха ведать вообще всем великим государством'; ... *Qasar-i dörben kümün-iyer sakiyulju...* (АТФ, 3808) '[Государь] повелел четырем человекам охранять Хасара...'; *Tende Tümüjin-i tere qurim-tur kilbara keüked kümün-iyer sakiyulju bölüge* (АТФ, 587) 'На том пиру [тайчигуды] поручили охранять Тэмуджина слабосильному парню'.

III – В побудительной конструкции отсутствует агенс – реальный исполнитель действия, который предстает как некое абстрактное лицо: *Tende Qng qayan Illaburi Alin tayisi-tan degüü-ner-iyen noyad-iyar bariyuljaqui* (АТФ, 1699) 'Там Ван-хан велел изловить Илабури, Алин тайши и других своих младших братьев'; *Činggis qayan üjeŋü nigen bor-a qosiliy abčirayul Teb Tngriyin degere inu talbiyulju ...* (АТФ, 3061) 'Чингис-хан, увидев [это], приказал принести из задней юрты старую покрывку и натянуть ее над [телом] Тэб Тэнгри...'

Иногда кроме агенса – реального исполнителя действия в залоговой конструкции оказывается не эксплицитированным и сам каузатор действия, который также вычисляется из контекста: *Nökö'e buru'u yosu ügei eme gü'ün-ü üge-tür oroju Otčigin abaqa-yin ulus-un ökit abčira'ulju alji'as bolba-je* (Сок. ск., §281) 'Вторая моя оплошность состояла в том, что [я] (речь идет о Чингис-хане. – М.О.) послушался недостойной женщины и приказал доставить девушек из числа подданных Отчигин-абага'.

Однако каузируемые суффиксом *-yul/-'ul* глагольные формы участвуют не только в образовании побудительных залоговых конструкций. В ряде случаев этот суффикс оказывается не связанным с залоговыми образованиями, а выполняет словообразовательную функцию. Например, от глагольной основы *bayi-* 'быть, находиться, существовать' образовалась новая лексическая единица, новый глагол *baiyul-/baya'ul-* 'создавать, учреждать, организовывать; строить, воздвигать, водружать': *...qan ečige tamu qamug ulus-i bayi'ulurun...* (Сок. ск., §254) '... когда хан-отец ваш создавал все государство...'; *Bars jil Onan-nu teri'ün-e quriju yisün költü čaqa'an tuq bayi'ulu'at Činggis qahan-na qan ner-e tende ökba* (Сок. ск., §220) '...в год Барса [они] собрались у истоков [реки] Онон, водрузили белое девятиножное знамя и там же дали Чингис-хану (Тэмуджину. – М.О.) звание «хан»'.

* * *

Кроме суффиксов *-yul/-'ul* и *-lqa* к залоговым традиционно относятся каузативные суффиксы *-ya/-ge*, *-qa/-ke*, *-ya/-'ä*. Но они не всеми исследователями монгольских языков трактуются однозначно. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев считал их «нерегулярными моделями» в образовании побудительного залога и признавал, что «такая аттестация их носит несколько уклончивый характер, обусловленный тем, что не так просто понять роль этих суффиксов в языке» [Цыдендамбаев 1979, 93]. Г.Д. Санжеев в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» писал, что эти суффиксы «служат лишь для образования переходного глагола от непереходного» [Санжеев 1941, 65]. Однако в коллективной «Грамматике бурятского языка» в принадлежащем ему разделе «Глагол» эти суффиксы причислены уже к образующим побудительные глаголы [1962, 206-207]. Но позже во втором томе «Сравнительной грамматики монгольских языков», посвященном глаголу, автор уже категорически отрицает принадлежность этих суффиксов к залоговым. «В современных монгольских языках, – пишет ученый, – суффиксами побудительного залога являются только такие, как (по нормам старописьменного монгольского языка) *-бул* ~ *-гүл*, *-лжа* ~ *-лге* и иногда *-ба* ~ *-ге* (после некоторых глагольных основ с конечными *-л* и *-р*). Что же касается суффиксов *-ха* ~ *-ке* и *-ба* ~ *-ге* (после пассивно-глагольных основ с конечными краткими гласными), то они должны быть признаны не залогообразующими, а фактически средствами образо-

вания основ переходных глаголов от основ непереходных глаголов [Санжеев 1963, 30-31].

Р.П.Харчевникова, исследовавшая систему глагола в современном литературном калмыцком языке, относит эти суффиксы наряду с суффиксами *-ул* и *-лһ* к образующим побудительный залог, хотя и отмечает, что данные суффиксы образуют глагольные основы побудительного залога менее регулярно по сравнению с *-ул* и *-лһ* [Харчевникова 1996, 20].

Этот краткий экскурс в историю изучения указанных выше суффиксов свидетельствует, что их роль в структуре предложения оценивается учеными не адекватно. Для того чтобы оценить роль этих суффиксов в древнемонгольских текстах, приведем ряд примеров с разными глагольными основами: *...qari daru'ulun salqaya ke't'et...* (Сок. ск., §255) '[Чингис-хан] сказал: «...Победив чужеземцев, поделим их...»'; *...qamuy mongyol Tayičiyud Onan-u Qorqoy jīgür-tür Qutala-yi qayan bolyaba* (АТФ, 346) '... все монголы и тайчигуды [собрались] в долине [реки] Онон Хорхог и избрали (сделали) Хутулу ханом'; *Činggis qahan-a qubi ese qarqajū'u* (Сок. ск., §260) '...Чингис-хану доли не выделили'; *Ong-qan altan term-e bosqajū...* (Сок. ск., §184) 'Ван-хан воздвиг золотой шатер'; *Ökin-iyen üdeji Kürlekü dotora Senggür yoroqan-a büküi-tür kürgeji irebei* (АТФ, 706) '...[Цотан] сопровождала свою дочь до реки Сэнгур в местности Курлеку'; *Ede ečige köbegün qoyar odun baraγsan ulus-i nada quriyaǰu öggür-ün...* (АТФ, 1821) 'Эти отец с сыном собрали и передали мне раздробленное государство'; *Basa Ögödeiqahan ügüleriün Činggis-qahan ečige-yü'en joban bayi uluqsan ulus-i bu jobo'aya* (Сок. ск., §279) 'Угэдэй-хан сказал: «[Мы] не разрушим (не потревожим) государство, заботливо созданное нашим отцом Чингис-ханом»'.

Как показывают примеры, глаголы, каузированные данными суффиксами, не участвуют в образовании побудительных залоговых конструкций. Субъект-подлежащее в каждом из этих предложений (в некоторых случаях он не эксплицирован) не побуждает кого-то к совершению обозначенного в глагольной основе действия, а осуществляет его сам. Здесь присутствуют прямые субъектно-объектные отношения, т.е. прямой залог. Следовательно, роль суффиксов *-γa/-qa*, *-γa/-'ā* сводилась в древнем языке (также как и в современном) главным образом к образованию переходных глаголов от непереходных. От других, залогообразующих, суффиксов они отличаются и своим месторасположением в глагольной словоформе. Если перед суффиксами *-γul* и *-lγa* возможна постановка суффиксов других залогов, например, *aba+ldu+γul-* (взаимный и побудительный залогов), то вышеназванные присоединяются только к первичным непереходным основам, превращая их в переходные, например: *sita-* 'гореть, пылать' – *sita+γa-* 'поджигать, сжигать'; *asa-* 'загораться, разгораться' – *asa+γa-* 'зажигать; заводить, пускать (например, мотор)'. Если же надо выразить побудительные залоговые отношения, то уже к этим суффиксам наращиваются залогообразующие суффик-

сы *-yul* или *-lʹya*. Ср. предложения: *Miyui-tu kobeng uyaʹju ʹal sitayabai* (АТФ, 3086) 'Привязали (к хвостам) кошек хлопок и подожгли' и *Čirig ʹal sitayaquittur jonong jarliʹy bolurun: čirig-un tolyai-yin arbayad ʹal sitayaʹtum geʹju jarlaʹju sitayalyaba* (АТФ, 4468) 'Когда солдаты зажгли огни, джононг приказал: «Пусть у каждого солдата загорятся по десять огней» и заставил (их) зажечь'; *Jam talbi'ulʹju jamič'in ula'ač'in qarqa'asu olon ulus-a amuquulang elč'in-e ber yabuqui-a ilubte bui* (Сок. ск., §280) 'Если, поручив установить уртонные станции, выставить проводников и ямщиков, (это) будет благо для всего народа и особенно удобно для курьеров' и ... *qahan-nu jarlig-tyar hon hon-tur šulen-e surug-eče niken silegü irge ja'un qonid-ača niken jusaq qonin qarqa'ulba* (Сок. ск., §280) '... по указу хана заставили (подданных) поставлять ежегодно для супов от стада по одному жирному барану, от ста овец по одной суягной овце'.

Следует отметить, что при сохранении своего основного назначения – преобразовывать непереходные глаголы в переходные, суффикс *-ya / -qa* (халх. *-ga*) может изредка участвовать в формировании побудительных залоговых конструкций, что в значительной мере определяется лексическим окружением. Наиболее характерным примером, приводимым обычно и монгольскими учеными в своих исследованиях, является предложение: халх. *Ээж дүүг долоон цагт босгов* 'Мама заставила встать (но и «разбудила». – М.О.) младшего брата в семь часов'. Это можно считать (как и в случаях наличия словообразовательной функции у суффикса *-yul*) частным проявлением основного грамматического значения этого суффикса.

Способность отдельных глагольных суффиксов (в данном случае – каузативных) выполнять как словоизменительную, так и иногда словообразовательную функции характеризует монгольский язык как имеющий такие черты, где органически переплетаются явления словоизменительного и словообразовательного характера, хотя в целом монгольские языки принадлежат к тем, в которых словоизменение и словообразование составляют две самостоятельные сферы в их грамматической структуре.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АТФ – Hans-Peter Vietze, Gendeng Lubsang, Altan Tobči. Eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts. Von Blo bzañ bstan 'jin. Text und Index. Tokyo, 1992.

Сок. ск. – Index to the Secret History of the Mongols. By Igor de Rachewiltz. Bloomington, 1972.

халх. – халхаский.

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Бобровников А.Л.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бямбасан П.* Орчин цагийн монгол хэлний үйл үгийн хэв байдал // Хэл злхтол судлал. Т.VIII, 1-12. Улаанбаатар, 1970.
- Грамматика бурятского языка. М., 1962.
- Ивченко К.С.* Субъектно-объектные отношения в монгольском побудительном обороте // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Кормушин И.В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерк сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.
- Кузьменков Е.А.* Глагол в монгольском языке. Л., 1984.
- Наделяев В.М.* Программа теоретического курса грамматики современного монгольского языка. Л., 1954.
- Орловская М.Н.* Побудительные глаголы и побудительные залоговые конструкции в классическом монгольском языке // Олон улсын монголч эрдэмтний III-р Их хурал. 2-р боть. Улаанбаатар, 1977.
- Санжеев Г.Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.
- Санжеев Г.Д.* Залог в монгольском языке // Труды Военного института иностранных языков. № 3. М., 1947.
- Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Харчевникова Р.П.* Система глагола в современном литературном калмыцком языке. Автореф. док. дис. М., 1996.
- Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. М., 1979.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматические категории бурятского языка в сравнительном освещении. М., 1979.

Г Ц ПЮРБЕЕВ

КОНЦЕПТ СУДЬБЫ В КУЛЬТУРЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Под словом «культура» обычно понимается совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии¹. Судьба как абсолютная

¹ Ср., например, определение культуры «как совокупности достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении» С.И. Ожегова [Ожегов 1992, 276] и дефиницию этого понятия в книге «Язык и культура»: «Культурой называют совокупность результатов и процессов любой социальной деятельности людей» [Верещагин, Костомаров 1976, 36]. Уточненное определение дано Ю.С. Степановым: «Культура понимается как совокупность достижений людей во всех сферах жизни, рассматриваемых не порознь, а совместно – в производственной, социальной и духовной» [Степанов 1997, 13].

и постоянная константа культуры принадлежит к числу базовых понятий, или концептов, получивших многообразное развитие в разных системах человеческих знаний и актуальных в сфере духовной жизни людей различных социальных групп. По меткому и очень глубокому замечанию Ю.С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997, 40].

В структурно-смысловом отношении понятие судьбы является двухполюсным [Топоров 1994, 38]: ее конечные точки – появление человека на свет и уход его из мира. Человеку не суждено знать и помнить ни своего рождения, ни своего последнего часа. По этому поводу народный поэт Калмыкин философски сказал: «Два рубежа, две грани, два мгновенья не ведомы ни одному из нас» [Кугультинов 1983, 55].

Между этими крайними рубежами лежит жизненное пространство человека, или, иначе говоря, поле его судьбы. Именно в этом пространственно-временном поле, заключающем прошлое, настоящее и будущее каждого человека, возникают разные ситуации контакта его с судьбой. В зависимости от стечения жизненных обстоятельств и случая они осмысливаются человеком не адекватно, вызывая с его стороны соответствующую реакцию на знаки судьбы и ее поведение.

Судьба в сознании монгольских народов, их мифологии, фольклоре, религии (шаманство и буддизм в форме ламаизма), традиционной культуре в целом, воспринимается фаталистически как категория, отражающая представление о сверхъестественных, божественных силах, предопределяющих все события в жизни людей.

В роли таких посторонних сил, являющихся вершителями человеческих судеб, выступают несколько персонифицированных духов-творцов, или демидургов. Прежде всего к ним относятся два шаманских мифологических образа (персонажа) судьбы, известных среди всех монгольских народов под именем *заяан*, *заяагч/заяач* ‘дух-творец’, ‘создатель’ и *тэнгэр* ‘тэнгри’, ‘дух-небожитель’, ‘гений-божество’, ‘бог Небо’.

Буряты-шаманисты, у которых культ *заяан* получил наибольшее распространение, делают фигурки этого почитаемого духа или изображают его в виде идола на лоскутке материи [Манжигеев 1978, 52]. По древним поверьям всех монгольских народов, у каждого человека был свой *заяан*, наделявший подопечного той или иной судьбой: доброй, хорошей, счастливой (*сайн заяа*) или же плохой, несчастной (*муу заяа*). Владелец первой считался счастливым и удачливым (*сайн заяатай хун*), а владелец второй – неудачником, обреченным на несчастье (*муу заяатай/заяа муутай хун*).

Заяан мог наделить человека судьбой не в полной мере, т.е. просто не добавить ее. В таком случае человек слыл не совсем счастливым и везучим (*дутуу заяатай/заяа дутуу хун*). Но могло быть и так, когда человеку судьба не выпадала вовсе: он был лишен ее с самого начала. Такой обездоленный и не-

счастный назывался *заяагүй/хувь заяагүй/хишиггүй* 'без судьбы-доли, без счастья'.

Наряду с *заяан* – духом-творцом, созидателем человеческих судеб, аналогичную функцию выполняет верховное божество всех монголов-шаманистов *Тэнгэр* 'Небо, тэнгриий, дух-небожитель'. Известно, что у древних монголов существовал культ Вечного синего неба (*Мөнх хөх тэнгэр*), во власти которого находилась судьба земных людей, их жизнь и дела. *Тэнгэр* как божественное провидение и как дух-гений ведал судьбой, наделял им людей или же, наоборот, оставлял их без счастья-доли, лишая своей милости. Об этом можно судить на основании таких устойчивых метафорических выражений, как: *хүний хувь заяаг тэнгэр мэднэ* 'судьбу человека знает тэнгриий, все в воле Неба'; *тэнгэр нь хээр хаяжээ* 'тэнгриий оставил его в безлюдной степи', 'Небо его покинуло в степи'; *заяа тэнгэр нь орхижээ* 'заяан и Небо бросили его'.

Человек во всем полагался на своего божественного творца *Тэнгэр* 'Небо'. Эта безраздельная вера в его могущество и покровительство находит отражение в языковых фактах: пословицах и поговорках, фразеологических оборотах речи, благопожеланиях, междометных восклицаниях, обращенных к небесному божеству. Ср., например, монг. посл. *хүнийг заяасан тэнгэр, хүнс ч заяах* (калм. *кү заясн теҗер кумс чигн заях*) 'тэнгриий, ниспославший человека, ниспошлет и пищу'; фразеологизмы – *азын тэнгэр нааша хандав* 'тэнгриий удачи/счастья сюда повернулся', *тэнгэрийн таалал тогсох* 'почтит скончаться, умереть', 'благоволение Неба кончилось'; формулы-восклицания – *тэнгэр мэдэг* 'пусть тэнгриий знает, ведает!'. Ср. русск. *пусть Бог рассудит!*; благопожелание (*ерөөл*): ойрат. *Хойор ачи үршин насан хутагни ута, хув зайани зузаан, буйни эрвен, хишигени бата болжи, амар амгуулан эделтегээ* (Б.Годаева) 'Пусть жизнь двух внуков моих будет долгой, судьба прочной, добродетели многочисленными, счастье крепким, пусть они познают мир и покой!'.

Согласно языческой традиции монголов, у человека мог быть не один, а несколько тэнгриев, духов-божеств, о чем красноречиво свидетельствует монгольская фразеологическая единица *заяа таван тэнгэр нь орхижээ* 'заяан и пять его тэнгриев покинули/бросили', т.е. 'кого-л. покинули удача и счастье, кому-л. не везет'. То, что человек не обходился только одним гением-хранителем и что его сопровождали добрые и злые божества, подтверждают широко употребительные в устно-поэтических текстах словосочетания *сайн зүгийн тэнгэр* 'небесный дух, божество плохой стороны'. В этой связи уместно будет указать на то, что у монголов до сих пор сохраняется обычай *зүг гаргах/зүглэх* – направляться рано утром в первый день новогоднего праздника *Цагаан сар* ('Белый месяц') в гости в ту сторону, где загадано найти счастье.

Буряты, исповедующие шаманскую веру, полагают, что среди небесных духов-божеств особо выделяется своим всевышним благоволением к людям *заяан сагаан тэнгэри* 'творящий белый небожитель', который специально покровительствует актам оплодотворения и размножения живых существ [Манжигеев 1978, 53]. Когда на смену черной вере, или шаманству, к монголам пришло учение Будды в форме северного (тибетского) буддизма, или ламаизма (XVI – XVIII вв.), понятие судьбы в сознании народа стало ассоциироваться с идеей бурхана – всевидящего и милосердного Будды [Там же, 157-161]. В глазах верующих он стал воплощением и символом той высшей силы, которая играет роль мирового судьи и предопределяет участь всех смертных. Отсюда ясно, почему люди стали апеллировать к бурхану, прося его о спасении души, защите от напастей и бед, вымаливая прощение грехов и т. д. Сошлемся на некоторые ситуативные молитвы-обращения: монг., бур. *бурхан зайлуул* 'пронеси, избавь, бурхан!'; монг., бур., калм. *бурхан үзэг/мэдэг!* 'пусть видит/знает бурхан!'. Ср. русск. *да видит Бог!*

Следует заметить, что слово *бурхан* часто употребляется в паре со словом *тэнгэр*, указывая тем самым на мирное уживание языческих (шаманских) и буддийских традиций в ситуации судьба – человек. Приведем примеры такой сочетаемости: монг. *бурхан тэнгэрийн ивээлээр байх*, калм. *бурхи теҗерин евлэр бээх* 'жить под защитой и покровительством бурхана и тэнгрия', монг. *хувь заяагаа бурхан тэнгэрт даатгах*, калм. *хув заяһан бурхи теҗерт даалһх* 'вручать свою долю-судьбу бурхану и тэнгрию', калм. *юу болһнь бурхи теҗер медх* 'что произойдет, что случится будут знать бурхан и тэнгриий'.

Поскольку мифические духи-хозяева судьбы заранее предвешают, какой будет удел человека, то, естественно, мотив распределения и раздачи жизненной доли и счастья (*заясан, ноогдосон, тависан хувь/заяаны хувь*) превагирует в культурной традиции монгольских народов, их воззрении на мир и «кармические» силы природы. Вера монголов в неотвратимость и непреодолимость (*зайлашгүй хувь заяа*) как силы, возвышающейся над людьми, снимает вопрос о ее выборе, а тем более конфликтах и противоборстве с ней. Об этом говорят слова из калмыцкой народной песни: *Урдан тэвсн хувас ууляд юуһан авхв* 'Чего можно добиться слезами от судьбы, которая уже предначертана'. Человек должен принимать судьбу как нечто неизбежное, следовать и подчиняться ей (*хувь тавиландаа захирагдах*)². Тем не менее это не исключает проявления им своей воли, когда своими поступками и делами он может повлиять на свою судьбу (*эзэн хичээвэл, заяаа хичээнэ* 'если хозяин постареется, то и судьба поусердствует') и добиться заслуженного счастья, успеха и удачи (*хувь заяандаа хүртэх, зол заяатай болох, хишиг буянд*

² Вера в предопределение судьбы входит в число десяти заповедей «добрых дел» (*арван цагаан үйл*) всех буддистов, внушая им, что «все делается исключительно по воле Божией» [Дуброва 1998, 58, 60].

хүртэх). Человек может находиться в поисках не обретенной им или покинувшей его и заблудившейся судьбы (*хувь заяагаа эрэх*, ср.бур. *зол заяагаа бэдэржэ ябах*). Соответственно он может найти и повстречаться с судьбой (*хувь заяагаа олох, төөрөг заяатай учирах*).

На проявление собственной воли индивида, искушение им своей судьбы, упреки на ее несправедливость намекает смысл отдельных выражений. Ср.: монг. *заяагаа турших, азаа туршаад үзэх*, бур. *талаан туршаха*, калм. *хөвэн сөрх/сөрж үзх* 'попытать свою судьбу', монг. *хувь заяандаа гомдох*, калм. *хөвдэн хүндх* 'обижаться/сетовать на свою судьбу'. Однако желание предъявить ей счет ведет к губельному концу, что отчетливо эксплицируется в монгольском идиоматическом выражении *заяандаа эрүүдэх* 'погибнуть, умереть' ('подвергать пытке/допросу свою судьбу').

Находясь во власти субъектов судьбы как высших сил (*заяан, заяач, тэнгэр, бурхан*), человек не может быть приравненным к ним по самостоятельности действий. Видимо, этим обстоятельством объясняется то, что для монгольских языков не характерны словосочетания, подобные русским *бороться/сражаться с судьбой* или *смеяться в глаза судьбе* – где человек как главный участник ситуации занимает позицию субъекта действия [Ковшова 1994, 138].

Говоря о сознательном, глубоком интересе человека к своей судьбе, нужно указать на различные магические приемы ее распознавания и «вычисления» путем гадания. Мотив пророчества, провидения судьбы (*төөрөг үзэх, төөрөг зурах* 'смотреть судьбу, чертить судьбу') очень развит в культуре и астрологической практике монгольских народов. Он широко распространен в их фольклоре, особенно в эпосе и сказках.

При ворожбе (*мэргэ төгө, мэргэлэх*) принимались в расчет год, месяц, день рождения, время года и звезда, под которой родился человек. С помощью этих и других данных определялось будущее, то, как сложится жизнь человека: счастливо/несчастливо, удачно/неудачно, сколько он проживет, чего достигнет, что с ним случится и т. п. [(Дуброва 1998, 89-93, 216-217)]. У монголов даже существовала специальная Книга судеб (*амьдын зурхайн судар*), заглянув в которую, якобы можно было узнать все, что ожидает человека.

Небезынтересно отметить, что в книге Фердинанда Оссендовского «И звери, и люди, и боги» сообщается о том, как русский царь Александр I отрядил к богдо-гэгэну, главе буддийской церкви Монголии, особого посланца с просьбой открыть монарху его судьбу и как богдохан (живой Будда) предсказал по «черному камню», что царь окончит свои дни всеми гонимый – в скитаниях и забвении [Оссендовский 1994, 298-299].

“ Концепт судьбы в традиционной культуре монгольских народов при конкретном словоупотреблении реализуется по крайней мере в трех основных значениях: 1) как воля и власть высших сил (*заяан, заяач, тэнгэр, бурхан*), распоряжающихся человеком и порядком на земле; 2) как доля, удел, участь индивида (*хүний хувь, заяа, төөрөг, тавилан*); 3) как деяние и плоды деяний человека (*хүний үйл, хүний үйлийн үр*). Ср. калмыцкую поговорку: *укл келж ирдго, үүлэж зулж болдго* ‘смерть приходит без объявления, от судьбы не убежать’. Деяния же человека, как известно, могут быть хорошими, добрыми, благородными (*сайн үйл, цагаан үйл, буянт үйл*), плохими (*муу үйл*) и даже черными (*хар үйл*). В соответствии с ними человека в конце его жизни ожидает суд и приговор Эрлик-хана, владыки загробного мира, царя смерти: отправить его в рай (на небеса) или в ад.

Кроме отмеченных смыслов понятие судьбы в определенном контексте подразумевает жизненный путь человека, о чем свидетельствует общемонгольское слово *зам* ‘дорога, путь’ и калмыцкое *хаалһ* в том же значении, которые нередко используются в качестве заглавий художественных произведений, повествующих о судьбе человека или народа. Достаточно упомянуть здесь роман народного писателя Калмыкии Басанга Дорджиева «Чик хаалһ» («Верный путь») и монгольского писателя Н. Банзрагч «Зам» («Путь»). Кстати сказать, тема судьбы была в центре внимания выдающегося деятеля монгольской культуры первой половины XIX в., поэта, художника и философа Д. Равжаа, который свой главный труд так и назвал – «Хүмүүн заяа» («Судьба человека»).

Понятие судьбы как категории культуры, формировавшейся в течение многовековой истории монгольских народов, отложилось в их языках в виде различных наименований. Ключевым и наиболее распространенными из них являются уже упоминавшиеся выше: *заяан, тэнгэр, бурхан, төөрөг, тавилан, үйл*, которые, сочетаясь между собой, образуют парные сложные слова с более обобщенным значением, например: *хувь заяа, төөрөг заяа, заяа тэнгэр, хувь тавилан* и др.

Эти опорные лексемы вступают также в определенные синонимические связи с довольно большим кругом слов, обозначающих разные стороны (признаки) концепта судьбы и как бы подчеркивающих различные ее ипостаси. Данную группу составляют лексические единицы типа: *аз* 1) ‘удача, счастье’, 2) ‘судьба, доля’, *зол* ‘счастье, удача’, *хишиг* ‘счастье’, *хийморь* ‘счастье, удача, успех’, *учрал* ‘случай, обстоятельство (роковое/нероковое)’, *зон* ‘воля, произвол судьбы’, *шор* ‘несчастье, беда, злой рок’, *зэтгэр* ‘помеха, и препятствие (по злему умыслу)’, *сүлд* ‘счастье; на роду написанное счастье’ и др.

Приведенные примеры показывают, что лексико-семантическое поле судьбы в монгольских языках весьма обширное, и оно кроме чисто лексических средств охватывает и фразеологические, характеризующиеся разной

степенью устойчивости и образности. Ср.: монг. *ус уух хувь*, калм. *ус уух хөө* 'счастье жить на земле/на свете' (букв. 'воду пить доля/учесть'), монг. *үйлээ үзэх*, бур. *үйлээ үзэхэ*, калм. *үүлэн үзх* 'мучиться, страдать, мыкать горе' (букв. 'деяние свое видеть'), бур. *талаан эрбээхэ* 'фортуна/счастье улыбается' (букв. 'доля-судьба повернулась к кому-л.'). Кстати, в бурятском языке слово *талаан* заимствовано из русского, где в народно-разговорной речи и устно-поэтических текстах *талан* является синонимом к словам *доля*, *участь* [Никитина 1994, 132].

Обращает на себя внимание, что не все названия судьбы в монгольских языках именного происхождения. Часть из них представляет отглагольные дериваты. Таковы, например, монг., бур. *заяан*, калм. *заян*, монг. *тавилан*, бур. *табилан* и *табисуур* в значении «предопределение, предназначение, предназначение, участь, судьба», монг., бур. *төөрөг* 'предопределение, рок, судьба, жребий'.

В качестве наименований судьбы эти существительные образовались от глагольных основ: *заяа*- 'предвещать, предопределять, предназначать', *тави* / *таби*- 'ставить, класть, устанавливать' и *төөрө*- 'блуждать, шлутать, терять дорогу'. Глагольность поля судьбы проявляется не только на лексическом уровне, но и на семантическом, так как источник судьбы мыслится как некий субъект действия – персонифицированный дух-творец (*заяан*, *заяач*), божество-тэнгрий (*тэнгэр*) и бог, Будда (*бурхан*). Множественность в обозначении концепта судьбы – характерная черта многих языков, в том числе и монгольских. Она обусловлена, во-первых, стремлением языка запечатлеть разные элементы смысла феномена судьбы, а во-вторых, тенденцией к вариативности и разным способам семантического кодирования [Топорова 1994, 162].

Особую линию развития концепт судьбы получил в антропонимической системе, где человеческий фактор играет очень большую роль. В монгольском языке слова *заяа* 'судьба', *заяач* 'дух-творец судьбы', *заяат/заяата* 'обладающий судьбой; удачливый, счастливый' могут использоваться в качестве собственных имен людей [Сэржээ 1991, 26; Сэржээ 1992, 36]. Антропонимы *Заяа*, *Заяат*, *Заяач* зафиксированы в «Справочнике личных имен монголов» Ж. Сэржээ и в его монографии «Монгольские личные имена». В акте наречения такими «судьбоносными» именами усматривается явное желание наделить их владельцев сильной харизмой и сделать человека хозяином и творцом своей судьбы³.

Слово *заяа* особенно часто употребляется в составе сложных антропонимов с семантикой пожелания, где оно занимает позицию первого или второго компонента. Так, в «Кратком словаре монгольских личных имен» А. Дариймы

³ Как не вспомнить здесь, что великий просветитель ойрат-калмыков и создатель «Ясного письма» (*тодо бичиг*) носил имя Заяа, а его дед был известен под именем Кюнжуй-Заяачи, т.е. Златоуст – Творец судьбы [Бадмаев 1968, 8].

[Дариймаа 1986] насчитывается свыше 30 двучленных имен, в которых слово *заяа* 'судьба' характеризуется каким-либо определенным положительным признаком. Ср.:

Сайханзаяа 'красивая, прекрасная судьба',
Баатарзаяа 'героическая, мужественная судьба',
Мөнхзаяа 'вечная судьба',
Элбэг/Арвин заяа 'богатая, обильная судьба',
Заяа амар 'судьба спокойная',
Заяа амгалан 'судьба безмятежная, благополучная',
Заяа төөс 'судьба полная, совершенная'.

В позиции атрибутивного и предикативного компонента очень активны глаголы в форме причастия будущего времени. Ср.:

Олох заяа 'судьба, которую предстоит найти',
Ирэх заяа 'судьба, которая придет',
Бүтэх заяа 'судьба, которая свершится',
Заяа бадрах 'судьба будет процветать',
Заяа тогтох 'судьба утвердится, установится'.

В монгольской антропонимии также довольно продуктивны парные по структуре сложные имена-пожелания со словом *заяа*, например:

Аз заяа 'счастье, удача + судьба',
Зол заяа 'счастье, удача + судьба',
Өлзий заяа 'счастье, благоденствие + судьба',
Заяа жаргал 'судьба + счастье, блаженство'.

Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что понятие судьбы «как ядро национального и индивидуального сознания, относящееся к активно действующему началу жизни, таинственному и неизбежному» [Арутюнова 1994, 3], занимает важное место в традиционной культуре монгольских народов, присутствуя в их мифологии, религии, фольклоре и философско-этической системе. Образуя на языковом уровне (лексика и фразеология) богатое семантическое поле, концепт судьбы в языках и культуре монгольских народов характеризуется чертами структурной и типологической общности, имеющей динамику развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Истина и судьба/Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Бадмаев А.В. Зая-Пандита (Списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»). Элиста, 1968.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1976.
- Дариймаа А. Монгол хүний нэрийн товч толь. Улаанбаатар, 1986.
- Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1998.

- Жуковская Н.Л.* Ламанизм//Буддизм. Словарь. М., 1992.
- Ковшова М.Л.* Концепт судьбы. Фольклор и фразеология //Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Кугультинов Давид.* Трудное поле жизни. Стихи и поэмы. Перевод с калмыцкого. М., 1983.
- Манжигеев И.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978.
- Монгол ес заншилун дунд тайлбар толь. Улаанбаатар, 1991.
- Никитина С.Е.* Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устно-поэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Ожегов С И* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Оссендовский Фердинанд.* И звери, и люди, и боги. Перевод с английского Валерии Бернацкой. М., 1994.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Сэржээ Ж.* Монгол хуний нэрийн лавлах толь. Улаанбаатар, 1991.
- Сэржээ Ж.* Монгол хуний нэр. Улаанбаатар, 1992.
- Топоров В.Н.* Судьба и случай //Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Топорова Т.В.* Древнегерманские представления о судьбе //Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Ю А РУБИНЧИК

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Взаимовлияние языков может осуществляться на разных уровнях, однако проявляется оно неодинаково.

Известно, что наиболее подвижным и проницаемым уровнем является лексика. Изменения, происходящие на других языковых уровнях, как правило, возникают под воздействием лексических заимствований. Иноязычные фонетические и грамматические явления, словообразовательные элементы проникают в язык-реципиент только вместе с лексикой и через лексику. Кроме того, «язык может усвоить столь большое количество иностранных слов, принадлежащих к определенным структурным типам, что и сами эти структурные типы окажутся вошедшими в заимствующий язык» [Хауген, 1972, с. 376]. Ярким подтверждением этих общих положений служит большинство языков иранской группы.

Персидский язык – один из первых иранских языков, подвергшихся сильному воздействию арабского. В настоящее время арабизмы составляют свыше 50% лексического состава этого языка, а в отдельных текстах встречается до 80% слов арабского происхождения. Были заимствованы знаменательные и служебные слова, отдельные словосочетания и предложения. Под влиянием огромного количества заимствований произошли изменения в лексической системе персидского языка: вошли новые номинативные единицы, произошло обогащение и развитие синонимических рядов, что нашло отражение в семантической дифференциации исконных и заимствованных слов, в более глубоком стилистическом расслоении лексики.

Персидский язык заимствовал арабскую графическую систему, добавив к ней четыре буквы для выражения звуков, отсутствующих в арабском языке. При этом процесс освоения арабской письменности персидским языком проходил не совсем гладко. Как показали наблюдения М.Н. Боголюбова, в ранних текстах персидско-таджикской литературы существовали две тенденции написания слов арабского происхождения: согласно первой – слова писались приближенно к местному произношению, согласно второй – слова воспроизводились в соответствии с нормами арабской письменности. В конечном итоге «...возобладала вторая тенденция, исключавшая произвольное обращение с арабской лексикой» [Боголюбов 1983, 65]. Она стала орфографической нормой в письменности персидско-таджикской классической литературы. Поэтому не случайно арабские слова меньше всего подверглись графическим изменениям. Арабская графика способствовала массовому проникновению в персидский язык арабских слов, причем морфологическая структура лексических заимствований в большинстве случаев сохранялась неизменной.

Арабские слова хорошо адаптировались в персидском языке – подверглись фонетическим, семантическим изменениям и при функционировании в языке полностью подчиняются правилам персидской грамматики.

Вновь созданная Академия персидского языка и литературы (1990) одобрительно относится к использованию арабизмов вместо их западноевропейских эквивалентов [Рубинчик 1996].

Влияние арабского языка, охватившее первоначально только лексическую систему персидского языка, послужило импульсом для разного рода изменений на других языковых уровнях. При дальнейшем контактировании языков арабский оказал влияние на фонологическую и грамматическую системы персидского языка, на его словообразование. В языке появились отдельные фонемы, отсутствовавшие в среднеперсидском языке, были заимствованы формы арабского ломаного множественного числа (ФЛМЧ), некоторые суффиксы правильного множественного числа, префиксальные и суффиксальные словообразовательные морфемы. Слова арабского происхождения в качестве лексических морфем активно участвуют в словообразовательных процессах – в словосложении, аффиксации и других видах словообразо-

вания. В персидский язык проникли некоторые словообразовательные и словоизменительные модели, однако моделирование по арабским формулам занимает небольшое место.

С точки зрения степени вхождения в словарный состав персидского языка и широты употребительности в нем арабизмы можно разделить на три основные группы: а) слова, которые полностью вытеснили из языка персидские эквиваленты и стали единственными выразителями соответствующих понятий; б) слова, которые сосуществуют с персидскими эквивалентами, будучи более употребительными или менее употребительными, чем соответствующие персидские слова; в) слова архаичные и полностью вышедшие из употребления [Рубинчик 1985, 805]. Арабизмы, относящиеся к последней группе, благодаря изменившейся языковой ситуации в Иране после революции 1979 г. и возросшей роли арабского языка в стране стали возрождаться. Они снова получают распространение в современном языке, нередко приобретая новые значения. Таким образом, в послереволюционный период количество арабизмов в словарном составе значительно возросло. Особенно много появилось заимствований из Корана¹.

Наличие огромного количества слов арабского происхождения в персидском языке делает не только возможным, но и необходимым провести их структурно-морфологический анализ с учетом типологических различий, которые существуют между двумя языками.

В работах по лексике персидского языка характеристика заимствований из арабского языка в основном ограничивается описанием моделей, по которым построены эти слова. Задача данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть основные структурные типы арабских заимствований и одновременно попытаться определить их место в морфологической классификации лексических единиц персидского языка. Знание основных структурно-морфологических типов арабизмов окажет помощь в отграничении исконно персидских слов от арабских.

Наибольшее количество лексических заимствований составляют арабские имена, построенные по определенным словообразовательным и словоизменительным моделям.

В основе образования арабских имен лежит трехгласный (иногда четырехгласный) корень, составляющий как бы скелет арабского слова. От одного и того же корня путем внутренней флексии², а также с помощью префиксов и суффиксов может быть образовано сразу несколько лексических единиц.

Среди заимствованных имен выделяются своим количественным составом отглагольные образования – масдары (*элм* ‘наука’ – масдар I породы, *э’лам* ‘объявление’ – масдар IV породы, *тэйлмол* ‘отговорка’, ‘увеливание’ – масдар V породы и т.д.) и причастия: действительного залога (*ваэ* ‘расположенный’ – причастие I породы, *мотайшаккер* ‘благодарный’ – причастие V

породы и т.д.), страдательного залога (*машгул* 'занятый' – причастие I породы, *мостамал* 'употребительный' – причастие X породы и т.д.)³. В персидский язык также заимствованы имена прилагательные (*азим* 'великий', *дэлиш* 'малый', 'незначительный' и т.д.); существительные (*арз* 'земля', *оммат* 'народ', 'нация' и т.д.), имена места (*мактаб* 'школа', *маһкамэ* 'суд' и т.д.), профессии (*баггал* 'бакалейщик', *хаммал* 'носильщик' и т.д.), орудия (*мэграз* 'ножницы', *мэсвак* 'зубная щетка' и т.д.).

Все перечисленные выше виды имен построены по моделям, получившим широкое распространение в персидском языке. Свидетельством распространенности этих моделей является тот факт, что в языке можно встретить слова, отсутствующие в литературном арабском языке, и вполне возможно, что некоторые из них могли быть образованы на чисто персидской почве⁴. В персидских грамматиках их обычно называют искусственными, ложными арабскими словами (*калемат-э мадж'ул*). Они создаются как на базе арабских корней, так и на базе согласных звуков неарабских слов и только внешне по своим лексико-грамматическим моделям совпадают с арабскими масдарами и причастиями, именами профессии, места, прилагательными: *фалакат* 'бедствие', 'несчастье', 'катастрофа', *шеракат* 'участие', 'компания', 'общество', *азават* 'суждение', 'мнение', *хэджалат* 'стыд', 'смущение', *һарраф* 'речистый', 'говорливый', 'болтливый', *шарур* 'злбный', 'упрямый', *маджур* 'захороненный', 'похороненный' и т.д. Подобного рода слова образованы от трехсогласных арабских корней по живым моделям. Они имеют значения, вытекающие из значений этих корней, и поэтому могут быть понятны носителям арабского языка, хотя в самом арабском языке они не употребляются.

К этой же группе лексических единиц следует отнести слова, которые образованы по арабским моделям на базе согласных, взятых из основ неарабского происхождения (чаще всего из персидских основ): *мозаллаф* 'кудрявый', 'курчавый' (из *золф* 'локоны', 'кудри'), *мокаллаһ*⁵ 'носящий шляпу', 'в шляпе' (из *колаһ* 'шляпа') – по формуле причастия страдательного залога II породы, *манһур* 'опечатанный', 'имеющий печать' (из *моһр* 'печать') – по формуле причастия страдательного залога I породы, *мостафранг* 'поклоняющийся всему европейскому', 'европофил' (из *Фаранг* – Европа, Франция) – по формуле причастия страдательного залога X породы, *каффаши* 'сапожник' (из *кафши* 'обувь', 'ботинки', 'туфли'). Подобных примеров не так много, и они не могут служить доказательством того, что создание слов по арабским моделям превратилось в самостоятельный способ словообразования персидского языка.

В персидском языке арабские масдары выступают только как отглагольные существительные, а причастия действительного и страдательного залога используются главным образом как существительные и прилагательные. Глагольные свойства арабских причастий значительно ослаблены: почти

полностью отсутствуют залоговые противопоставления, весьма редко проявляется способность к управлению другими словами. Можно отметить лишь отдельные причастия, которые сохраняют способность к управлению последующими словами с помощью предлогов и изафета, например: *шāhr-э кучек-е ваэ* 'дār кенар-э дārйа' 'небольшой город, расположенный на берегу моря', *сохāнрани-йе нави-йе хāййег-э джалеб* 'доклад, содержащий интересные факты'.

Вместе с арабскими лексическими заимствованиями в персидский язык вошли многие формы арабского ломаного множественного числа, образующиеся путем внутренней флексии. По существу они представляют собой самостоятельный способ образования множественного числа, появившийся в персидском языке под влиянием арабского. ФЛМЧ сохраняют грамматическую и семантическую связь со словами в единственном числе: *шāхс* 'человек', 'лицо' – *āшхас* 'люди', 'лица', *мāрһале* 'этап' – *мāраһэл* 'этапы'.

Имеются основания рассматривать ФЛМЧ не только как грамматические формы соответствующих слов в единственном числе, но и как самостоятельные лексические единицы. В пользу такого подхода свидетельствуют следующие факты:

(1) ФЛМЧ могут получать дополнительные значения, не свойственные словам в единственном числе. Например, *дāгайег* (мн. от *дāгигэ* 'минута') получает дополнительное значение 'детали', 'подробности', *оўаит* (мн. от *вагт* 'время') – дополнительные значения 'обстоятельства', 'обстановка', 'настроение'.

(2) Иногда ФЛМЧ сохраняют и значение единственного числа. Например, *оўлад* (мн. от *валād* 'дитя', 'ребенок') имеет одновременно значение и множественного, и единственного числа – 'дети', 'ребенок'.

(3) ФЛМЧ могут служить производящей основой при образовании относительных прилагательных, например: *āшайери* 'племенной' (от ФЛМЧ *āшайер* 'племена').

(4) ФЛМЧ участвуют в словообразовательных процессах персидского языка в качестве лексических основ, например: *һōгһбан* 'правовед', 'юрист' (*һогуг* 'права' + *дан* < ОНВ гл. *данэстāн* 'знать'), *вāгайег нэгар* 'летописец', 'историограф' (*вāгайег* 'события' + *нэгар* < ОНВ гл. *нэгаштāн* 'писать').

Как простые непрямые слова воспринимаются заимствованные в персидский язык арабские числительные (*āввāl* 'первый', *сани* 'второй', *салес* 'третий' и т.д.), союзы (*лакен*, *āмма* 'но', 'однако'), предлоги (*тāһт* 'под', *бэйн* 'между'), частицы (*фāгāт* 'только', 'лишь', *һātта* 'даже').

Вместе тем ряд заимствований из арабского языка следует рассматривать как слова производные и сложные, поскольку образующие их морфемы (знаменательные и служебные) могут быть выделены как значимые элементы слова.

К числу производных слов относятся арабизмы, образованные с помощью суффиксов *-ān* (окончание винительного падежа в арабском языке), *-иййāt*, *-иййе* (суффиксы арабских отвлеченных существительных), частиц отрицания *ла-*, *бэла-* (сочетание арабского предлога *би-* с частицей отрицания *ла-*). Количество морфем арабского происхождения невелико. Они вошли в язык в период наибольшего проникновения арабизмов, и их состав в современном персидском языке остается неизменным.

Для установления возможности морфологической членности иноязычного слова в языке-реципиенте должны существовать объективные условия. Словообразовательную морфему из другого языка можно считать ассимилированной при следующих условиях: а) наличие большого числа однотипных заимствованных лексем, в которых бы систематически повторялись одни и те же словообразовательные элементы – в этом случае носители языка начинают воспринимать их как составные элементы слов; б) приобретение заимствованными морфемами самостоятельного словообразовательного значения, выражающегося в способности изменять значения слов и образовывать слова определенного лексико-грамматического класса; в) использование заимствованных морфем для образования новых слов, т.е. присоединение их как к собственным, так и к заимствованным лексическим основам. Все эти условия, хотя и имеются в персидском языке, но проявляются не в одинаковой степени четко и последовательно.

Собранный нами материал по использованию морфем арабского происхождения в процессах словообразования персидского языка свидетельствует о том, что наиболее продуктивными из них являются суффиксы *-ān* и *-иййāt*.

В арабском языке суффикс *-ān*, будучи окончанием винительного падежа, приобрел также значение показателя наречий [Рауфова, 1969, 6-7]. В персидском языке эта морфема выступает только как суффикс, используемый для образования наречий от арабских прилагательных, причастий, существительных: *васи'ān* 'широко' (*вāси'* 'широкий'), *монāззāман* 'регулярно', 'организованно' (*монāззāм* 'регулярный', 'организованный'), *рāсмāн* 'официально' (*рāсм* 'обычай', 'правило'), *энтэрамāн* 'с уважением' (*энтэрам* 'уважение') и т.д. Возможно также образование наречий от арабских прилагательных в форме превосходной степени: *ā gāllān* 'по меньшей мере', 'минимально', *āksarān* 'большей частью', 'преимущественно'. В арабском языке подобные формы невозможны. Образование наречий с помощью суффикса *-ān* нередко сопровождается изменением значения слова.

Свидетельством большой ассимилированности суффикса *-ān* персидским языком является использование его для образования наречий от основ иранского и европейского происхождения: *зāбанāн* 'устно', 'словесно', 'с помощью языка' (*зāбан* 'язык', 'речь'), *нэжадāн* 'по происхождению' (*нэжад* 'раса', 'род', 'происхождение'), *тэлефонāн* 'по телефону', *тэлгерафāн* 'телеграфом', *постāн* 'по почте' и т.д.

Вместе с арабскими заимствованиями в персидский язык вошел и ряд других словообразовательных аффиксов, которые стали активными элементами персидского словообразования. К их числу относятся суффиксы отвлеченных существительных *-иййāt* (*ʔ абэлиййāt* 'способность', *сāлаһиййāt* 'компетентность', 'компетенция'), *-иййе* (*ʔзһариййе* 'заявление', *нāдāриййе* 'теория', 'взгляд', 'мнение'), словообразовательные префиксы отрицания *ла-* (*ламāзһāб* 'безбожник', 'безбожный', *лаварэс* 'не имеющий наследников'), *бэла-* (*бэласаһэб* 'не имеющий владельца, хозяина', *бэламанэ* 'беспрепятственный', 'беспрепятственно'). Такого рода слова не обязательно являются прямыми заимствованиями из арабского языка – они могли быть образованы в персидском языке. Кроме того, возможно сочетание аффиксов арабского происхождения с чисто персидскими основами.

Особое место среди арабских заимствований занимают сочетания собственно предлогов с именами. Большинство из них имеет перед именем артикль *-āl* и выступает в качестве наречий: *āндāриб* 'вскоре', 'в скором времени', *бэлэттэфағ* 'сообща', 'совместно', 'единодушно', *бэлэдҗбар* 'вынужденно', 'поневоле', *āлāлхосус* 'особенно', *эндāлэмкан* 'по возможности', *фэлфойр* 'срочно', *мā'ātтāйссоф* 'к сожалению', 'с прискорбием' и т.д. По характеру своего употребления они, как правило, относятся к книжному стилю, а с точки зрения своей морфологической структуры должны рассматриваться как производные слова, ибо входящие в их состав первые компоненты не могут быть выделены как самостоятельные морфемы. В этой группе заимствований нет образований, которые были бы созданы в персидском языке.

От рассмотренных выше заимствований следует отличать сочетания, образовавшиеся путем соединения несобственно предлогов с именами. В составе таких сочетаний перед именем употребляется артикль *-āl*: *бэйнолмāдҗсалес* 'межпарламентский', *фойғоззэкр* 'вышеупомянутый', *фойғолādэ* 'чрезвычайный', 'чрезвычайно', *мāһтоссэлаһ* 'состоящий на действительной службе', *мāһтолһэмайе* 'находящийся под протекторатом' и т.д. В целом же такие сочетания в персидском языке следует относить к производным словам, состоящим из трех составных элементов: префиксальная морфема + интерфикс + лексическая морфема. Первый и третий элементы коррелируют с самостоятельными словами – с изафетными предлогами и именами существительными, арабский определенный артикль выступает как интерфикс с изменяющимся согласным⁶ – он выполняет исключительно вспомогательную функцию: служит для связи значимых элементов слова друг с другом.

Близко к упомянутым арабским словосочетаниям – производным словам в персидском языке стоят идафные словосочетания с определенным артиклем перед вторым компонентом: *даролфонун* 'университет', *һāғголэдҗарэ* 'арендная плата', *һāғтоддрис* 'почасовая плата' (преподавателю), *рā'салмал* 'себестоимость', *сāри'оссэйр* 'быстрый', 'быстроходный', *зāифолэрадэ*

‘слабовольный’, *касирумэлле* ‘многонациональный’ и т.д. Количество таких лексических единиц в современном персидском языке очень велико, и оно имеет тенденцию к росту. В связи с тем, что каждое существительное или прилагательное, входящее в состав такого рода образований, может употребляться самостоятельно, эти образования следует рассматривать как сложные слова. Составные компоненты этих сложных слов выступают как лексические основы, а определенный артикль – как интерфикс с изменяющимся согласным.

Как показали наблюдения над современной иранской периодикой, рассмотренные выше модели словосочетаний с несобственно предлогами в роли первых компонентов и модель идафных словосочетаний настолько прочно вошли в язык, что образование на их основе выделенных нами производных и сложных слов возможно и на персидской почве. Видимо, следует рассматривать как созданные в самом персидском языке слова типа *дждадидолворуд* ‘недавно появившийся’, *халиоззэhn* ‘глупый’, ‘неразумный’, *ваджеболтаалим* ‘нуждающийся в обучении’, ‘подлежащий обучению’, *бэйнолиаһри* ‘междугородний’ и др.

Особую группу заимствований составляют лексические единицы – имена существительные, прилагательные и другие части речи, представляющие собой застывшие арабские предложения (преимущественно глагольные) и предикативные словосочетания. Они морфологически неразложимы и носителями языка воспринимаются как целостные единицы: *моджара* ‘случай’, ‘авантюра’ (букв. ‘то, что произошло’), *мабэһэлэшитрак* ‘общее имущество’, ‘общий’, ‘совместный’ (букв. ‘то, что является общим, совместным’), *маба’д* ‘продолжение’, ‘следующий’, ‘последующий’ (букв. ‘то, что будет потом’), *лай’лам* ‘глупый’, ‘невежественный’ (букв. ‘не знает’), *лай’зал* ‘вечный’, ‘вечно’ (букв. ‘не прекращается’), *кайнлямайкон* ‘как бы не существующий’ (букв. ‘и было и не было’) и т.д. Все эти словесные комплексы едины в своей просодической структуре – произносятся без внутренних пауз с ударением на последнем слоге.

Наконец, в персидском языке нередко употребляются арабские предложения (после революции 1979 г. число их заметно увеличилось), которые представляют собой типичные иноязычные вкрапления, – это в основном цитаты из Корана. Если не считать некоторых фонетических изменений, они почти не подвергались адаптации и сохраняют грамматические формы и значения, свойственные им в арабском языке: *бэ-смэ-ллаһэ-рраһманэ-рраһим* ‘именем Аллаха милостивого, милосердного’, *ла-элаһ(а)-элла-ллаһ* ‘нет бога кроме Аллаха’ (слова, произносимые в время призыва к молитве), *салла-ллаһо-әләй-һ(э)* ‘да благословит его Аллах’ (после упоминания имени пророка) и т.д.⁷ Для большинства носителей языка грамматическое строение этих предложений, так же как и значение их составных частей, остается непонятным.

Таковы главные структурные типы арабских заимствований, знание которых важно не только для установления границ и определения структуры персидского слова, но и для правильного и единообразного отражения их в толковых и переводных словарях персидского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общая характеристика положения арабизмов в лексическом составе персидского языка дается в кандидатской диссертации А.С. Жесткова [Жестков, 1988].

² В грамматиках арабского языка внутренняя флексия определяется как такой способ изменения фонетико-графической структуры слова, при котором происходит чередование гласных и согласных, добавление или уменьшение гласных звуков, изменение их качества, удвоение второй или третьей корневых согласных.

³ Следует отметить, что арабским отглагольным образованиям, как и глаголам, свойственны породы – особые лексико-грамматические формы. В арабском языке имеется пятнадцать пород, из которых наиболее употребительны первые десять, кроме девятой. В персидском языке получили распространение слова, образованные также по первым десяти породам, кроме девятой. Каждая порода имеет определенные модели и характеризуется одним или несколькими общими значениями (например, усилительно-побудительным, направительным). В арабском языкознании образующиеся таким путем формы чаще всего квалифицируются как грамматические разновидности одного и того же слова. Вместе с тем нельзя не учитывать, что «...некоторые его формы, образуемые перестройкой его структуры, могут выражать как грамматические, так и словообразовательные категории, границы между которыми намечаются противоречиво» [Белкин 1980, 1]. В персидском языке грамматическая значимость арабских пород и соответствующих им моделей отглагольных образований утрачивается.

⁴ Вполне допустимо, что отдельные слова могут относиться к архаичной арабской лексике, заимствованной в персидский язык из классического арабского языка. Не исключена также возможность заимствования такого рода слов из местных арабских языков и диалектов.

⁵ В персидском обиходно-разговорном языке употребительна форма *мокалла*, восходящая к указанному слову. Последняя же специально образована по формуле слова *моамма* ‘носящий чалму, тюрбан’, чтобы сильнее и ярче противопоставить значения этих слов [Джамалзадэ 1341, 404].

⁶ Гласный *á* определенного артикля в составе сочетаний несобственно предлогов *байна*, *маһта*, *фаъда* с именами в персидском языке по аналогии с произношением его в идафных словосочетаниях обычно произносится как *о* [Рубинчик 1965, 591-592]. Кроме того, необходимо учитывать, что в арабском языке наблюдается явление уподобления звука и определенного артикля первому согласному имени (если это имя начинается с одной из «солнечных» согласных). В результате этого согласный *л* ар-

тиклия выпадает, а первый согласный звук слова удваивается [Юшманов 1985, 34], например: *tāht + āl + šoa' = tāhtošoa'* 'освещенный лучами'.

⁷ Возможно, что отдельные несущественные изменения имеют место не только в области произношения. Но, чтобы сделать окончательные выводы об этом, необходимо провести специальные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Белкин В.М. Формирование словарного состава современного арабского литературного языка. Автореф. докт. дис. М., 1980.
- Боголюбов М.Н. Строфа из таджикской песни VII в. // Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. Душанбе, 1983, № 4.
- Жестков А.С. Арабские заимствования в лексическом составе современного персидского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1988.
- Рауфова А. Г. Категория наречий в современном арабском языке. Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Рубинчик Ю.А. О характере фонетических изменений арабских заимствований в персидском языке // Семитские языки. Вып.2 (ч.2). М., 1965.
- Рубинчик Ю.А. Языковая политика в Иране в области совершенствования словарного состава персидского языка // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1966.
- Рубинчик Ю.А. Грамматический очерк персидского языка // Персидско-русский словарь. В двух томах. Под ред. Ю.А. Рубинчика. Т.2. 2-е изд. М., 1985.
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
- Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М., 1985.
- Джамалзадэ Моһаммад Али. Фәрһанг-е лоғат-э амийанэ. Тэһраң, 1341 х.

А. Л. СЕМЕНАС

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

После 1978 г. в результате осуществления политики открытости и реформ в Китае появляется множество новых реалий, новых понятий. Они требуют своего наименования. Происходят большие изменения в языке, которые вызывают интерес и внимание ученых. Язык – явление социальное по своей природе, существует во времени, функционирует в территориальном и социальном пространстве. Внутривидовые изменения вызываются как внутренними причинами, так и внешними. Китайская лексическая система имеет свои особенности и свои способы выражения новых значений, наряду с уже

имеющимися в языке появляются новые строительные элементы словообразования. Именно они представляют для нас наибольший интерес.

При рассмотрении массива новой лексики, появившейся в отмеченный период, особое внимание обращалось на зависимость между возникновением неологизмов и внутренними факторами языкового развития. Способы обновления лексики и способы выражения новых значений происходят с использованием определенных словообразовательных моделей, активизацией отдельных словообразовательных элементов. В последние два десятилетия в китайском языке отмечается «неологический бум». Конечно, не все новые слова и новые выражения укоренятся в языке. Некоторые неологизмы имеют короткую жизнь – не успели появиться, как уже выходят из употребления и заменяются новыми. В словники китайских словарей новых слов и выражений включается лексика (в большом или меньшем количестве) на грани нормированного употребления. Отражая свое время, словари неологизмов являются его языковыми памятниками, каждая новая лексическая единица рассматривается здесь как драгоценный языковой факт, заслуживающий серьезного внимания. (См., например, «Цзинсюань ханьюй синьцзыюй цыдянь». Чэнду, 1997.)

Большие изменения отмечаются в области словообразовательной системы китайского языка новейшего времени. Китайская лексическая система отличается почти неограниченной продуктивностью моделей словообразования, способов сложения значимых лексических единиц – первичных лексем. Неологизм чаще выступает как легко членимая конструкция, чем как немотивированная целостная единица. Поэтому новообразования в китайской лексике в основном обладают структурной прозрачностью. Это свойство новых лексических единиц сближает их с единицами других уровней, в частности, словосочетаниями. Основная масса неологизмов как производных слов стоит ближе к словосочетанию по признаку расчлененной номинации.

Новая китайская лексика демонстрирует почти неограниченные возможности соединения первичных лексем для выражения новых значений¹.

Для современного состояния китайского языка наряду с использованием моделей сложения характерно бурное развитие аффиксации. Отмечается активность старых словообразовательных элементов и появление новых. В суффиксальном производстве существительных отмечаются те новые слова, которые служат для наименования новых предметов и явлений. В различных

¹ Это явление отмечает В.М. Алпатов в японском языке, где морфемы китайского происхождения «имеют почти неограниченные возможности для их комбинирования и созданий новых лексических единиц. Способствует этому и краткость китайских морфем по сравнению с исконными. Это во многом явилось причиной того, что исконных лексических единиц очень мало среди научной, технической, политической, военной и пр. терминологии. До середины XX в. в этих областях безраздельно господствовали китаизмы, которые в последнее время заметно вытесняются европейскими заимствованиями» [Алпатов 1976, 92].

стилях и от разных основ речи образуются существительные по модели «N (+N) + син»:

- цзэдуаньсин* 'этап, стадия' + син → 'этапность';
- шэсин* 'один' + 'раз' + син → 'одноразовость';
- юйчжоусин* 'вселенная' + син → 'космичность';
- доянсин* 'много' + 'образец' + син → 'многообразие';
- цюйэйсин* 'интерес' + син → 'занимательность';
- цюйясин* 'направление' + син → 'направленность';
- чжэньтаньсин* 'расследование' + син → 'детективность'.

Первый компонент может быть глагольным, в этом случае результирующее целое также будет относиться к разряду существительных:

- динвэйсин* 'определять' + 'место, направление' + син → 'фиксируемость';
- пайсин* 'посылать' + син → 'фракционность'.

Обращает на себя внимание то, что в разговорной речи китайского языка могут создаваться с помощью син от глаголов и существительных с достаточной степенью свободы новые существительные, в том числе терминологические наименования.

Элемент син выступает как суффикс отвлеченных существительных (соответствующих русскому *-ость*). Так же, как и в русском, в китайском обнаруживается тенденция к росту возможностей суффикса в образовании потенциальных и окказиональных слов [Земская 1992, 62-63]. Объединение лексических единиц в группы по общности их словообразовательного форманта син происходит независимо от категориальной отнесенности производящего слова.

Помимо суффиксов для образования новых слов активно используются префиксы. Особенно продуктивны в последние годы такие односложные и двусложные форманты, как *сверх-*, *супер-*, *ультра-*. Они передают значение «в очень высокой степени», «превосходящий себе подобные»; «высшего качества, свойства или повышенного усиленного действия», а также «главный». Например, в современной китайской лексике префикс *цзуй* 'самый, наиболее, наи-' оказывается вытесненным во многих случаях префиксоидом *чао*: *цзуй сяньдайхуа ды* часто заменяется *чао сяньдайхуа ды* 'суперсовременный'.

Приведем новейшие образования по этой модели:

- чаожэнь* 'супермен' или *чаоцзижэнь* (как вариантное слово);
- чаоцзи ньюжэнь* 'супервумен' (вариант *чаоньюжэнь*);
- чаоцзи эртун* 'супердети';
- чаоцзи мотэр* 'супермодель';
- чаоцзи минсин* 'суперзвезда';
- чаоцзи тэу (цзяньде)* 'супершпион', 'суперагент';
- чаоцзи шичан* 'супермаркет', имеет также краткую двусложную форму *чаоши*;
- чаоцзи даго* 'сверхдержава';

чаоцзи цзюньши цзиди 'супербаза';
чаоцзи хунчжацзи 'супербомбардировщик';
чаоцзи шуйни 'суперцемент';
чаобао, чаоси ды 'ультратонкий'.

Появление в китайской лексике новых лексических единиц, построенных по модели *чао* (*цзи*) + X свидетельствует о проявляющейся в языке потребности в новых, эмоционально и стилистически окрашенных обозначениях реалий современности. В области новейшей аффиксации все большую активность проявляет элемент *чаоцзи*. К новым явлениям в китайской лексике относится участие заимствованных элементов в словообразовании, а также превращение в аффиксоиды элементов заимствованных слов. При этом возникают такие проблемы, как соотношение исконных элементов и синонимичных им заимствованных, и в частности, превращение в аффиксы сегментов заимствованных слов, что для китайского языка ранее было не характерно. Наиболее интенсивному влиянию китайский язык подвергается со стороны английского (в его американском варианте). Возьмем, к примеру, префиксоид *мини* для обозначения малой величины (от англ. *mini*). Хотя в китайском языке имеются префиксы с этим значением, такие как *сяосин*, *вэйсин*, *сяо*, однако последние пятнадцать лет в китайском языке отмечается возникновение и распространение, а также увлечение новым префиксом *мини*, обычно используемым в составе наименования новых понятий.

Значение *мини* 'наименьшая величина в ряду данных' ни в какой степени не вытекает из значения двух иероглифов: *ми* и *ни*. Однако большинство тех, кто не знает английского языка, приписывают этому слову (префиксоиду) определенное значение, семантизируют его, исходя из прямых значений компонентов. Ему придается эмоционально-стилистическая окраска – 'приятный, вызывающий удовольствие, нравящийся людям'. В длинном ряду слов с элементом *мини*- родоначальником было слово *миницзюнь*, которое вытеснило уже имеющееся слово с тем же значением *чаодуань цзюнь* 'юбка малой длины' (сверхкороткая).

Затем в лексической системе китайского языка начался бум «мини». Элемент *мини* стал вытеснять все другие префиксы с этим же значением, что вызвало появление синонимов и конкурентную борьбу между ними. Таким образом, исконные единицы и заимствованные единицы, служащие для обозначения одного и того же понятия, не могут сосуществовать длительное время, язык достаточно экономная система, и один из вариантов сходит со сцены или происходит их размежевание в стилистическом плане. Что касается научной и технической терминологии, то здесь особенно важна точность и однозначность. Появление нескольких наименований для обозначения малой величины в китайском языке заставило обратить внимание лингвистов на вопросы стандартизации лексики. Что касается судьбы *мини*, то его развитие как продуктивного элемента словообразования не может внезапно остано-

виться, *мини* бесследно не может исчезнуть из новейшей китайской лексики, хотя в ней для выражения категорий малой величины имеются богатые возможности.

Приведем сравнения *вэйсин цичэ* и *мини цичэ* 'микроавтомобиль'; *вэйсин сяошо* или *и фэнь чэжун сяошо*, *минисяошо* 'минироман'.

В наименованиях новых товаров элемент *мини* встречается особенно часто: *мини цзисуаньцзи* 'микрокалькулятор', *минидяньнао* 'мини-компьютер', *минидянь* 'мини-лавка, микромагазин', *минибаши* 'микроавтобус', *мини дяньчи* 'микробатарейки', *мини цысинчэ* 'мини-велосипед', *мини шоубяо* 'мини-часы', *миницзи* 'мини-курица'.

Чем же все-таки является *мини* в китайском языке: чисто фонетическим заимствованием или семантико-фонетическим заимствованием, как это часто здесь бывает, например, *цзякэшань* 'жакет', *пицзю* 'пиво' (где *цзякэ* и *пи* – фонетическая часть, а *шань* и *цзю* – семантическая).

По мнению профессора Ван Сице, *мини* – это только фонетическое заимствование, освоенное китайским языком, поскольку оно приобрело тоновую характеристику.

Одним из способов обновления лексики является новое употребление уже имеющихся в языке элементов. Для примера, в китайском языке в настоящее время активизируется элемент *жэ*, основное исходное значение которого – 'горячий'. В современном китайском языке *жэ* может употребляться в изолированном виде и в составе сложных слов, например: *тяньци жэ ма?* *жэ* 'Погода жаркая? – Жаркая'; *ба нюнай жэ* и *ся* 'подогреть молоко'; *жэай* 'горячо любить'; *хожэ* 'горячий как огонь'.

В последние годы отмечается новое употребление *жэ* в значении 'бум, увлечение'. В качестве постпозиционного словообразовательного элемента он сочетается с глагольными и именными основами: *цзяньмэйжэ* 'здоровый' + 'красивый' + *жэ* → 'бум здоровья и красоты'; *цзяньшэньжэ* 'здоровый' + 'тело' + *жэ* → 'бум оздоровления'; *цзяньфанжэ* 'строить' + 'дом' + *жэ* → 'бум строительства домов'; в последнее время появился *цзянь сы фан жэ* 'бум строительства частных домов'; *сифужэ* 'бум западной одежды'; *цигунжэ* 'бум китайской дыхательной гимнастики'; *чжэньчжужэ* 'жемчуг' + *жэ* → 'жемчужный бум' (что означает прием внутрь жемчужного порошка, а также употребление в косметических целях различных кремов с добавлением жемчужного порошка для омоложения кожи). Словообразовательный элемент *жэ* может оформлять не только отдельные слова, но целые словосочетания из нескольких слов, как например: *пиньцин цятин цзяоши жэ* 'бум домашнего репетиторства', *цаоци сюэцян цзяоюй жэ* 'бум раннего дошкольного образования'.

В рамках данной модели свободно, без ограничений образуются слова, обозначающие любое чрезмерное оживление вокруг какого-либо мероприятия, события, деятеля и т.п. На это обращают внимание китайские лингвисты,

в частности, Ван Цимин в своей статье «Новейшие употребления элемента жэ». «По-моему “бум поиска истины”, “бум поиска современности” должен скоро пройти» [Ван Цимин 1984, 19-20].

В китайском, русском и других языках существует потребность в новых эмоционально-оценочных экспрессивных выражениях. Разобранный выше пример нового употребления лексической единицы жэ в значении ‘интенсивное развитие чего-либо, увлечение чем-либо, шумиха, сенсация’ с конца 70-х годов возникло на основе биржевого термина «биржевой бум» – повышение курса акций, ценных бумаг. Отсюда развилось вторичное значение – ‘оживление вокруг какого-либо мероприятия, события, деятеля и т. п., шумиха, сенсация’. [Совр. словарь ин-х слов, 1992, 111].

Возвращаясь к новому китайскому словообразовательному элементу жэ, следует сказать, что, несмотря на широкую, казалось бы неограниченную сочетаемость, элемент жэ в значении ‘бум’ имеет структурно-количественные ограничения на сочетаемость, обычно он не сочетается с однослогами: так, в сочетании *сюэжэ* ‘учиться’ + ‘бум’, поскольку его значение неясно вследствие развитой в китайском языке омонимии однослогов, добавляется второй компонент к *сюэ* ‘учиться’, а именно *цзы* ‘сам’: *цзысюэжэ* легко воспринимается на слух как ‘бум самообразования’. Другой пример: *сюэси* ‘учиться + жэ → *сюэсижэ* ‘бум учебы’. Аналогичный случай с *шу* ‘книга’ + жэ. Из значения данного двусложного сочетания непонятно, что имеется в виду, поэтому к нему добавляется глагол, а *шу* выступает в роли конкретизатора действия: *май шу жэ* ‘бум покупки книг’, *ду шу жэ* ‘бум чтения книг’.

Что представляют собой образования разобранных выше типов сложных единиц – лексических комплексов? Исследователи китайских новых слов сталкиваются с определенными трудностями при их классификации как сложных слов и как словосочетаний. Для китайского языка этот вопрос является часто дискуссионным. В.М. Солнцев, исследуя эту проблему, объясняет и показывает механизм неразличения сложных слов и словосочетаний [Солнцев 1957].

Следующей проблемой, с которой сталкиваются составители китайских словарей новых слов, является отнесение новообразований к речевым словам или языковым единицам, т.е. считать их вошедшими в язык или нет. В китайском языке множество слов создается в речи, и вопрос об их включении в словарь часто является спорным. Модели сложных слов аналогичны моделям словосочетаний, с формальной стороны сложные слова и словосочетания не делимы. Подробно об этом см. работы В.М. Солнцева [Солнцев 1957; 1963].

В области новейшего словообразования в китайском языке отмечается появление ряда активных аффиксоидов. Особо следует отметить активность интернациональных (иноязычных) словообразовательных элементов: аф-

фиксондов *чао*, *чаоцзи*, передающих значение «супер-», а также аффиксондов, со значениями «мини-», «микро-», «мото-».

Словари новых слов и выражений, используя системный подход, собирают и анализируют новые явления в лексике. Критерии принятия новых слов и их включения в корпус национального языка зависят от их соответствия норме и тенденции языкового развития, регулярности употребления и других факторов. Изменение и эволюция языка имеют свои собственные законы, а сбор и изучение новообразований помогает более глубокому пониманию этих законов. Анализ новых слов и речений, представляющих идеальную сферу реализации словообразовательных потенций языка, помогает решить целый ряд социолингвистических проблем.

Как показывает количественный анализ слоговых структур новообразований, трех- и более сложные слова встречаются здесь чаще, чем в обычной лексике. Так, в новой лексике доля трех- и более сложных слов составляет около 30% всех образований. Это объясняется тем, что новые слова часто представляют собой уточняющие наименования, возникшие в процессе вторичной деривации. Наличие структуры также облегчает понимание и запоминание новообразований, которые создаются, как правило, по уже имеющимся в языке моделям. В процессе обновления лексики заменяются старые слова на более яркие, образные. Новообразования, как правило, обладают прозрачностью строения.

Новизна современного состояния китайского языка проявляются также в его сближении с разговорной речью, в насыщении сниженной лексикой разных текстов. Ощущается сильное влияние английского в его американском варианте, иностранные слова входят в моду, употреблять их считается престижным, причем они часто являются полными синонимами уже бытующих в языке исконных слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.М.* Исконные и заимствованные элементы в системе японского языка // Вопросы языкознания. 1976, № 6.
- Ван Цимин.* Юйсу же ды синьсин юнфа (Новые употребления языкового элемента же) // Чжунго юйвэнь тунсюнь. 1984, № 5.
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Солнцев В.М.* Очерки по современному китайскому языку. М., 1957.
- Солнцев В.М.* Слова и словосочетания в их отношении к единицам языка и единицам речи // Спорные вопросы грамматики китайского языка. М., 1963.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ СТИЛЕВЫХ УРОВНЕЙ ЛЕКСИКИ АРАБСКИХ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫХ ЯЗЫКОВ

В арабистике традиционно выделяются две формы арабского языка: арабский литературный язык (АЛЯ), единый для всех арабских стран, и региональные, различающиеся по странам арабские диалекты: сельские, бедуинские, городские. Однако во второй половине нашего столетия активизировались процессы формирования региональных обиходно-разговорных языков (койне) (ОРЯ). В каждой стране становление своего местного ОРЯ происходило на базе городских говоров и в первую очередь – столичного. На современном этапе в арабском мире в целом и в масштабе каждой страны сложилась кардинально новая ситуация. Ее характеризует, по нашему мнению, новая, трехкомпонентная функциональная парадигма: а) арабский литературный язык, б) региональные обиходно-разговорные языки и в) местные диалекты¹. Региональные ОРЯ и диалекты имеют общую черту – они лишены падежной системы, в них сформировался аналитический строй. По этому главному признаку они противопоставляются литературному языку, сохранившему всю полноту падежных форм и, следовательно, прежний синтетический строй. Уникальность ситуации состоит в том, что две формы языкового общения (устная и письменная) единой этнолингвистической общности – арабов обслуживаются не формами одного языка (литературного), а реализуются двумя структурно разными языковыми образованиями (АЛЯ и ОРЯ). Разговорный язык поливалентен, ибо широко функционирует в устной форме в быту и официальной жизни, а также в письменной форме в ограниченных пределах (в драматургии и поэзии, в кинофильмах и телепередачах). Литературный же язык остается в основном письменным, не имеет своей устно-разговорной формы.

Эти факты свидетельствуют о том, что в каждой арабской стране ОРЯ функционально выполняет роль общенародного разговорного языка населения, заняв (вместо АЛЯ) нишу устной формы языкового общения данного ареала. Как самостоятельное языковое образование ОРЯ обладает совокупностью строевых, функциональных и стилистических признаков. Одним из свидетельств становления ОРЯ той или иной столицы или страны является образование своего, свойственного только ему, лексического состава со своими определенными стилевыми уровнями.

¹ Г.Ш. Шарбатов. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки // Языки Азии и Африки. Африканийские языки. Семитские языки. Т. IV, кн. I. М., 1991, с.250-330.

Основные лексические пласты ОРЯ имеют интердиалектный, сводный характер, исключаяющий узкодиалектные слова какого-либо села или племени. При определении стилевых уровней ОРЯ большую роль играет такой важный социолингвистический фактор, как степень образованности говорящего. В разговорной речи грамотных граждан употребляются заимствованные из АЛЯ фонетические, морфологические и синтаксические формы, например, форма страдательного залога (в Дамаске и Каире *byusta 'mal* при общегородском нейтральном *byasta 'mlū* в Дамаске и *byista 'milū-h* в Каире 'он используется, использован'), сложные прилагательные, которым в общенародном нейтральном стиле соответствуют атрибутивные конструкции (в Дамаске *kibār əd-ḡabbāṭ X zəbbāṭ 'ḡbār*, в Каире *kubār iḡ-ḡubbāṭ X ḡubbāṭ kubār* 'старшие офицеры'). Для речи образованных лиц характерен больший процент арабских литературных лексем и заимствований из современных европейских языков.

В области лексики ОРЯ можно выделить пласты, функционально относящиеся: а) к нейтрально-разговорному стилю (НС): это относительно нормативная лексика общенародного разговорного языка; б) к более «высокому» стилю (ВС): это язык образованных людей, представителей интеллигенции, изобилующий словами литературного, книжного происхождения и иноязычными заимствованиями; в) к более «низкому» стилю – просторечному (ПС). Благодаря наличию нескольких стилевых уровней лексики ОРЯ один и тот же предмет может быть назван и описан в различных стилевых регистрах (нейтрально-разговорном, в речи интеллигенции, в просторечном). Своеобразие арабского языка состоит в том, что подобное трехчастное деление стиля можно провести именно в пределах обиходно-разговорного языка. Эти явления рассматриваются нами ниже на лексическом материале египетского, в частности, столичного – каирского, ОРЯ. Однако при трехчастном делении не обязательно параллельное наличие синонимичных лексем для всех трех уровней. Слово *'intirnet* 'Интернет' одинаково употребляется всеми слоями населения. Но иностранному слову *kmbyūtar* 'компьютер', ставшему единицей нейтрального стиля, соответствует арабский синоним *ḥāsib 'iliktirōni* в речи образованных лиц. В то же время некоторые слова, недавно пришедшие из литературного языка в ОРЯ, пока функционируют только в узкой среде представителей интеллигенции, все еще оставаясь лексемами высокого стиля; к ним относятся, например, *madaniyya* 'цивилизация', *ḥaqība* '(дипломатическая) почта', *nasr* 'проза', *'iftitahiyya* 'увертюра'. С другой стороны, только в просторечии допустимы: *'alam gamūs* 'дурачьё; дубьё' (букв. 'мир буйволов'), *'abu galambo* 'уродина' (букв. 'краб').

Лексические единицы соотносятся с теми или иными стилевыми уровнями в зависимости от своих лексических, фонетических и грамматических свойств. К разным стилям могут быть отнесены арабские однокоренные синонимы. Менее употребительные в АЛЯ синонимы занимают в ОРЯ свои

места в высоком стиле, а лексемы, созданные по характерным словообразовательным моделям разговорного языка, воспринимаются как просторечные: (НС) *waṭan* – (ВС) *mawṭin* ‘родина’; (НС) *dugg ēša* – (ВС) *dagša* ‘сумерки’; (НС) *ẓulm* – (ПС) *ẓalūma* ‘несправедливость’; (НС) *ḥidi* – (ПС) *ḥaddū'a* ‘сообразительный’; (НС) *da* – (ВС) *hāza* – (ПС) *hazūha* ‘тот’. Аналогичное разграничение создается также и разнокоренными арабскими лексемами: (НС) *bēt* – (ВС) *manzil* ‘дом’; (НС) *ginēna* – (ВС) *ḥadiqa, ḥadi'a* ‘сад’; (НС) *manaḥīr* – (ВС) *'anf* ‘нос’. Такова же роль многих фразеологизмов: (НС) *nahār-ak sa'id* ‘Добрый день!’ – (ПС) *nahār-ak 'abyaḍ* (или *zayy il-full*) ‘Добрый!; Добренько!’ [букв. ‘День белый (как жасмин)!’].

Иностранные заимствования (или их фонетические варианты) могут повысить стилевой статус речи в большей степени, чем знакомые арабские слова: (НС) *kuwayyis, 'āl, ṭayyib* ‘хорошо’ – (ВС) *'okei* ‘о'кей!'; (НС) *sitt* – (ВС) *madām* ‘жена’. Но и сами иноязычные слова – синонимы выступают в роли стилевых разграничителей: (НС) *lukanda* ‘гостиница’ – (ВС) *'otel* ‘отель’; (НС) *galāta* – (ВС) *'ayskrim* ‘мороженое’.

Чаще встречаются дублиеты, образовавшиеся на основе фонематических трансформаций одних и тех же однокоренных лексических единиц. Варианты высокого стиля, например, сохраняют цельность первоначальной (исконно арабской литературной) основы, не утрачивают [q], [ʔ]: (НС) *wiṣṣ* – (ВС) *wagh* ‘лицо’; (НС) *misa, masa* – (ВС) *masā, misā* ‘вечер’; (НС) *ṣadi'* – (ВС) *ṣadiq* ‘друг’.

При переходе арабской лексемы в разряд просторечия меняется характер соотношения гласных основы: (НС) *dustūr* – (ПС) *dastūr* ‘конституция’, (НС) *luga* – (ПС) *laḡwa* ‘язык’. Иноязычные же слова в просторечном звучании предстают также и с заметным изменением и даже искажением структуры слова: (НС) *madimwazēl, madamwazēl* ‘мадемуазель’, ‘барышня’ – (ПС) *mazmazēl, mazmazē* ‘девушка’; (НС) *otombil* – (ПС) *'utrombīl* ‘автомобиль’; (НС) *sinama* – (ПС) *sīma* ‘кино..’.

На просторечный стиль накладывает отпечаток и чередование сонорных: (НС) *mallīm* – (ПС) *mallīn* ‘меллим’ (монета); (НС) *diblōm* – (ПС) *dablōn* ‘диплом’; (НС) *'isma'il* – (ПС) *'isma'in* ‘Исмаил’.

В ОРЯ употребляются заимствованные согласные *p, v, ž* в составе иностранных слов. Часто именно они выделяют язык образованных лиц: (ВС) *'opira* – (НС) *'obra* ‘опера’; (ВС) *žaketta* – (ПС) *zakitta* ‘пиджак’; (ВС) *žip* – (НС) *tannūra* ‘юбка’. Однако они постепенно проникают и в общеупотребительный язык: (НС) *villa* – (ПС) *filla* ‘вилла’; (НС) *varanda, faranda* – (ПС) *baranda* ‘веранда’.

Метатеза – еще одно достаточно распространенное средство распределения синонимов по соответствующим уровням стилей. Перестановка звуков и слогов в составе слова в ОРЯ, возникающая на почве ассимиляции или диссимиляции, может сопровождаться и изменением их количественного

и качественного состава; (НС) *rumatizm* – (ПС) *maratizm, muratim, marmatim* ‘ревматизм’; (ВС) *zōg* – (НС) *gōz* ‘муж’; (НС) *'isbitalya* – (ПС) *'istibalya* ‘госпиталь’.

Сопоставление лексических единиц всех трех стилевых уровней показывает, что некоторые из них могут относиться одновременно к нескольким стилям, различаясь фонетически:

Нейтрально-разговорный стиль	Язык интеллигенции	Просторечный стиль	Перевод
<i>dogri, dayrekt</i>	<i>dogri, dayrekt</i>	<i>direkt</i>	‘прямо’
<i>'umbila, qumbila</i>	<i>qumbila, 'umbila</i>	<i>'umbila, bomba</i>	‘бомба’
<i>bilanti</i>	<i>binalti</i>	<i>bilin</i>	‘пенальти’
<i>bayb</i>	<i>payb</i>	<i>biba</i>	‘курительная трубка’
<i>bēt il-'adab</i>	<i>mirhād</i>	<i>maḥall il-'adab,</i>	‘уборная,
<i>tuwalitt, tawalitt</i>	<i>marhād</i>	<i>tawalitt</i>	туалет’
<i>la'ab</i>	<i>laqab</i>	<i>na'ab</i>	‘звание’

Семантический фактор также способствует расширению стилевых возможностей ОРЯ. С одной стороны, арабские слова в просторечии получают дополнительно новые стилистически пониженные значения, эмоциональные и образные характеристики: *banāti* (НС) ‘девичий; женский’ + (ПС) ‘бабий; бабский’; *'agda* (НС) ‘самый смелый’ + (ПС) ‘самый хороший’; *ṭēr* (НС) ‘птицы’ + (ПС) ‘мухи’. С другой стороны, обогащаются семантические ряды высокого стиля ОРЯ за счет притока в него из АЛЯ новых значений, в том числе терминологических и абстрактных: *ḥālīṣ* (НС) ‘чистый, несмешанный’ + (ВС) ‘чистый, искренний’; *raga* (НС) ‘надеяться’ + (ВС) ‘просить’; *'itgammar* (НС) ‘быть подогретым’ (о хлебе) + (ВС) (*ислам*) ‘совершить обряд омовения’.

В формировании стилей важна роль и грамматических средств. Одно и то же слово может соотноситься с разными стилями посредством различных синонимичных словообразовательных и словоизменительных морфем. Например, в живой речи (особенно часто в просторечии) встречается плеонастическая форма мн. числа в связи с процессом размывания структуры слова в ОРЯ. Здесь избыточность этой формы сказывается в том, что к форме ломаного мн. числа еще добавляется суффикс мн. числа: *ḥarb* ‘война’ → ‘войны’: (НС) *ḥurub* — (ПС) *ḥurubāt; ṣāḥib* ‘друг’ → ‘друзья’: (НС) *'aṣḥāb, ṣuḥāb* — (ПС) *ṣuḥabāt*. Для этого стиля характерно и употребление «ложного» мн. числа, когда говорящий, стремясь выразиться «культурно», «грамотно», использует неправильно, не к месту разбитое мн. число: *ḥikāya* ‘история’ → ‘истории’: (НС) *ḥikayāt* – (ПС) *ḥakāwi; ṣafḥa* ‘страница’ → ‘страницы’: (НС) *ṣafahāt* – (ПС) *ṣuḥaḥ*. А в высоком стиле многие предпочитают употреблять

литературные формы мн. числа: *rāgil* 'мужчина': мн. (НС) *riggāla* – (ВС) *rigāl*; *hibla* 'беременная': мн. (НС) *hiblīn* – (ВС) *ḥabāla*. Глагольные породы отражают стилевые оттенки достаточно четко. В АЛЯ активно функционируют две каузативные породы – II и IV. В ОРЯ в связи с особенностями устной речи форма IV породы оказалась фонологически неустойчивой и в основном исчезла. Ее функцию переняла II структурно устойчивая порода или I порода, выражающая значение переходности. Обе эти породы относятся к нейтральному стилю. Но в речи грамотных лиц все чаще встречается и форма IV породы, естественно, с повышенным статусом: (НС) I *naha* – (ВС) IV *'anha* 'заканчивать'; (НС) II *daḥḥal* – (ВС) IV *'adḥal* 'вводить'. Стилистически просторечную окраску получила чисто разговорная (нетипичная для АЛЯ) X (2) порода с усиленной основой. Она синонимична ряду стилистически нейтральным породам: (НС) V *'itballim* – (ПС) X (2) *'istiballim* 'поглупеть'; (НС) X (1) *'istahfa* – (ПС) X (2) *'istihaffa* 'упрятать'.

Наблюдаются случаи стилистического перемещения лексических единиц, когда литературные слова высокого стиля снижаются в ОРЯ до уровня просторечия: *ḥurta* 'жена', 'супруга', 'женщина' – (ОРЯ) грубо-простреч. 'баба'.

В результате активного взаимовлияния стилей АЛЯ и ОРЯ происходит дальнейшее проникновение в общенародный разговорный язык той лексики, которая прежде обычно употреблялась только в языке представителей интеллигенции, например: *tamyiz* 'дискриминация', *mutlaq* 'абсолютный', *safīnit faḍā* 'космический корабль', *raqm qiyāsi* 'рекорд'.

Л И ШКАРБАН

О РОЛИ СЛОГОВОЙ СТРУКТУРЫ В ГРАММАТИКЕ ТАГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Упоминание о слоговой структуре морфем входит в число тех грамматических характеристик тагальского языка (ТЯ), которые можно уже считать хрестоматийными. Приведем некоторые из них: ТЯ имеет развитую морфологию агглютинативного типа. Префиксация преобладает. Есть также суффиксы и инфиксы. Корневые морфемы типично двусложны, аффиксы типично односложны.

Ниже, на примере адъективной словоформы, образованной от корневой морфемы *tawa* 'смех', иллюстрируется возможность образования сложных префиксальных структур. Все морфемные границы (обозначенные дефисом) в данной словоформе совпадают со слоговыми границами. Каждый из включенных в нее префиксов полисемантический и широко используется в формо- и словообразовании. В данном случае префиксы *na-ra-ka-* образуют идиомати-

ческое единство со значением высшей степени качества. Следующие за ними префиксы *ta-* и *rag-* в данной словоформе – деривационные префиксы прилагательных. В позиции, ближайшей к корневой морфеме, префикс *ra-* – каузативный показатель:

(1) *na-pa-ka-ta-rag-pa-tawa* ‘чрезвычайно смешной’.

Слог как фонетико-фонологическая единица выделяется в ТЯ и языковой интуицией его носителей, и лингвистической интуицией его исследователей. Об этом свидетельствуют, в частности, описания слога в работах о ТЯ (см., например, разделы о слоге в [Bloomfield 1917, 138–141] в [Schachter, Otanez 1972, 26–30] (обе работы созданы при участии носителей ТЯ).

ТЯ не принадлежит к так называемым слоговым (или слогоморфемным, или изолирующим) языкам. Слог в ТЯ не связан жестко с планом выражения значимых единиц языка, не играет такой решающей роли в экспонировании морфем и слов, какую он играет в изолирующих языках Китая и Юго-Восточной Азии (в исследование которых столь заметный вклад внесен трудами В.М. Солнцева; в связи с рассматриваемой темой см., в частности, специальный раздел о слоге в фундаментальном исследовании [Солнцев 1995, 41–58]).

Данная работа – первое специальное обращение к вопросу о роли слоговой структуры в грамматике ТЯ, но в рамках ограниченного объема мы лишь очертим круг явлений, наиболее существенных, на наш взгляд, для указанной темы (рассматриваемой нами на материале только исконно тагальской лексики).

Будем исходить из предположения, что ТЯ занимает некоторое промежуточное положение между двумя гипотетическими полюсами: с одной стороны, это изолирующие языки (о проблемах фонологии этих языков в сопоставлении с языками иной типологии см. [Касевич 1983]); с другой – языки, «в которых фонологические признаки слога отсутствуют, ... слогоразделы в интервокальных комплексах согласных неопределенны», примером чего может служить русский язык (см. [Кодзасов 1990, 470]). Оговорим сразу же, что и в ТЯ есть отдельные случаи противоречивых решений при проведении слогораздела. Например, в [Bloomfield 1917, 138] слоговое деление (чисто фонетического характера) *sumú/lat* ‘писать’ объясняется тем, что после неударного гласного слогоделение (stress-division) не имеет места; ср. со слогоделением *su/mú/lat* в той же словоформе в [Макаренко 1970, 33]. Выделимость слога с неударным гласным признается и в [Schachter, Otanez 1972, 29], например, *da/ting* ‘приход’.

В данной работе спорадические сопоставления ТЯ с силлабическими языками обусловлены не только высокой степенью изученности связи слоговой структуры со значимыми единицами в этих языках, но и соображениями ареально-типологического характера. На территории Юго-Восточной Азии (в частности, на территории Вьетнама) в течение столетий австронезийские

языки чамийской группы (чам, чру, джорай, раде и др.) подвергались (и подвергаются) интенсивным ареально-типологическим влияниям со стороны соседствующих языков изолирующего строя. Исследования, проводившиеся в рамках российско-вьетнамской лингвистической экспедиции под руководством профессоров В.М. Солнцева и Хоанг Туэ, дали интересные свидетельства процессов моносиллабизации в чамийских языках (см. в этой связи, например, [Alieva 1997]). Данные филиппинских языков могут существенно обогатить картину эволюции отношений между слоговой структурой и грамматикой в западно-австронезийских языках.

Слог в ТЯ сближают со слогом в изолирующих языках две его фонетико-фонологические черты: а) простота его сегментной организации, а именно отсутствие стечений смычных согласных в консонантных позициях в слоге (отметим, однако, что слог в ТЯ не делится на инициаль и финаль, с последующим выделением в составе финали составляющих более низкого уровня, как в силлабических языках); б) связь слоговой структуры с фонологически значимой просодикой.

Что касается функциональных характеристик слога, то, как и в изолирующих языках, слог может быть частью звуковой оболочки знаменательной единицы, а также экспонентом служебной (грамматической) морфемы. В устной речи, при фонетической моносиллабизации некоторых корневых слов (определенного фонемного состава) отдельный слог может выступать экспонентом знаменательной единицы (см. ниже).

В тенденции, в ТЯ морфемные границы совпадают со слоговыми – см., например, (1).

Данными констатациями самого общего характера практически исчерпывается перечень сходств (в некоторой своей части приблизительных) между слогом в ТЯ и в изолирующих языках. Обратимся к различиям и прежде всего – к характеру фонологической просодики в ТЯ.

Слог и фонологическое ударение в ТЯ

Отличительной чертой филиппинских языков является фонологически значимое ударение (по своему фонетическому характеру оно прежде всего долготное, сопровождаемое повышением высоты тона и некоторым усилением звучания слогаобразующего гласного). В отличие от тона в изолирующих языках, фонологическая просодика здесь не является присущей характеристикой каждого отдельного слога. Скорее, слоговые последовательности – база для ритмической организации слова (и корневого, и аффиксально производного), регулируемой правилами расположения ударений, главного и второстепенного.

Различные акцентуационные схемы, налагаемые на одну и ту же морфемную последовательность, составляющую словоформу, играют смысловозначимую

чительную роль. Правила построения акцентуационных схем оперируют двумя функционально различными видами ударения – главным (обозначаемым знаком ') и второстепенным (обозначаемым знаком `). Главное, облигаторное для любой словоформы (корневой или аффиксально производной), различает смысл, меняя свое место в словоформе. Второстепенное ударение различает смысл, присутствуя или отсутствуя, т. е. противопоставляясь неударности того же слогаобразующего гласного.

Ниже, в (2) и (3) приведены примеры различения глагола и имени с помощью акцентуационных схем словоформ (состав сегментных морфем в глаголах и именах одинаков; подробно вопрос о различимости глагола и имени в ТЯ рассматривается в [Шкарбан 1995]):

(2) *awit-in* 'петься, быть спетым' – *áwit-in* 'песня';

(3) *bil(i)h-án* 'быть местом покупки' – *bilih-an* 'рынок' (место купли-продажи).

Примеры использования главного и второстепенного ударений для выражения конкретных грамматических значений [в (4) – результативности, в (5) – внезапности/случайности]:

(4) *báyad* 'плата, платеж' – *bayád* 'оплачено';

(5) *mag-ka-hiwaláy* 'отделиться друг от друга, расстаться' – *mag-kà-hiwaláy* 'отделиться друг от друга, расстаться (внезапно/случайно)'.

Словесное ударение участвует в формировании фразовой интонации. Можно, по крайней мере, говорить о важнейшей роли облигаторной (фонологически незначимой) ударности всякого конечного фразового слога в этих процессах, а именно его ярко выраженной долготности. Об этом свидетельствуют и описания тагальской просодики (например, в [Schachter, Otanez 1972, 17, 30– 54]), и наши собственные наблюдения над речью носителей ТЯ, как при непосредственном общении, так и при прослушивании магнитофонных записей с полевыми материалами; знакомством с некоторыми редчайшими записями такого рода я обязана любезности профессора Дж. Уолфа (Корнелльский университет, США), приславшего их мне.

В целом ритмообразующая функция ударения, реализующаяся вне словесных рамок, связь ее с грамматикой изучены совершенно недостаточно. Это относится, в частности, к явлению, к которому, на наш взгляд, применимо традиционное понятие «фонетического слова». Имеется в виду соединение полноударной единицы с примыкающей к ней энклитикой/цепочкой энклитик, а также с проклитическим синтаксическим показателем (если он присутствует). В данной работе мы лишь ставим вопрос о релевантности понятия «фонетическое слово» в связи с тагальской просодикой. Определение же точных границ его применимости требует специальных экспериментальных исследований. Поэтому и далее в данном тексте этот термин заключается в кавычки.

Энклитики (модальные и видовые частицы, личные местоимения) могут быть односложными и двусложными. Все проклитики односложны. Примеры односложных энклитик:

(6) *ka* 'ты', *na* 'уже', *pa* 'еще', *po* (частица вежливости), *ba* (вопросительная частица), *daw/raw* 'якобы', 'говорят'.

Примеры двусложных энклитик:

(7) *lamang* 'только', *naman* 'однако', *sana, yata* (выражают предположение).

Примеры проклитик: показатель предикативности *ay*, аналитические падежные показатели *ang, nang, sa*.

Обращение к понятию «фонетическое слово» оправдано хотя бы потому, что главное словесное ударение способно смещаться со словоформы на энклитику, ритмически уравниваясь второстепенным ударением (если оно есть у данной словоформы). Следует учитывать, что в слове может быть два второстепенных ударения; при этом повышение тона начинается с предупредительной гласной [Bloomfield 1917, 142], например:

(8) *nà-rà-ramdam-án* 'ощущается'.

Вместе с конечнофразовым ударением, обязательным для любой последней энклитики во фразе, главное и второстепенное ударения создают чрезвычайно выразительный ритмический рисунок «фонетических слов» и, в конечном счете, – предложения. Ниже приведены высказывания, представленные «фонетическими словами»:

(9) *oras ná* 'пора' (букв. время уже),

(10) *tapos ná* '(о)кончено', 'все!' (букв. кончено уже),

(11) *Alalis ka na po bá?* 'Ты уже уходишь?' (букв. уйдешь ты уже ВЕЖЛИ).

(12) *Kumàkain ka pa bá?* 'Ты еще ешь?' (букв. ешь ты еще ли).

Просодика и порядок слов в ТЯ

Обратимся к функциональному аспекту рассматриваемого явления – к роли просодического фактора в реализации правил порядка слов. Речь идет о порядке членов предложения, т. е. о порядках типа SVO, VOS и т. д.

Для правил порядка слов в ТЯ, опирающихся в определенной мере на просодику (впервые на это явление было обращено внимание в [Шкарбан 1995, 224–226]), принципиально важна начальная приграничная зона группы сказуемого, формируемая с использованием энклитик (т. е. представленная «фонетическим словом» в начале группы).

Дело в том, что энклитизация в ТЯ характерна прежде всего для группы сказуемого. Это определяется не только семантикой энклитик (их видовыми и адвербиальными значениями), но также следующим обстоятельством: базовый, статистически доминирующий порядок слов в ТЯ – VOS. Соответст-

венно, первое полноударное слово в предложении, к которому присоединяются энклитики (по общему правилу, известному как закон Ваккернагеля), чаще всего является и первой ударной единицей в группе сказуемого. Однако в препозиции к сказуемому (т. е. к главному члену группы) очень часто находится полноударное слово, принадлежащее к одной из двух групп:

а) неперемещаемые, синтаксически зависимые препозитивные единицы, задаваемые закрытым списком (отрицания, вопросительные наречия, адвербиальные модификаторы и некоторые другие), например:

(13) *Bákit ka na po ba ùalis?* 'Почему ты уже уходишь?' (букв. почему ты уже ВЕЖЛ ли уйдешь);

и б) рематизированные зависимые члены группы (косвенные дополнения, некоторые обстоятельства), инвертированные в препозицию к сказуемому. Подчеркнем, что инверсия в рамках сказуемостной группы служит именно рематизации перемещаемой зависимой единицы. Пример:

(14) *Búkas na lamang ako ùalis* 'Я уеду только завтра' (букв. завтра уже только я уеду).

Энклитики, присоединяемые к инвертированному (или облигаторно препозитивному) члену сказуемостной группы, создают просодическое и ритмическое единство, существенное еще для одного вида инверсии – для перемещения единицы в препозицию ко всей группе сказуемого (= в экспозицию предложения). Эта внешняя по отношению к группе позиция интродуктивна по отношению к новой, важной информации, заключенной в группе сказуемого. Она используется и для тематизации члена предложения, в частности при перемене темы сообщения (тематизироваться может и зависимый член группы сказуемого). При такой инверсии (как, впрочем, при любом заполнении позиции, предшествующей группе сказуемого) появляется проклитический маркер группы, показатель предикативности *ay* (поэтому данный вид инверсии обычно называется *ay*-инверсией). При положении группы в абсолютном начале предложения маркер всегда представлен своим нулевым вариантом. Пример *ay*-инверсии (ПС – показатель сказуемого):

(15) *Búkas ay ùalis na raw siyá* 'Завтра он уже, говорят, уезжает' (букв. завтра ПС уедет уже якобы он).

В приведенном примере маркер предшествует главному члену группы сказуемого (т. е. самому сказуемому). Однако, если совмещаются оба вида инверсии (внутри группы и в препозицию к ней), оказывается существенной начальная граница того просодического единства, которое образовано инвертированным (внутри группы) словом и следующими за ним энклитиками, т. е. начальная граница «фонетического слова», открывающего собой группу сказуемого. Эта граница, естественно, является и начальной границей всей группы сказуемого, маркируемой частицей *ay*.

В следующем примере в экспозицию предложения (= в препозицию к предикативному показателю *ay*) вынесено модальное слово *marahil* 'вероят-

но'. Наречие *bukas* 'завтра' инвертируется (= рематизируется) в границах группы сказуемого и сопровождается энклитиками *na* 'уже' и *lamang* 'только' – ср. с (15), где *bukas* вынесено в препозицию ко всей группе сказуемого:

(16) *Maráhil ay búkas na lamang ako àalis* 'Возможно, только завтра я уеду'.

Как мы видим, оба вида инверсии – внутри и вовне группы сказуемого (т.е. помещение единицы в постпозицию к маркеру *ay/0* или в препозицию к *ay*) свидетельствуют, что начальная граница группы сказуемого – важнейшая опорная точка порядка слов в ТЯ. Подтверждает это и наличие в группе сказуемого просодически и ритмически выделяемой начальной приграничной зоны, формируемой при участии энклитик (односложных и двусложных).

В заключение данного раздела можно сказать, что слоговая структура в ТЯ – носитель «морфологизованного» и «синтактизованного» ударений (в связи с этими терминами см. [Зубкова 1984, 31]), сложно и выразительно взаимодействующих в устной речи носителей ТЯ.

Слог и сегментная организация корневой морфемы в ТЯ

Лексикон ТЯ не содержит односложных знаменательных слов, однако это положение верно для лексических единиц в их словарной форме. В устной речи корневые слова определенного фонемного состава подвергаются моносиллабизации (за счет гласного первого слога). В этих процессах решающую роль играют фонемы /h/, /ʔ/ и неслоговые варианты фонем [i] и [u], т.е. полугласные у и w. Обратимся к их роли в сегментной организации слоговой структуры корневых морфем.

Типичная для ТЯ, статистически преобладающая двусложная корневая морфема, в большинстве случаев тождественная корневому слову, может иметь слоговую структуру двух видов: CV/CVC (с открытым начальным слогом) и CVC/CVC (с закрытым начальным слогом); в обоих случаях первый слог – прикрытый). Пример: *báhay* 'дом' (слоговое деление: *bá/hay*), *pan/sín* 'внимание', *muk/ha?* 'лицо'.

Считается, что в ТЯ всякий конечнофразовый слог (включая конечный слог слова при его изолированном произнесении) закрыт (см., например, [Schachter, Otanez 1972, 28–29]). При этом учитывается и так называемый слабый отступ [h], в виде которого реализуется фонема /h/ в абсолютном исходе слова. Это фонетическое явление никак не отражается тагальской орфографией, что создает впечатление, будто многие конечнофразовые слоги открыты, например: *takbó* [tak/bóh] 'бер', *dalá* [da/láh] 'ноша'. В интервокальном положении «слабый отступ» заменяется отчетливым придыхательным аллофоном, фиксируемым орфографией [ср. *tak/bu/han* 'бер' (о многих)].

Место начального согласного и в первом, и во втором слоге может быть занято нефонологической гортанной смычкой (также не фиксируемой орфо-

графией), чем и объясняется облигаторная прикрытость начального слога корневым морфем, например: *ulól* [ʔulʔól] 'глупый', *alaála* [ʔalaʔála] 'сувенир'. Начальная нефонологическая гортанная смычка сохраняется и на морфемном стыке (но не в интервокальном положении): *ina* [ʔína] 'мать' – *mag-ina* 'мать и дитя'.

Зияние устраняется гортанной смычкой, глайдами *u* и *w*, причем в определенных условиях возможно варьирование *ʔu* или *ʔw*, например: *daán* [daʔán] 'дорога', *tao* [taʔo/tawo] 'человек', *kain* [kaʔin/ kayin] 'еда'.

В устной речи, однако, интервокальная смычка неустойчива; при ее опущении происходит стяжение гласных: *doʔón* 'там' → *don* [отметим, что это же явление наблюдается и в производных словах: *paʔáno* 'как' (префикс *pa-* + *ʔáno* 'что') → *páno*].

Что касается глайдов *u* и *w*, то они, напротив, более устойчивы, чем соответствующие им слогаобразующие гласные *i* и *u*: если такой гласный находится в первом безударном слоге, то в устной речи он опускается перед соответствующим глайдом, устраняющим зияние, например: *iyón* 'то, тот' → *yon*; *siyá* 'он' → *syá*; *biwán* 'месяц' → *bwan*; *niyóg* 'кокос' → *nyog*; *tuwing* 'каждый' → *twing*; *piwang* 'пространство' → *pwang*. В результате возникают те кластеры типа «смычный/фрикативный + глайд» (*sy*, *ny*, *bw*, *pw* и др.), которые допускаются сегментной структурой слога в исконно тагальской лексике. Корневая морфема при этом моносиллабируется. Регулярность этих процессов такова, что некоторые слова фиксируются в словарях как моносиллабы, например, запретительная частица *hwag* (← *huwag*).

Другой вид опущения корневой морфемы – ее моносиллабизация при сандхиальных процессах, а именно при ее соединении с суффиксом *-in* или *-an*. Однако в рамках аффиксального деривата этот процесс не приводит к моносиллабизации слова целиком (подробнее см. ниже).

Слоговая структура служебных морфем (аффиксов и редупликаторов)

Тагальские аффиксы в подавляющем большинстве односложны. Основные префиксы: *mag-*, *tang-*, *ma-*, *pag-*, *rang-*, *pa-*, *ka-*, *i-* и некоторые другие; суффиксы (в ТЯ их два): *-in* и *-an*; инфиксы (их тоже два): *-in-*, *-um-*.

Аффиксы, которые в синхронии могут считаться двусложными (например, *maki-*, *pati-*, *mala-*, *pala-*), не являются вполне целостными, абсолютно неразложимыми на составляющие части морфемами. Их соотношение с упомянутыми выше префиксами *ma-* и *pa-* позволяет выделять в них синтагматически зависимые элементы *-ki-*, *-ti-*, *-al-* (см., например, [Wolfenden 1961, 11]). На наш взгляд, эти двусложные единицы демонстрируют наибольшую синтагматическую зависимость одного префикса от другого (о различных степенях подобной зависимости – явления, характерного для аффик-

сальных структур в ТЯ, – см. [Шкарбан 1995, 74–79]). Возможно, элементы *-ki-*, *-ti-*, *-al-* являются субморфами. В любом случае, в служебных единицах *maki-*, *pati-*, *mala-* и др. границы каждого из слогов морфологически значимы [как указывалось выше, в сложных префиксальных комбинациях в ТЯ подавляющее большинство слоговых границ совпадает с морфемными границами; см. (1)].

Единственным подлинно двусложным префиксом (внутри которого не проходит морфологическая граница) является префикс имен лиц *taga-*: *taga-Maynila* ‘манилец’, *taga-sulat* ‘секретарь’ (от *-sulat-* ‘писание’).

Слоги, экспонирующие тагальские аффиксы, в абсолютном большинстве используются и для формирования звуковых оболочек корневых морфем. В ТЯ только к этой общей части слогового фонда сонем (т. е. экспонентов грамматических морфем) и номем (экспонентов лексических единиц) относится положение, верное для слогов изолирующих языков: «...каждый слог в изолирующих языках может выражать какое-либо значение» [Солицев 1995, 51].

Примеры пересечения слогового состава корневых и аффиксальных морфем:

а) *si/nag* ‘луч’; ср.: префикс мн. ч. *si-*, редупликатор *si-*, показатель «активного» залога *nag-* в *nag-si-si-dating* ‘приходят’,

б) *si/pag* ‘усердие’; ср.: *pag-* (деривационный префикс имен действия) в *pag-dating* ‘приход’;

в) *lá/mang* ‘только’, ср.: *mang-* – глагольный префикс (*mang-?aral* ‘проповедовать’);

г) *má/lay* ‘сознание’; ср.: *má-* (деривационный префикс глаголов) в *má-lungkot* ‘опечалиться’;

д) *ka/lán* ‘печь’; ср.: *ka-* (именной и глагольный префикс) в *ka-patid* ‘брат/сестра’ и в *tag-ka-sakit* ‘заболеть’;

е) *i/bá* ‘другой’; ср.: *i-bigáy* ‘быть отданным’ (*i-* – глагольный префикс).

Примеры корневых морфем, не содержащих слогов, способных экспонировать аффиксы (таких корневых морфем – большинство): *ba/lik* ‘возвращение’, *gú/tom* ‘голод’, *há/ba?* ‘длина’, *lákaw* ‘ширина’ и т.д.

Морфологический механизм ТЯ, действующий строго на основе слоговой структуры, – редупликация. Ее разновидности различаются по количеству слогов в редупликаторе:

а) односложная редупликация (редупликатор равен первому слогу словоформы, будь то префикс, часть префикса или часть корневой морфемы/слова), например: *su-sulat* ‘будет писать’ (корневая морфема *-sulat-*); *tag-ka-ka-laki* ‘равные друг другу’ (удвоен префикс *ka-*);

б) двусложная редупликация: *bayan* ‘город’ – *bayan-bayan* ‘города’, ‘каждый город’; *araw* ‘день’ – *araw-araw* ‘день за днем’, ‘каждый день’.

Односложный редупликатор всегда представлен только открытым слогом, поэтому он не может полностью воспроизвести префикс или первый слог корневой морфемы, если это закрытые слоги. Например: *ma-gan-da* 'красивый' – *ma-ga-gan-da* 'красивые' (от *ganda* 'красота'), *pag-linisin* 'быть вычищенным' (от *linis* 'чистота') – *pa-pag-linisin* 'будет вычищен' (удвоена часть префикса *pag-*).

Как мы видим, редупликатор индифферентен к морфологической значимости слогаделения, если это касается конечной границы закрытого слога – экспонента аффикса. Эта индифферентность связана, на наш взгляд, с тем, что редупликация – особый морфологический механизм, направленный на количественное преобразование (удлинение знаменательной единицы).

Слог и количественные характеристики словоформ

Предельная длина префиксальной цепочки, судя по всему, определяется максимально допустимым числом слогов в словоформе. Так, максимально число слоговых позиций в префиксальных структурах равно семи; шесть из них могут быть заняты префиксами [см. (1)] и одна – редупликатором. В отсутствие редупликатора число префиксов, по нашим данным, не может быть больше шести. Примеры префиксальной структуры, дополненной редупликацией: *ma-i-pag-pa-pa-gawa* 'быть тем, что закажут (прикажут) сделать' (от *-gawa-* 'дело, работа'); *pag-ka-ka-pag-ka-sakit* 'характер (начала) заболевания' (от *-sakit-* 'боль, болезнь').

Суффиксы (*-in* и *-an*) в абсолютном большинстве случаев не образуют цепочек, удлиняя словоформу, как правило, на один слог. Но не только этим различаются роли префиксов и суффиксов в определении количественных параметров словоформ. Обращает на себя внимание способность суффиксов, при определенных просодических условиях и определенном фонемном составе корневых морфем, редуцировать число слогов в словоформе. Упомянутая выше сандхиальная моносилабизация корневой морфемы происходит именно при ее соединении с суффиксом: если конечный слог в ней ударный, то при суффиксации (при образовании глаголов) происходит сдвиг ударения с корневой морфемы на суффикс. Гласный, утративший ударение, в большинстве случаев опускается (фонемный состав корневых морфем, при котором это опущение не происходит, требует специального рассмотрения). Примеры сандхи указанного рода:

(17) *sakit* 'боль' + *-an* (показатель «пассива») → *saktán* 'быть раненным' (морфемное членение: *sakt-án*; слоговое членение: *sak/tán*);

(18) *dalá* [*daláh*] + *-in* (показатель «пассива») → *dalhin* 'быть принесенным' (морфемное членение: *dalh-in*; слоговое членение: *dal/hin*).

По сути, при определенных просодических и фонематических условиях под давлением суффиксации происходит компрессия слоговой цепочки –

явление, затрагивающее широкий круг корневых морфем и высокочастотное в текстах на ТЯ. При этом в большинстве случаев переразложение конечного слога корневой морфемы происходит «в пользу» суффикса, поскольку при слоговом делении к нему присоединяется конечный согласный корневой морфемы (см. приведенные выше примеры).

Обратимся в этой связи к явлениям ресиллабации в ТЯ.

Соотношение слоговых и морфемных границ в ТЯ

Рассмотренное выше переразложение последнего слога корневой морфемы при суффиксации свидетельствует о неустойчивости конечной зоны корневых морфем при сандхиальных явлениях. Что касается начального слога словоформы, то он, напротив, при ресиллабации демонстрирует устойчивость своего первого согласного как начального пограничного сигнала словоформы. Это ярко проявляется при инфиксации, затрагивающей подавляющее большинство корневых и производных слов: их первый слог расщепляется при введении инфикса, поскольку инфикс (*-in-* или *-um-*) всегда помещается после первого согласного словоформы. Ниже, в (19) инфикс вводится в корневую морфему, в (20) инфикс расщепляет начальный префикс, в (21) инфикс вводится в редупликатор:

(19) *k-um-ain* 'есть' (*kain* 'еда'; *-um-* – показатель «активного» залога);

(20) *p-in-a-kain* 'был накормлен' (*pa-* – показатель каузатива, *-in-* – показатель «пассива/реалиса»);

(21) *k-um-a-kain* 'ест' (*ka-* – редупликатор; *-um-* – показатель «активного» залога).

При инфиксации внутри каждого из двух результирующих слогов – первого и второго – проходит морфемная граница: в первом слого – начальная граница инфикса, во втором слого – его конечная граница: *k-u/m-a/in* 'есть'.

Особым образом соотносятся морфемная и слоговая границы при фузии префикса и основы (корневой или производной). Речь идет о присоединении префиксов *maN-*, *naN-*, *paN-* с конечной назальной фонемой, подвергающейся регрессивной ассимиляции под влиянием C_1 основы. Результирующие префиксы: *man-*, *tam-*, *mang-*, *pan-*, *ram-*, *pang-* и т. д. Примеры ассимиляции на морфемном стыке: *man-digma* 'воевать' (*digma* 'война'), *ram-bigay* 'подарок', '(нечто) предназначенное для раздачи' (*bigay* 'давание'); *pang-gawa* 'инструмент' (*gawa* 'дело, работа').

Если начальной согласной основы является одна из следующих фонем – /p/, /t/, /k/, в некоторых случаях и /b/, то имеет место фузия: морфемный стык представлен соответствующей назальной фонемой (/m/, /n/ или /ŋ/): *manakot* 'пугать' (от *takot* 'страх'); *tamawi?* 'устранять' (от *pawi?* 'облегчение'); *tamigay* 'раздавать' (от *bigay* 'давание').

На первый взгляд, двусложность корневой морфемы полностью сохраняется при подобных фузионных явлениях и ресиллабация не имеет места: *ma/na/kot* 'пугать', *ma/mi/gay* 'раздавать'. Однако грамматически значимое чередование фонем типа *p/m*, *t/n* в позиции *C*₁ первого слога основы позволяет считать, что морфемная граница проходит в подобных случаях через начальную фонему основы. В самом деле, в первой, назальной фонеме основы результирующего деривата (*m*, *n* или *ŋ*) признаком «назальность» представлена финаль присоединяемого префикса, архифонема *N*-. Остальные же дифференциальные признаки фонемы, появляющейся при фузии, относятся к исходной инициали первого слога основы (*p*, *t*, *k* или *b*; этот взгляд подробно обосновывается нами в [Шкарбан 1972, 252-259]).

Означают ли рассмотренные явления ресиллабации и фузии (охватывающие большинство корневых и производных основ), что слоговые границы незначимы в ТЯ для морфемного членения? Ряд факторов позволяет утверждать обратное, а именно, что совпадение морфемного и слогового деления сохраняет потенциально свою силу и при указанных морфонологических процессах. Отметим из этих факторов следующие:

1. Корневые морфемы, производные основы и аффиксы всегда «восстановимы» в своих исходных границах: а) при значимом опущении аффикса, б) при замене одного аффикса другим, в) при парадигматическом соотнесении корневой морфемы, слоговая структура которой подверглась переразложению, с самостоятельным корневым словом, всегда имеющим «исходную» слоговую структуру, т.е. структуру корневой морфемы в ее словарной форме. В качестве примера приведем четыре парадигматически соотнесенных словоформы (от корневой морфемы *-bilih-* 'купля', 'продажа'):

(22) а. Инфинитив: *bilh-in-* (← *bilih* + *-in*); слоговое членение: *bil/hin* 'быть купленным'.

б. Перфектив: *b-in-ilih*; слоговое членение: *bi/ni/lih* 'был куплен'.

в. Будущее время: *bi-bilih* (*bi/bi/lih*) 'купит'.

г. Имя действия: *bilih* (*bi/lih*) 'купля', 'покупка'.

2. В суффиксально производных именах, тождественных по морфемному составу глаголам, не происходит сандохнальная моносиллабизация корневой морфемы. Этому препятствуют акцентуационные схемы имен (играющие различительную роль). Ср., например, *pūt-án* 'быть местом рубки, быть тем, от чего отрубили' и *pūtúl-an* 'совместная рубка' [реципрокальное существительное; корневая морфема *-pūtol-* 'рубка'; см. также (3)];

3. Фузионное слияние префикса и основы, происходящее только при определенных морфонологических условиях, не является строго облигаторным даже при наличии этих условий. В ТЯ (как и в других филиппинских языках) есть тенденция семантизации различий между фузионной и агглютинативной техникой соединения одних и тех же морфем, в частности, в целях разграничения глагола и имени: фузионность указывает на глагольность словоформы,

а агглютинативная техника – на именной характер словоформы, например: *tamili* ‘заниматься покупками (регулярно)’ – *ramimili* ‘покупки, закупки (регулярные)’ (отглагольное имя) – *ram-bili* ‘то, на что делаются покупки’, ‘средства, предназначенные для покупки’ (корневая морфема *-bili-* ‘купля’, ‘продажа’; об общеязыковой тенденции дополнительного распределения фузии и агглютинации между соответственно глаголом и именем см. [Зубкова 1984, 9, 15-17]).

Одноконсонантная флексия в ТЯ

Экспонентом грамматической морфемы в ТЯ может быть и согласная фонема. Данное явление, трактуемое нами как флективное изменение префикса, демонстрирует теснейшую связь одноконсонантных морфем со слоговой структурой. Речь идет о парадигмах односложных префиксов с грамматически значимым чередованием фонем *m*, *n*, *p*, т. е. о парадигмах типа *mag-*, *nag-*, *pag-*; *mang-*, *nang-*, *pang-* и т. д. (*m* – показатель ирреального наклонения, *n* – показатель реалиса, *p* – указывает на нейтрализацию модальных различий при образовании отглагольных имен (прежде всего – имен действия; *p*-префиксы служат также целям глагольного основообразования); например: *mag-bili* ‘продать’, *nag-bili* ‘продал’, *pag-bi-bili* ‘продажа’).

Указанное грамматическое чередование согласных не отменяет целостности данных слогов как экспонентов префиксов, подтверждением чему служат многие аспекты функционирования рассматриваемых морфем, синкретически выражающих залоговые и видовые значения. Это фонемное чередование относится к неаддитивной морфологии и демонстрирует сходство с так называемой внутренней флексией (в других языках), при которой флективно изменяемая единица не делится на линейно соположенные морфемы, но является носителем грамматической альтернации фонем (в данном случае – *m*, *n*, *p*); подробное обоснование данной трактовки см. в [Шкарбан 1995, 46–49]).

В ТЯ флексия префикса – это особое пространственное соотношение экспонентов двух морфем, со слоговой и неслоговой (одноконсонантной) структурой – совмещение одноконсонантной морфемы с инициальной префикса. Следовательно, внутри слога, экспонирующего префикс, проходит морфемная граница, но не имеет места морфемный стык. Покажем соотношение планов содержания и выражения флексии и префикса следующим образом:

«Активный» залог/интенсив: *mag-*, *nag-*

Ирреальное наклонение: *m-*

Реальное наклонение: *n-*

В заключение отметим, что рассмотренные явления тагальской грамматики не соотносятся ни с какой строгой системой параметров типологической оценки языков по степени их силлабичности. Тем не менее они, как нам кажется, подтверждают справедливость предположения, что при осуществ-

лении такого шкалирования языков ТЯ занял бы некоторое промежуточное положение между полюсами шкалы силлабичности.

ЛИТЕРАТУРА

- Зубкова Л.Г.* Части речи в фонетическом и морфонологическом освещении. М., 1984.
- Касевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Кодзасов С.Д.* Слог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Макаренко В.А.* Тагальское словообразование. М., 1970.
- Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.
- Шкарбан Л.И.* Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.
- Шкарбан Л.И.* Замечания о тагальской фонологии в связи с изучением морфологии тагальского языка // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- Alieva N.F.* The progress of monosyllabization in Cham as testified by field materials // Proceedings of the 7th International Conference on Austronesian Linguistics. C.Ode, W.Stokhof (eds.). Amsterdam – Atlanta, GA, 1997.
- Bloomfield L.* Tagalog texts with grammatical analysis // University of Illinois Studies in Language and Literature. 1917. Vol. 3, № 3, 4.
- Schachter P., Otanez Fe.* Tagalog Reference Grammar. Berkeley – Los Angeles, 1972.
- Wolfenden E.* A Re-statement of Tagalog Grammar. Manila, 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова. Вадим Михайлович Солнцев – языковед</i>	3
---	---

І. Теория языкознания

<i>В.М. Алпатов. Что такое марксизм в языкознании?</i>	8
<i>Бао Хун (Китай). Роль экспрессивного синтаксиса в структуре текста</i> ...	20
<i>Е.И. Кириленко. О семантических корреляциях глаголов и существительных (на материале английского языка</i>	29
<i>М.А. Коростовцев. Рецензия на книгу: В.М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование</i>	32
<i>М.А. Кумахов. Черкесский масдар: грамматика и типология</i>	37
<i>В.А. Курдюмов. К вопросу о предикативности и референтности</i>	44
<i>Чан Ван Ко (Вьетнам). Введение в Инь-ян грамматику</i>	49
<i>З.М. Шаляпина, Л.С. Модина, М.И. Канович. Экспериментальный комплекс ЯРАП как инструмент сопоставительных (лингвистических) исследований</i>	64
<i>А.М. Шахнарович. К проблеме знакового обозначения и его психолингвистических механизмов</i>	79

ІІ. Социальная лингвистика

<i>А.Н. Баскаков. Языковая компетенция и типы языковых контактов тюркоязычных народов Российской Федерации</i>	86
<i>М.И. Исаев. Этнолингвистические проблемы Евразии (аспекты языкового планирования)</i>	101
<i>Т.Б. Крючкова. Социальные изменения – языковые изменения (на материале общественно-политического словаря)</i>	106
<i>В.Ю. Михальченко. Законы о языках и языковые конфликты на территории бывшего СССР</i>	116

<i>Н.Н. Семенюк.</i> Языковая ситуация и «языковая личность» в эпоху немецкой реформации (Лютер и Карлштадт).....	123
<i>Э.Р. Тенишев.</i> Тувинское племя кёкмунчак из Синьцзяна.....	130
<i>Хо Синг Чэль</i> (Южная Корея). Корейцы в СНГ – языковая ситуация.....	134

III. Восточное языкознание

<i>А.Н. Алексахин.</i> Роль сингармонизма в создании фонетической целостности слов китайского языка путунхуа.....	151
<i>Н.Ф. Алиева.</i> Австронезийский язык чам (тям) в Индокитае: типологическая эволюция и ее предпосылки.....	164
<i>В.А. Ефимов.</i> Новые материалы по языку парачи (Афганистан).....	172
<i>И.Н. Комарова.</i> О лхасском диалекте тибетского языка.....	181
<i>Нгуен Туэт Минь.</i> (Вьетнам). К вопросу о словнике и словарных единицах «Большого вьетнамско–русского словаря».....	190
<i>М.Н. Орловская.</i> Формы каузатива и проблема побудительного залога в монгольских языках.....	202
<i>Г.Ц. Пюрбеев.</i> Концепт судьбы в культуре монгольских народов.....	211
<i>Ю.А. Рубинчик.</i> Структурные типы арабских заимствований в персидском языке.....	219
<i>А.Л. Семенов.</i> Новые тенденции в развитии китайской лексики.....	228
<i>Г.Ш. Шарбатов.</i> К проблеме выделения стилевых уровней лексики арабских обиходно-разговорных языков.....	235
<i>Л.И. Шкарбан.</i> О роли слоговой структуры в грамматике тагальского языка.....	239

Научное издание

ОБЩЕЕ И ВОСТОЧНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ
70-ЛЕТИЮ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН
В.М.СОЛНЦЕВА**

*Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН*

Лицензия ЛР № 030231 от 24.12.1996 г.

Подписано в печать 25.03.99.

Формат 70 x 108/16.

Гарнитура Times New Roman Cyr.

Усл. печ. л. 16. Тираж 1000 экз.

Издательство «Советский писатель»,
121069, г.Москва, ул.Поварская, д.11

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6